

Spiegel der Geheimnisse

unabhängige

russischsprachige Zeitschrift
für Kultur und Politik

mit ausgewählten Beiträgen
in deutscher Übersetzung

Berlin 1999 6,90 DM

Зеркало Загадок

8

Культурно-политический журнал

Как и зачем делили

Германию

И. Химмепьман

Русские

в Нью-Йорке

Ю. Гинзбург

**«Ach wie gut, daß
niemand weiß...»**

Ф. Горенштейн

**Эмиграция перед
зеркалом**

И. Полянский

Читая дневники...

Е. Эткинг

**«Русский немец
белокурый...»**

В. Демидов

ПРЕССА ○ НАС

“Зеркало Загадок” находит и авторов, и проблематику не столько в России, сколько в эмиграции. Обсуждение того, что волнует русского человека, волей судьбы оказавшегося в Германии, - сильная сторона журнала... Журнал старается вербовать участников с громкими именами: для двух номеров “Зеркала Загадок” предоставила свои “университетские” рассказы доктор филологических наук Наталья Толстая. Для журнала пишет Е. Эткинд. Постоянным автором журнала становится Ф. Горенштейн. “Зеркало Загадок” не ограничивается обстоятельными исследованиями - журнал делает и практические шаги... Редакция публикует обращение к обербургомистру Мюнхена с просьбой установить памятную доску с именем великого русского поэта (Ф. Тютчева) - и такой, практический, результат «словесности» не может не вызвать уважения.

“Новый Мир”, 2/1998

За свою редакторскую деятельность в “Зеркале Загадок” Полянский получил недавно стипендию Земли Бранденбург... Особенно важно связанное с этой стипендией признание журнала немецкой стороной: ведь до сих пор русская эмиграция в Германии не имела возможности участвовать в официальных российско-германских культурных связях.

“Франкфуртер Альгемайне Цайтунг”, 1997

Появление “первого в послевоенной Европе русскоязычного культурно-политического журнала” (так в Editorial) не прошло незамеченным, причем не только все регистрирующими средствами информации (как, например, радиостанцией “Свобода”), но и, что гораздо важнее, читателями. Малый конференцзал в “Русском доме” на Фридрихштрассе, где в начале ноября состоялась презентация журнала, был так переполнен людьми, что казалось, здесь отмечается важнейшее событие культурной жизни года.

“Тип-Магазин”, 1996

В Берлине выходят более или менее регулярно три русских журнала... Только один из них - „Зеркало Загадок” - действительно выполняет роль культурно-политического журнала со своим лицом и пристрастиями. В это лицо стоит взглянуть. Оно не совсем обычно, тем более для Германии.

“Русская Мысль”, 1998

ПРЕССА ○ ВАС

Продолжая добрую традицию прессы русского зарубежья журнал “Зеркало Загадок” принимает пожертвования от физических и юридических лиц. По желанию донаторов их имена и портреты могут быть обнародованы на страницах «ЗЗ».

Пожертвования просим переводить на банковский счет журнала:

Dresdner Bank

K-to Nr. 4038701000, BLZ 10080000

Empfänger: Igor Polianski

Пожалуйста, не забудьте указать свое имя в графе “Verwendungszweck”.

Зеркало Zagadok

ЗЕРКАЛО

- 2 **Лучше меньше, да лучше** Иосиф Химмельман
Как и зачем делили Германию.
- 8 **Эмиграция перед зеркалом** Игорь Полянский
Обзор русских литературных журналов в Германии - Ferndiagnose.
- 14 **"Ach wie gut, daß niemand weiß, daß ich
Rumpelstilzchen heiß"** Фридрих Горенштейн
- 19 **Русские в Нью-Йорке** Юрий Гинзбург

CURRICULUM VITAE

- Ефим Эткинд **Две еврейские судьбы** 22
Читая дневники Виктора Клемперера
- Вячеслав Демидов **Русский немец белокурый...** 32
Макс Фасмер - петербургский немец, берлинский профессор, последний энциклопедист в этимологии
- Юрий Фост **"... Ему обязан я более всех других
моих maestro"** 35
К 200-летию Зигфрида Вильгельма Дена

ПРОГУЛКИ ПО БЕРЛИНУ

- 37 **Старинные берлинские сказания**
- 38 **Берлинские впечатления** Пьер-О Фельетон
Берлин, 20-е годы - по страницам прессы русской эмиграции

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

- Борис Хазанов **"In Reih und Glied"** 40
(Плечом к плечу)
- Вадим Фадин **Нисхождение** 42
- Мина Полянская **"Проходящие злословили его..."** 44
К 200-летию А. С. Пушкина
- Елена Алексеева **"Художник нам изобразил..."** 49
- Об аресте и гибели О. Мандельштама** 50
Надежда Брагинская

ПОЭЗИЯ В ЭМИГРАЦИИ

- Публий Овидий Назон (Понт Эвксинский)
- 51 Леонид Бердичевский (Берлин)
Леонид Норкин (Нью-Йорк)

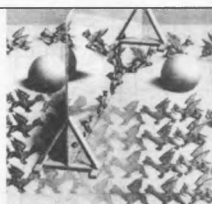
ПЕРЕВОДЫ

- 52 **"Маленькая свобода"** О новой книге Ефима Эткинда.
- 52 **Из Гейне.** Перевод Ларисы Бройтман
- 53 **Дон Рамиро.** Генрих Гейне. Перевод Виктора Шнейдера

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

- Маттиас Швартц **Истории бременских музыкантов** 54
- Даниил Голубев **Опасная профессия** 55
- Вадим Тарлинский **О происхождении фамилий
русских евреев. Очерк второй** 57
- Евгения Сафьян **История одной фотографии** 60

DEUTSCHE KURZFASSUNGEN

- 5 Wie Deutschland geteilt wurde. Iosif Himmelmann
- 24 "Ein Rußlanddeutscher mit blondem Haar...". Wjatscheslaw Demidow
- 34 Zwei jüdische Schicksale (Beim Lesen von Victor Klemperers Tagebüchern). Efim Etkind

Редакция

главный редактор
Игорь Полянский
литературный редактор
Мина Полянская
технический редактор
Борис Антипов
администратор
Яна Кириллова
макет, оформление
Павел Свердлов

Корреспонденты

Иерусалим: Соня Бабкова,
Митя Горошевский

Западная

Африка (Гана): Кристина Краузе

Редакционная коллегия

Надежда Брагинская (Нью-Йорк),
Томас Габлер (Берлин),
Маттиас Швартц (Берлин).

Переводчики

Елена Свердлова,
Маттиас Швартц

Zerkalo Zagadok

(Spiegel der Geheimnisse)
unabhängiges russischsprachiges
Magazin für Kultur & Politik,
Berlin, Februar 1999;

Redaktion

Chefredakteur Igor Polianski,
Literaturredakteurin Mina Polianski,
technischer Redakteur Boris Antipov,
Werbung und Anzeigen Jana Kirillova
Gestaltung Pavel Sverdlov

Übersetzungen

Elena Sverdlova, Matthias Schwartz

Redaktionsbeirat

Nadeschda Braginski, Thomas Gabler,
Matthias Schwartz;

Korrespondenten

Jerusalem: Sonja Babkow, Mitja
Goroschewski

Westafrika (Gana): Kristine Krause

SupportAgentur Gabler & Lutz GbR

Типография/Druck: IPK Biont,
St. Petresburg

In Zusammenarbeit mit der Stiftung
"Russische Bibliotheken"

Redaktionsadresse

Zerkalo Zagadok, Torstr. 7 B2,
10119 Berlin;

Tel./Fax (030) 441 03 48 (59);

Im Verlag der SupportEdition,
Postfach 610378, 10926 Berlin.

Мнение редакции не всегда совпадает
с мнением авторов публикаций.
Рукописи не редактируются и не
возвращаются.

Перепечатка только с указанием
источника. / Bei namentlich
gezeichneten Beiträgen liegt die
Verantwortung bei den Autoren.

© bei "Zerkalo Zagadok"

ISSN 0949-2089

Иосиф Химмельман

Лучше меньше, да лучше

как и зачем делили Германию

Мы так любим немцев, что предпочитаем
иметь несколько Германий.

Французская шутка послевоенных лет.

Вон и Германия там,
распустившая волосы в горе,
Непобедимый ее вождь попирает ногой...
Публий Овидий Назон, "Письма с Понта"

1.

Бывший президент ФРГ Рихард фон Вайцекер выступил однажды с таким каламбуром: "Германский вопрос" будет открытым до тех пор, пока закрыты Бранденбургские ворота." Прошли годы, продан в качестве сувенира последний осколок берлинской стены, и не за горами десятилетний юбилей германского единства. Но "германский вопрос" продолжает жить в сознании мирового сообщества и, конечно же, - самих немцев. Разумеется, никто не говорит уже о потенциальной немецкой угрозе, как пятьдесят лет назад. Речь идет об осмыслении немецкого прошлого и месте Германии в современном мире.

Вероятно, поэтому сегодня, "уже при капитализме", всякое важное государственное лицо, прибывающее с визитом в Берлин, подвергается следующей процедуре: лицо в обязательном порядке доставляют к Бранденбургским воротам и водят туда-сюда под Колесницей победы с Запада на Восток и с Востока на Запад. И так до тех пор, пока у лица не остается больше никаких вопросов. Только после этого везут обедать.

Сие таинство изгнания осточертевших вопросов, за которым следует обильное причащение в Красной ратуше, сродни, очевидно, средневековым экзорцизмам, процедурам изгнания бесов.

Да экзорцируется Германия, большая, но возрожденная, да удалится из немецкого народа попутавший его бес и всякое зло дьявольского обмана и нечистый дух гитлеровской порчи, - такие примерно заклинания нараспев произносит высокий гость. А немецкий президент или бургомистр Берлина отвечает: Мы должны помнить, помним и всегда будем помнить. Никто не забыт и ничто не забыто...

Надо сказать, экзорцизмы эти помогают не слишком. Германский вопрос остается открытым, а участвовавшие выступления неонацистов и рост фашистских настроений в казармах Бундесвера с регулярностью об этом напоминают.

Оно и понятно. Ведь, как верно отмечал святой Фома в "Комментарии на сентенции Петра Ломбардского" (II, 2, 93), для успеха экзорцизма необходимо, чтобы в словах заклинания не было фальши.

Между тем, интерпретация немецкой истории страдает крайней тенденциозностью. Так, например, однобоко понимаются причины Второй мировой войны и отрицаются преступления солдат Вермахта, якобы "честно выполнявших воинский долг". Особенно искаженно подаются события, связанные с возникновением ФРГ и ГДР. Падение берлинской стены - совсем еще недавнее прошлое. Но способно ли немецкое общество "переварить" объединение Германии, когда отсутствует адекватная оценка ее раздела?

2.

В прошлом году немцы праздновали юбилей воздушного моста. Пятьдесят лет назад, во время берлинской блокады, когда все пути в город перекрыли советские танки, в воздухе Западного Берлина происходило грандиозное шоу. Бравые американские летчики, только что сровнявшие с землей Дрезден и Франкфурт, Гамбург и Кассель, Кельн и Берлин, сбрасывали над аэродромом Темпельхоф разноцветные парашютики с шоколадками, леденцами, молочными тянучками, сладкими статуями Свободы на палочках и прочими "бон-бонс". А белокурые берлинские девочки и мальчики бежали навстречу Санта-Клаусам в летных шлемах и в качестве ответного дара протягивали им свои покалеченные войной игрушки - безголовых кукол и трехлапых плюшевых медведей. Суровые слезы блестили в глазах терминаторов, и под звуки фокстрота американцы становились плечом к плечу с немцами, чтобы отразить советскую агрессию.

Немцы еще хорошо помнят ту карамельную сладость Свободы на палочке. И, конечно же, советскую угрозу. Авантюрная попытка правительства СССР заставить союзников покинуть западные сектора Берлина была крайне недальновидной. Ведь именно блокада Берлина, как и прочие ошибки неуклюжей советской политики, привела к тому, что германский вопрос с течением времени был заслонен другим вопросом - советским. Германия из страны-преступницы постепенно превратилась в жертву. Именно это смещение понятий и является одной из главных причин неверного понимания германского единства. В самом деле, как оценить это событие? Как подарок мирового сообщества? Как заслуженную победу? Но если это победа, то над чем? Над фашизмом? Или, может быть, над коммунизмом?

Между тем, объединение Германии - событие не само собой разумеющееся. Его могло и не быть. Если бы Совет-

ский Союз, ныне бывший, не спас Германию дважды. Сначала - от нацизма, а затем - от нового немецкого средневековья, раздробления страны на несколько ничтожных государств. Но если в первом случае немцы обязаны Красной армии, то во втором - амбициям советского правительства, не сумевшего договориться с союзниками.

Окончательное и бесповоротное расчленение Германии в течение долгого времени было делом почти решенным. Предполагались, однако, границы, а не линия фронта. То есть вовсе не тот раздел на антагонистические системы, который произошел в конце сороковых, когда возникли сначала ФРГ, а затем ГДР. Такое расчленение не могло быть стабильным, и потому закономерно, что распад СССР и воссоединение Германии произошли почти одновременно. У истощенной коммунистической державы не доставало больше сил ни для разъединения чужих народов, ни - наоборот - для объединения собственных.

С 1940 года американцы и англичане, а с 1941 года - и русские - разрабатывали совсем иные планы раздела Третьего Рейха, более "органичные". И, может быть, единая Германия никогда не появилась бы снова, если бы германский пирог поделили иначе. Скажем, не вдоль, а поперек.

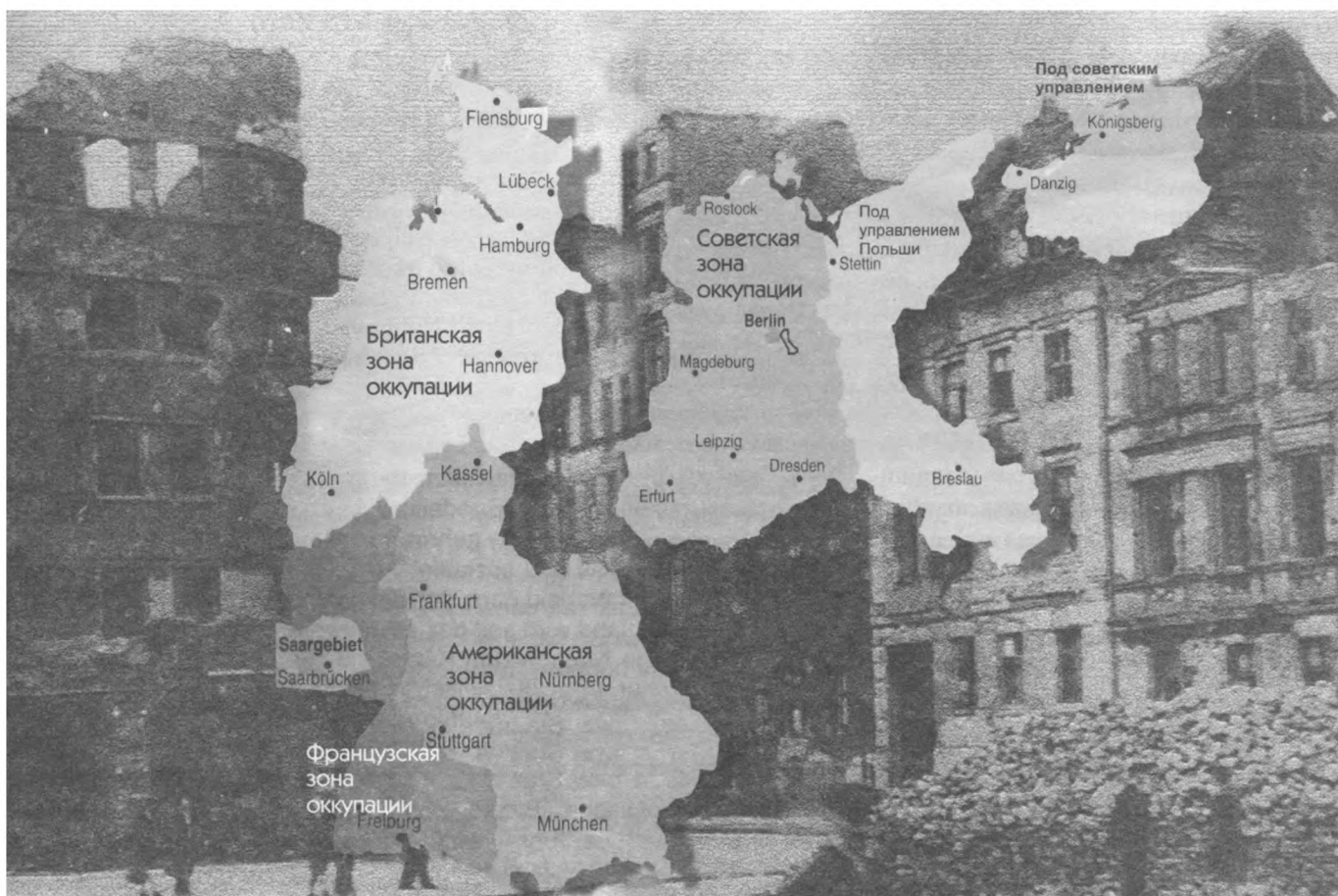
О существовании таких планов говорит множество источников, в том числе и только недавно рассекреченные документы советского министерства иностранных дел. Они опубликованы в сборнике "СССР и германский вопрос", составленном российским дипломатом Г. Кыниным и немецким историком доктором Й. Лауфером.

Документы сообщают о том, что уничтожить Германию предполагали ее же оружием - национализмом. Однако не пангерманским, а другим, более глубинным. Так, уже в ноябре 1941 года Черчилль сообщил советско-

му полпреду в Великобритании: "В будущем Бавария, Австрия, Вюртемберг и другие должны быть освобождены от прусского засилья". А 16 декабря 1941 года английский министр иностранных дел Иден заявил Сталину и Молотову, что его правительство не против раздела Германии.

"Идену кажется, - так в протоколе беседы (Сов. секретно. Особая папка), - что раздробление Германии желательно было бы провести по возможности путем стимулирования сепаратистских движений в Германии". Тут же, однако, Иден иронично заметил, что его правительство до сих пор всерьез не занималось проблемами будущего Германии, и что "здесь оно далеко отстало от советского правительства". Неплохой образец знаменитого британского юмора, если учесть, что во время этого разговора немцы стояли в ста километрах от Москвы.

Позднее было достигнуто предварительное соглашение с Великобританией о расчленении Германии на южную, северо-западную и Пруссию. Американцы, в отличие от англичан, занимали более жесткую позицию. Ненависть к Германии и немцам широко распространилась в США уже в конце тридцатых годов. Так например, один из ведущих американских политиков Р. Ванситтарт в 1940 году заявлял: "восемьдесят процентов немецкой расы - подонки человечества в том, что касается политики и морали". А в 1941 году в США вышла на шумевшая книга Т. Кауфмана под названием "Германия должна погибнуть". Кауфман призывал не только уничтожить Германию, но и (вполне в духе времени) кастрировать всех немцев.

Позднее, в 1943 году уже и сам президент Рузвельт предлагал создание трех "пастушьих провинций": Пруссии, Рейнской федерации и Южногерманского союза. (Термин "пасторализация", то есть создание пастушьих государств, изобретен Черчиллем.) А одним из наиболее решительных "дробителей" Германии в США был заместитель государственного секретаря Самнер Уэллес, ратовавший за радикальное "четвертование" Третьего Рейха на Пруссию (без Восточной Пруссии), Рейнское государство, включающее Баден, Южногерманское государство (Бавария и Вюртемберг) и Саксонию. Австрия, само собой, должна была получить независимость.

По мере того, как приближался конец войны, негодование мировой общественности по отношению к немцам принимало все более крайние формы. Правительство Нидерландов требовало, например, применения самых крутых мер: немцев следовало рассматривать "как людей с диким мировоззрением". А к моменту "шапочного разбора" участвовать в оккупации Германии пожелали абсолютно все. Армия графства Люксембург - тридцать сабель плюс двести штыков - сгорала от нетерпения навести в побежденной Германии порядок.

Надо сказать, что стремление уничтожить германский Рейх вызвано было не только масштабами нацистских преступлений. Ошеломленная Европа вдруг начала осознавать, что германский вермахт - не что иное, как детище европейского миротворчества, а его мощь - прямое следствие Версальского договора, заключенного после Первой мировой войны.

В самом деле, по условиям Версальского мира Германии дозволялось иметь всего только 4 тысячи офицеров со сроком службы 25 лет. Однако рейхсвер нашел способ обойти эти ограничения, более того, обернуть их себе на пользу путем быстрой смены офицерского состава. Так, только в 1931 году в связи с болезнью и под прочими предлогами из армии было уволено 2 тысячи офицеров. На освободившиеся "ставки" принимали новых. То же происходило в полиции. И, конечно же, в условиях, когда каждый офицер был на счету, отбор и обучение кадров велись на самом высоком уровне.

Что касается отставных, то они регулярно проходили переподготовку и объединялись в "клубы" бывших однополчан, такие, как "Черный рейхсвер", "Ореш" или "Стальной шлем". Именно на основе этих "клубов" возникли впоследствии нацистские штурмовые отряды СА. В результате, Германия имела в скором времени огром-

ную, хорошо обученную и озлобленную теневою армию, армию безработных офицеров.

Эта ситуация продемонстрировала, что мирный договор как таковой по отношению к немцам "не работает", что самые жесткие ограничения легко могут быть обойдены, а потому требуются более радикальные санкции, например, - расчленение государства.

Разумеется, существовали как сторонники, так и противники идеи расчленения. Последние, впрочем, отнюдь не исходили из соображений гуманности. Они всячески старались подчеркнуть, что - Боже упаси! - вовсе не жалеют немцев (всякое сочувствие немцам считалось тогда дурным тоном), а наоборот - слишком плохо о них думают. Именно поэтому не следовало, по их мнению, сеять зубы дракона: раздел страны заложит основы реваншизма и будущих конфликтов.

Чаши весов склонялись в пользу то одной, то другой коалиции в течение всей Второй мировой войны. В этой ситуации очень важна была роль СССР. Однако, русские заняли, в конце концов, выжидательную позицию, смутно надеясь на дополнительные выгоды в случае, если первый ход сделают западные союзники. Тем не менее, в Наркомате иностранных дел постоянно велись тщательные разработки различных вариантов уничтожения Германии.

Так, например, в сентябре 1943 года группа академика Евгения Варги, советского корифея политэкономии капитализма, в специальной докладной записке предлагала "с коммунистическим приветом" три способа дробления: на три, на четыре и даже на семь государств. Последний предполагал создание нейтральных и независимых Пруссии, Австрии, Баварии, Саксонии, Вюртемберга, Бадена и буферного Прирейнского государства.

Границы проводились, конечно же, не произвольно, но по принципу "семь раз отмерь - один раз отрежь". При нарезке тщательно рассчитывались жизнеспособность и степень опасности каждого куска. Вот что говорится, в частности, о Пруссии: "При общей численности населения в 30 млн. человек количество трудоспособных мужчин в возрасте 18 - 50 лет после войны составит около 5,5 млн. Предполагается, что к концу войны убыль на фронтах убитыми и потерявшими трудоспособность составит 10% народонаселения Пруссии... Военный потенциал намеченного Прусского государства, крайне низкий непосред-

Wie Deutschland geteilt wurde

Von Iosif Himmelmann

Wir lieben die Deutschen so sehr,
daß wir es Vorziehen, mehrere
Deutschlands zu haben.

Französischer Witz der Nachkriegsjahre

(...) Ob die deutsche Gesellschaft wohl fähig ist, die Vereinigung Deutschlands zu begreifen und zu "verdauen", wenn es bis jetzt noch keine adäquate Bewertung der Teilung gibt?

In diesem Jahr haben die Deutschen das Jubiläum der Luftbrücke gefeiert. Vor fünfzig Jahren, zur Zeit der Blockade, als alle Wege in die Stadt von sowjetischen Panzern gesperrt waren, fand in den Lüften Berlins eine grandiose Show statt. Die tapferen amerikanischen Flieger, die eben erst Dresden und Frankfurt, Hamburg und Kassel, ja auch Berlin der Erde gleich gemacht hatten, warfen auf dem Flughafen Tempelhof bunte Fallschirmchen mit Schokoladentafeln, Fruchtbombons, Sahnebombons, süßen Freiheitsstatuen am Stil und sonstigen Bombons ab. Und die blonden Berliner Mädchen und Jungs liefen den Nikoläusen mit Fliegerhelm entgegen, und streckten ihnen als Gegengeschenk ihre vom Krieg verstümmelten Spielzeuge entgegen - die kopflosen Puppen und dreipfüßigen Plüschbären. Trockene Tränen glänzten in den Augen der Terminatoren, und unter den Klängen des Foxtrott standen die Amerikaner zusammen mit den Deutschen Schulter an Schulter, um die sowjetische Aggression zurückzuschlagen.

Die Deutschen erinnern sich noch gut an diese karamelsüße Freiheit am Stil. Und, aber natürlich, die sowjetische Bedrohung. Sie war völlig real gewesen und der abenteuerliche Versuch der sowjetischen Führung, die übrigen Alliierten zu zwingen, die Westsektoren Berlins zu verlassen, - verbrecherisch und äußerst kurzsichtig. Denn gerade die Blockade Berlins wie auch weitere Fehler der ungeschickten sowjetischen Politik hatten zur Folge, daß die deutsche Frage mit der Zeit durch eine andere Frage verdeckt wurde - die sowjetische. Deutschland als das Land der Verbrecher verwan-

делте sich nach und nach in das Land der Opfer. Genau in dieser Begriffsverschiebung liegt einer der Gründe für die Zählebigkeit des berüchtigten deutschen Problems (...)

Seit 1941 haben sowohl die Russen als auch die Amerikaner und Engländer ganz unterschiedliche, stärker "organisch" ausgerichtete Pläne zur Teilung des Dritten Reichs ausgearbeitet. Und vielleicht wäre ein vereintes Deutschland so auch niemals auf der politischen Karte Europas aufgetaucht, wenn der deutsche Kuchen anders aufgeteilt worden wäre, sagen wir mal, der Länge nach, und nicht querdurch.

Von der Existenz solcher Pläne zeugen auch die noch bis vor kurzem geheimen Dokumente des sowjetischen Außenministeriums. Sie sind in dem Sammelband "Die UdSSR und die deutsche Frage" veröffentlicht worden, her-

stvenно после войны, в случае непринятия эффективных контрмер может в дальнейшем достигнуть примерно военного потенциала довоенной Франции".

Свои расчеты академик Варга подготовил по поручению заместителя наркома иностранных дел Максима Литвинова, главного советского "дробителя" Германии. Литвинов возглавлял и специальную комиссию, занимавшуюся будущим переустройством Европы. Комиссия эта продолжала работу в самые тяжелые периоды войны. Немецкие войска оккупировали более половины европейской части СССР. Еще миллионы будущих жертв были заранее списаны с довольствия бухгалтерией войны. Однако на красном сукне перед заседавшими разложена была не битая еще карта Германии. Непростые вопросы обсуждала комиссия, а споры по масштабности темы достигали в ней размаха эпического...

- Не надо преувеличивать опасность Пруссии, - возражал Литвинов. Она станет аграрной страной. Что же касается поляков, я бы лично Польшу урезал. Но, с другой стороны, после получения Восточной Пруссии, поляки вряд ли смогут договориться с немцами. Можно, конечно, идти на дальнейшее кромсание Германии. Вырезать Ганновер... Прирезать Тюрингию Баварии... Но только вряд ли в этом имеется надобность. Созданием мелких государств мы только усилим движение к воссоединению. А что вы скажете, товарищ Лозовский?

Такие примерно дискуссии ночи напролет велись за стенами кремля. Среди экспертов Литвинова были как сторонники, так и противники раздела Германии. Последние указывали на опасность немецкого реваншизма. Однако заместитель наркома непреклонно отстаивал политику дробления: "Пусть немцы носятся с идеей объединения, но они не смогут его осуществить по край-

ней мере многие десятки лет, в течение которых можно будет пользоваться благами мира".

3.

Как мы видим, по прошествии более пятидесяти лет пророчество Литвинова сбылось. Но сбылось по-другому. Планы его комиссии не были востребованы. В феврале 1945 года на Ялтинской конференции американцы и англичане проявили неожидан-

ausgegeben von dem sowjetischen Diplomaten G. Kynin und dem deutschen Historiker J. Laufer. Obwohl man von den Teilungsplänen Deutschlands schon seit langem wußte, ihr Inhalt ist erst durch diese Publikation bekannt geworden. (...)

So schlug zum Beispiel die Gruppe des Akademiemitglieds Ewgenij Wurga, eine Koryphäe der politischen Ökonomie des Kapitalismus, im September 1943 in einem Sondermemoran-

- Вы, товарищ Литвинов, намечаете сохранение сильной Пруссии, - возмущался Дмитрий Мануильский. - Считаю необходимым возразить на такую позицию. Западная и Южная Германии примыкают к Франции и Англии. А по вашему предложению они будут слабыми. В то же время, Пруссия остается сильной. Острие Пруссии направлено против нас, и даже если ее урезать, она может оказаться опасной. Особенно, если выступит вместе с Польшей.

ное "великодушие", заявив, что не настаивают на расчленении Германии. Очевидно, что за этим поворотом в их политике стояла попытка привлечь на свою сторону симпатии немецкой общественности. Кроме того, все яснее становилось, что для противостояния Советскому Союзу в Европе Великобритании и США понадобится мощный военный плацдарм. Мелкие, экономически слабые осколки Третьего Рейха этой цели служить, разумеется, не могли. Таким образом, новая "мягкая" политика преследо-

вала следующие цели: сохранить Германию в прежних границах, предотвратить уничтожение ее военно-промышленной базы, опереться в своих зонах оккупации на крайне консервативные круги и впоследствии попытаться распространить свое влияние на всю страну. В случае неудачи - довольствоваться только частью страны, которая, однако, в этом случае уже не окажется нейтральной.

Одновременно изменились и советские планы. Разделу по принципу "ни вашим - ни нашим" на несколько нейтральных немецких государств советское правительство предпочло путь конфронтации с Западом, создание своей собственной, социалистической Германии.

Трудно сказать, к счастью ли? Случись так, как первоначально хотели Рузвельт, Черчилль и Сталин, не возник бы, вероятно, преступный режим ГДР, а конфронтация в Европе не была бы столь острой. Кто знает, может быть, на осколках Третьего Рейха и расцвела бы пастушечья идиллия. Но ясно и другое - Германия в этом случае никогда бы уже не объединилась.

Подобные умозрительные эксперименты с историей, наверное, не слишком правомерны. Но они демонстрируют, что немецкое единство - событие далеко не однозначное. Выражаясь научно - амбивалентное. А можно сказать и по-другому: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Мне думается, что только через приход к такому пониманию собственной истории немцы сумеют избавиться от "осточертевшего вопроса". Между тем, далеко не многие в Германии воспринимают ее раздел как справедливое возмездие.

Хотя все сказанное выше вовсе не является тайной, скрываемой от народа, в общественном сознании продолжает жить идея о Германии-жертве, чересчур строго наказанной и униженной. Иначе, например, не могла бы даже возникнуть дискуссия о возвращении художественных ценностей, вывезенных после войны в СССР из Германии. Заметим, что возвращения требуют прежде всего "левые" в России и "правые" в Германии. Пятьдесят лет назад человечество опасалось военного германского реваншизма. Однако нынешняя тяжба вокруг "трофейного искусства", которая к искусству как таковому никакого отношения не имеет, - не что иное, как все та же попытка реванша, только теперь уже реванша морального.

В том же ряду находится и недавняя публикация в русскоязычной берлинской прессе "дискуссионной" статьи, призываю-

щей снести памятник советскому солдату-освободителю в Тиргартене. И ее спешная перепечатка, разумеется, с некоторыми купюрами, газетой "Тагесшпигель". Перепечатка эта не случайна. Ведь русская газета "выболтала" сокровенные мысли массового немца, которые он все еще не решается высказать вслух. Так неадекватное восприятие прошлого вносит неразбериху и политическую напряженность в настоящее.

О недостаточном излечении свидетельствует и перманентная истерика вокруг "проблемы" иностранцев в Германии. Надо сказать, подача этой "проблемы" приобретает все более угрожающие формы. Раньше иностранцев традиционно обвиняли в том, что они отнимают у немцев рабочие места. Старые, патриархальные обвинения. Необходимо было придумать нечто новое. И вот - эврика снизошла: международная организованная преступность. В связи с "глобализацией экономики" и возникновением суперсовременных преступных технологий над Германией якобы нависла чудовищная угроза - заговор уголовников всего мира.

Под эгидой этого нового мифа было разрешено прослушивание частных помещений, а для этого внесена поправка к немецкой конституции. Отныне практически отменено положение о неприкосновенности жилища, свобода, принятая в Германии еще в восемнадцатом веке. И, разумеется, международная преступность соединяется в умело манипулируемом общественном сознании с "проблемой" иностранцев. Оказывается, они, иностранцы, не кто иные, как агенты криминального мира. Стоит ли говорить о том, что эти "новые" веяния накануне десятилетнего юбилея немецкого единства вовсе не новы и являются одним из следствий неудавшейся денацификации Германии.

Конечно, есть надежда, что приход к власти социал-демократов и зеленых несколько смягчит немецкую политику по отношению к иностранцам. Но только на четыре года. Уже сегодня можно предположить, что как раз за это смягчение они и поплатятся поражением на следующих выборах. И миллион голосов иностранцев, получивших благодаря СДП и зеленым немецкие паспорта, им вряд ли поможет.

К сожалению, спустя более пятидесяти лет после окончания войны приходится констатировать, что от противоречий между коммунизмом и капитализмом выиграла, прежде всего, крайне правая идеология. И это понятно. Американцам и ан-

дum an das Volkskommissariat für Auswärtiges "mit kommunistischem Gruß" drei Möglichkeiten der Zerstückelung vor: in drei, vier und sogar in sieben Staaten. Die letzte Variante schlug die Gründung der neutralen und unabhängigen Staaten Preußen, Österreich, Bayern, Sachsen, Württemberg, Baden und eines Pufferstaates am Rhein vor.

Die Grenzen wurden natürlich nicht willkürlich gezogen, sondern nach dem Prinzip: "sieben mal abmessen, einmal abschneiden". Vor dem Abschneiden wurden sorgfältig die Lebensfähigkeit und der Gefährlichkeitsgrad jedes einzelnen Stückes geprüft. Folgendes steht im einzelnen über Preußen in dem Memorandum: "Bei einer Gesamtbevölkerung von 30 Millionen Menschen beträgt die Anzahl der arbeitsfähigen Männer im Alter von 18 bis 50 Jahren nach dem Krieg ungefähr 5,5 Millionen. Angenommen, nach dem Krieg beträgt der Anteil der an der Front Gefallenen und derjenigen, die ihre Arbeitsfähigkeit verloren haben, 10 % der Bevölkerung Preußens... Das Kriegspotential des vorgeschlagenen preußischen Staates, unmittelbar nach dem Kriege äußerst gering, kann, wenn keine effektiven Gegenmaßnahmen ergriffen werden, im weiteren ungefähr das Kriegspotential von Frankreich vor dem Kriege erreichen". (...)

Im heutigen kollektiven Bewußtsein der Deutschen lebt die Vorstellung von Deutschland als Opfer weiterhin fort, das außergewöhnlich hart bestraft und erniedrigt worden sei. Andernfalls hätte beispielsweise die Diskussion über die Rückgabe der nach dem Zweiten Weltkrieg aus Deutschland in die UdSSR ausgeführten Kulturschätze überhaupt nicht aufkommen können. Wobei man feststellen muß, daß vor allem die "Linken" in Rußland und die "Rechten" in Deutschland die Rückgabe der Schätze fordern. Vor fünfzig Jahren hat sich die Menschheit vor dem kriegserischen deutschen Revanchismus gefürchtet. Der heutige Streit jedoch um die "Trophäenkunst", der selbstverständlich mit Kunst als solcher rein gar nichts zu tun hat, ist nichts anderes als ein solcher Versuch der Revanche, nur eben jetzt schon der moralischen Revanche.

In die gleiche Reihe gehört der unlängst veröffentlichte "zur Diskussion

gestellte" Artikel in der russischsprachigen Berliner Presse, der dazu aufrief, das Ehrenmal des sowjetischen Soldaten und Befreiers im Tiergarten abzureißen. Und sein eiliger Wiederabdruck, es versteht sich, mit einigen Kürzungen, in der Zeitung "Tagesspiegel". Dieser Wiederabdruck ist kein Zufall. Denn die russische Zeitung plauderte nur die geheimen Gedanken des gewöhnlichen Deutschen aus, der sich selber noch nicht dazu entschlossen hat, sie laut zu sagen. So führt die unadäquate Aufnahme der Vergangenheit zu Unruhe und politischer Spannung in der Gegenwart.

Von einer unzureichenden Kur zeugt auch die permanente Hysterie um das "Problem" der Ausländer in Deutschland. Man muß sagen, daß die Behandlung dieses "Problems" in letzter Zeit immer bedrohlichere Formen annimmt. Früher hat man die Ausländer traditionell dessen beschuldigt, daß sie den Deutschen die Arbeitsplätze wegnehmen. Das sind alte, patriarchale Anschuldigungen. Man mußte sich also unbedingt etwas Neues ausdenken. Und siehe da - Heureka war nachsichtig: das internationale organisierte Verbrechen. Im Zuge der Globalisierung der Wirtschaft und des Aufkommens supermoderner verbrecherischer Technologien schwebt angeblich über Deutschland eine ungeheuerliche Gefahr - eine Verschwörung der Kriminellen aller Welt. Unter der Ägide dieses neuen Mythos erlaubte man das Abhören von Privatwohnungen, und dafür änderte man sogar die deutsche Verfassung. Heute ist die Unantastbarkeit der Wohnung praktisch abgeschafft, eine Freiheit, die in Deutschland schon seit dem 18. Jahrhundert garantiert war. Und selbstverständlich konnte sich das internationale Verbrechen im kollektiven Bewußtsein mit dem Ausländer"problem" vereinigen. So stellt es sich heraus, daß die Ausländer niemand anderes als die Agenten der kriminellen Welt sind. Muß man da noch erwähnen, daß diese "neuen" Tendenzen alles andere als neu und eine Folge der nicht gelungenen Entnazifizierung Deutschlands sind? (...)

(gekürzte Fassung des russischen Textes)

гличанам, ясно осознававшим опасность сталинской империи, ничего иного не оставалось, как искать в Западной Германии опору среди консерваторов и всячески поддерживать и пестовать антитезу коммунизма. Результат - крах денацификации, одной из главных задач оккупации Германии.

Именно поэтому до недавнего времени многие крупные политические посты в ФРГ занимали бывшие нацисты. Ограничусь лишь примером Альфреда Зайдла.

На Нюрнбергском процессе подсудимый Риббентроп возмутился, что его судят сплошь лица еврейской национальности и потребовал себе адвоката-антисемита. Высокий суд согласился, специально для Риббентропа отыскивали отборного антисемита, что в Германии было, разумеется, нетрудно. Им оказался Альфред Зайдл, бывший член нацистской партии. Очень возможно, что Зайдл был хорошим антисемитом, а вот адвокат из него получился плохой, его подзащитного все-таки повесили. Зато впоследствии Зайдл сделал другую карьеру и до середины вось-

мидесятых годов был министром Внутренних дел Баварии.

Монахи Я. Шпренгер и Г. Инститорис утверждают, что если благодать выздоровления с помощью экзорцизмов не достигнута, то этому могут служить несколько причин, например, превратные представления или неподходящие средства врачевания. Они рекомендуют также "произвести подробный осмотр дома, где больной помещается, не пропуская ни одного уголка. Следует также поискать, не спрятаны ли в кроватях, в мягкой мебели или под порогом какие-либо орудия околдования. Найденные орудия тотчас же бросают в огонь". Может быть, немцам стоит последовать этому совету? В Германии припрятано еще множество достойных костра идей, закатившихся в самые дальние уголки массового сознания.

Французская пословица послевоенных лет гласит: "Мы так любим немцев, что предпочитаем иметь несколько Германий". Нам же кажется, что в германском вопросе верна другая - русская - народная мудрость: "Лучше меньше, да лучше".

dvigatel TORGOVLI

(см. 3-ю стр. обл.)

Schattenlinien

Wege des
Findens
—
Strukturen
des
Wissens

Herausgegeben
vom Institut für
Heuristik

Bezug:
SupportEdition,
Postfach 610378,
10926 Berlin
Tel.: (030) 6 18 70 34

ДВАДЦАТЬ ДВА

Общественно-политический и
литературный журнал

Подписка: "22", Р.О.В.
44050, Tel-Aviv 61440,
Tel.: 03-39 45 25

РУССКОЕ РАДИО

106,8 FM

ежедневно
с 19 часов SFB 4 Multikulti. 106,8

РУССКИЕ КНИГИ

Большой выбор книг
и русских видеофильмов
по самым низким
ценам в городе

Tel.: 3 23 48 15

Kantstraße 82 10629 Berlin

Эмиграция перед зеркалом

Обзор русских литературных журналов в Германии - Ferndiagnose

Игорь Попянский

Верно, Германия,
край злополучный...

Публий Овидий Назон

Литературный процесс в среде русской эмиграции достиг за последние годы опасного накала. В Германии появилось множество альманахов и литературных журналов. Все и не перечислишь! Возглавляют "сей длинный выводок" альманахи "Остров", "До и после", "Берега", "Студия" и "Новая студия". А в этом году появилось сразу два журнала - "Родная речь" и "Литературный европеец". Первый рекомендует себя как "литературно-художественный журнал русских писателей в Германии", а второй выходит с подзаголовком "ежемесячный журнал Союза русских писателей в Германии".

Издаются все эти журналы, главным образом, на деньги общественных фондов или частных фирм. Пристрастия издателей, по-видимому, определяют различия в избранных направлениях и авторском составе. Так например, "Берега" и "До и после" финансируются еврейскими организациями. Набор тем - соответствующий. А на обложке "Родной речи" - наоборот - логотип издательства "Контакт", выпускающего также русскоязычную газету. Логотип этот набран таким зловещим готическим шрифтом, что невольно поживаешься, обнаружив на первой же странице первого же номера журнала предупреждение: "Для "Родной речи" нет, как было сказано задолго до нас, ни эллина, ни иудея".

Существуют перечисленные альманахи как бы в параллельных мирах. Эмигрантская пресса озлобленно и настоятельно молчит друг о друге. Это факт тем более странный, что между русскими изданиями в Германии немало общего. Объединяет их, прежде всего, родственность судьбы, ведь они все без исключения - полын и лебеда на краю германского семиотического поля. Вот почему, читая стихи и прозу эмиграции, обнаруживаешь целый конгломерат перекликающихся суждений и представлений, обещающий оформиться в некую идеологию, подобную той, что уже возникла среди русских в Америке.

Возможно, плоды русской словесности на германской ниве вызовут интерес и у специалистов-филологов. Нас, напротив, занимает только их социально-психологический аспект. Идейное содержание эмигрантской литературы в Германии имеет ряд особенностей, и уже сегодня очевидно, что зарождающаяся здесь идеология будет во многом отличаться от американской.

Как бы то ни было, прогнозировать духовное развитие русской Германии едва ли возможно. Поэтому, мы лишь попытаемся дать оценку его теперешнему состоянию. Материал для такого исследования имеется в избытке.

"В наших произведениях авторская мысль бьется, как подсолоненный нерв, - предупреждает читателя альманах "До и после". - Это своего рода литературный "беспредел" - все, что написано, - выстрадано авторами". Вот именно этим "страданием" мы, в первую очередь, и займемся.

А что касается "беспредела", подчеркнем ab initio: социально-психологическое портретирование исключает оценку достоинств литературной продукции. Нам важнее выявить семантические тенденции "коллективного автора", от-

делив их от плевел условностей формы и жанра и обнажив референтную, импрессионную и, в особенности, экспрессионную функцию текстов. Это необходимо для того, чтобы ответить на научные вопросы: "Сколько их?", "Куда их гонят?", "Что так жалобно поют?".

Итак, перелистаем страницы русско-немецких альманахов. "Стою я у зеркала, смотрю на свой нос, на свою черную кудрявую шевелюру и думаю: кто же я на самом деле?" Этими словами заканчивает свой рассказ Г. Мичник. Рассказ опубликован в "Берегах". Он так и называется - "Кто же я?"

Вслед за Г. Мичником со страниц "Берегов" вопрошает и Н. Горбатюк: "Откуда мы, зачем и кто такие?..." Знаменитое есенинское "Кто я? Что я?" повторяется также у других авторов и претерпевает причудливые метаморфозы. Разные и непохожие друг на друга поэты и прозаики с пристрастием вглядываются в зеркало. И, наперекор законам оптики, зеркало, стирая индивидуальные черты, обнажает неизменное, общее для всех, отражение: "Я стою в середине Европы / С азиатской тоскою в глазах" (Д. Чкония, "Родная речь"). Создается впечатление, что русская эмиграция свободное от сочинительства время проводит преимущественно перед зеркалом. ("И смеются мне в глаза зеркала" - Б. Иордан, "Литературный европеец"). А перед зеркалом по понятным причинам с особой остротой встает национальный вопрос.

Поиск национальной или даже национально-религиозной самоидентификации достигает своего апогея в эпическом творчестве Л. Свердлова ("Берега"), который на вершине поэтического откровения признается: "Но хаос в голове моей поднялся до высот небес..." Приведу несколько строк из своеобразного манифеста Л. Свердлова:

В нас дух огромной федерации, культура в русской вариации
Потенциал великой нации, и потому я убежден -
Мы сбросим цепи адаптации, расколем льдины интеграции,
Покончим с путами протрации и веру в Бога обретем!

У русских немцев иные автостереотипы. За неимением синайского опыта на Бога предпочитают не уповать:

Мы не бродяги, мы - переселенцы,
И мы, куда судьба ни заведет,
Не забываем, что мы все же - немцы:
Мы строим дом и садим огород.
Л. Розин ("Родная речь")

Впрочем, национальная самоидентификация при известной последовательности нередко наталкивается на трудность деликатного свойства - необходимость, хочешь - не хочешь, идентифицировать себя с той или иной группой людей: "...бе-

жит он прочь от той толстой гримасливой дамы, от родной и рянящей, как никогда не ранила бы чужая, ее речи, от прямого и кривого своего отражения в ... громкоговорящих зеркалах". М. Городинский ("Родная речь"). А рассказ-реприза Г. Крошина "Знай наших!", опубликованный в "Родной речи", начинается так: "- Да, что и говорить, многовато нас тут в Германии стало. Я имею в виду русскоязычных".

Упомянутая тема - одна из центральных и в пространном произведении заместителя главного редактора "Родной речи" О. Бешенковской "Viehwasen 22" ("Родная речь"). Повесть О. Бешенковской - о пережитом в Германии культурном шоке. Соответственно, и начинается она откровением: "Господи, как я ненавижу людей! Особенно немцев и евреев". Таким образом, "авторское эго" О. Бешенковской уже в первых строках повести указывает на внешнего (немцы) и внутреннего (евреи) врага. Внутренний враг с его "индюшачьим местечковым тщеславием", разумеется, раздражает куда больше: "Я не выношу местечкового акцента. Нет ничего более омерзительного для фарфоровых петербургских ушей, чем всякие там "пописать", "ой, вы знаете, Абрамовичи тоже едут" и т.п., и т.д. Как будто эти горластые, измазанные липким шоколадным дерьмом детки уже "пописали", и не куда-нибудь, а именно в твои благородные ушные раковины".

Оговоримся сразу же, "авторское я" О. Бешенковской - еврейской национальности, и свое отношение к еврейству оно определяет как "доходящую до ненависти любовь". Эта любовь выражается в таких, например, характеристиках: "евреи не возникать не могут, за это их все и не любят, и автор тоже" или "А евреи - наоборот. И плачут, и причитают, и сопли по лицу размазывают, и вечно чего-то канючат, и... так безразлично и тошно становится...".

приятно, что не клязничают, а воюют, как нормальные мужики". Комплиментов такого рода в повести немало. Посему автор вполне благообразно стелет на "преждевременность" своего произведения и даже наносит превентивные удары будущим оппонентам. Впрочем, и в этом повесть О. Бешенковской вполне укладывается в рамки антисемитской литературной традиции.

На примере повести "Viehwasen 22" мы сталкиваемся с ситуацией, когда социально-психологический конфликт принимает болезненные формы и переносится в национальный контекст. Что и говорить, нелегко сохранить петербургские уши ломоносовского фарфора, скитаясь по общежитским кухням и прачечным, где отовсюду так и щелкают золотые одесские зубы.

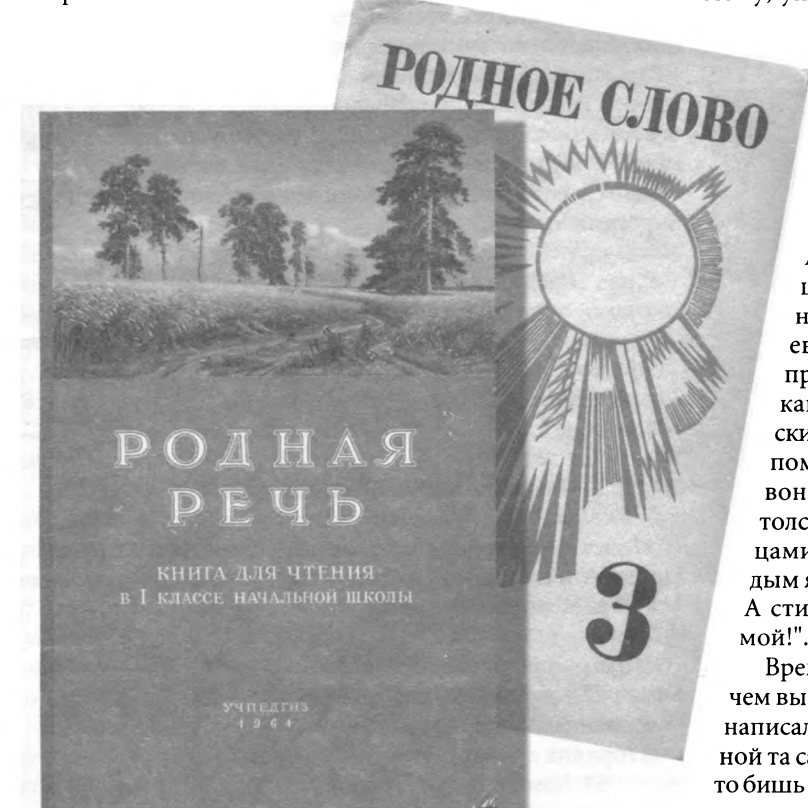
Результат - появление произведения с очевидной антисемитской тенденцией. При этом ни многочисленные авторские оговорки и алиби (автор то и дело как бы выбегает в соседнюю комнату и переводит назад стрелки стенных часов), ни общая коллизия психологической драмы сути не меняют.

В связи с повестью Бешенковской хотелось бы сделать небольшое отступление. В 1942 году Марк Алданов напечатал в своем журнале первую часть романа дочери Льва Толстого Александры Толстой "Предрассветный туман", романа "неоднозначного", как бы даже "объективного", ибо наряду с целым выводком отвратительнейших евреев в нем присутствовало и несколько несимпатичных русских. Впоследствии, оправдываясь, Алданов писал, что в романе евреи "представлены отнюдь не в более невыгодном свете, чем другие действующие лица. Александра Львовна, по-видимому, унаследовала от отца общую нелюбовь к людям".

Осмелимся предположить, что "странное сближение" неожиданным образом раскрывает нам тайны родоплеменных претензий О. Бешенковской. Ведь ее роман именно так и начинается: "Господи, как я ненавижу людей!".

Надо сказать, Алданов оправдывался за роман А. Толстой не случайно. Вот как отреагировал на его публикацию Владимир Набоков в письме к Алданову от 21 января: "И это не просто похабщина, а похабщина погромная. Почему, собственно, этой госпоже понадобилось втиснуть именно в еврейскую семью (вот с такими носами - то есть прямо с кудрявых страниц "Юденкеннера") этих ах каких невинных, ах каких трепетных, ах каких русских женщин, в таких скромных платьицах, с великопоместным прошлым, которое-де и не снилось кривоногим толстопузым нью-йоркским жидам, да и толстым крашеным их жидовкам с "узловатыми пальцами, унизанными бриллиантами", да наглым молодым явряем... Дорогой мой, зачем вы это поместили?.. А стиль, "приемы", нанизанные глагольчики... Боже мой!".

Времена меняются, и некому адресовать вопрос "Зачем вы это поместили?", ибо госпожа Бешенковская сама написала, сама и "поместила". Она же собственной персоной та самая "трепетная женщина" с "великопоместным", то бишь ленинградским писательским, прошлым, которое, разумеется, и "не снилось кривоногим толстопузым" евреям-эмигрантам. Она же, и этот секрет выдают первые строки романа "Viehwasen 22" - решила "повторить подвиг" скандальной писательницы Александры Толстой. Мы утверждаем это с достаточной уверенностью, ибо "великопоместное" писательское прошлое О. Бешенковской обязывает читать журнал "Октябрь", впервые опубликовавший в 1996 году переписку Набокова и Алданова.

В то же время ("авторское я", как ни крути, а еврей), натуралистические сценки из еврейской жизни, стилистически близкие произведениям классиков русского антисемитизма И. Родионова ("Сыны дьявола"), Е. Шабельской ("Сатанисты XX века"), Н. Брешко-Брешковского ("Под звездой дьявола") и других, перемежаются оговорками типа: "Во-первых, меня всегда радовали победы израильтян... Просто было

Иногда становится жаль, что не существует государственной цензуры. Впрочем, существует ведь цензура не менее действенная - "авторская". Так, например, Набоков заканчивает свое письмо к Алданову в ультимативной форме: "...знай я заранее об этом соседстве (*публикация Набокова находилась в том же выпуске журнала, что и роман Толстой - И. П.*), я бы своей вещи вам не дал - и если "продолжение следует", то уж, пожалуйста, на меня больше не рассчитывайте". Следующие номера "Родной речи" покажут, существует ли "авторская цензура" сегодня, и на каких авторов этот журнал еще может рассчитывать.

Сходные мотивы и "настроения" Бешенковской встречаются, впрочем, во многих публикациях. Борьба центробежных и центростремительных сил занимает важное место в эмигрантском творчестве. А поиск успокоения в межнациональном мире с самим собой оборачивается раздвоенностью (*растроенностью?*) и метаниями в чертовом ли кругу, в любовном ли треугольнике трех культур: русской, еврейской и немецкой.

Декларируется, более того, отстаивается принадлежность к бывшему СССР "от Москвы до самых до окраин".

Здесь пейзажный патриотизм в духе "Писем с Понта":

Земля одна. Здесь в мае тоже грозы.
Семья и дом. Порядок и уют.
Но по ночам немецкие березы
мне песни украинские поют...
Н. Горбатьюк ("Берега")

или

Перестань, мой друг глазами хлопать
и оставь в покое свой диван.
Пред тобой открылась вся Европа,
а тебе все снится Казахстан...
А. Ходорковский ("До и после")

или

Прощай. Но долго будешь сниться,
И не желаю лучших снов
В той, незнакомой загранице
Моя тоска, мой Петергоф.
Б. Иордан ("Литературный евросеец")

Здесь и патриотическая героика:

Господин Жириновский, ведите народ на Рейхстаг:
Вас заждались евреи, имперскою милостью сыты...
Всех их орднунов лживых порядочней русский бардак
И пушистые наши домашние антисемиты...
О. Бешенковская ("Родная речь")

Любовь к бывшей родине заходит иногда уж совсем далеко, принимая даже формы патриотической экзальтации:

Любовью был моею русый
С широким смехом волгаря,
И в сыне кровь свою я с русской
Смешала, всю себя даря...
Г. Ляховицкая ("До и после")

Наряду с русским, украинским, казахским и прочим ландшафтным патриотизмом нередки и манифестации советской ностальгии:

Уж символы прошедшей славы
забыты и пошли на слом
И старый серп и молот ржавый
отправлены в металлолом
М. Вайман ("До и после")

Встречаются и лубочные советско-великорусские варианты:

слушать первые грозы весенние,
и под гром повторять наизусть
не Плеханова и не Ленина,
а Есенина:
Гой ты Р-у-сь...
П. Заманский ("До и после")

Справедливости ради отмечу, что лубочная форма ностальгии в среде евреев-эмигрантов занимает скромное место. Зато у эмигрантов-великороссов она цветет пышным цветом и по художественно-стилистическим особенностям иногда напоминает писания русских фашистов, "творивших" в Германии тридцатых-сороковых годов. Впрочем, цветение это перезревшее, запоздалое, опасное для побегов в случае ранних заморозков. Так, например, в литературном журнале "Новая студия", выходящем в Берлине, еврейская квота, прямо скажем, низкая. Видимо, поэтому издание изобилует виришами типа:

Хоть сорок раз
слагай стихи чужим наречьем -
России
праведным
крестом,
как оспой,
мечен.
Т. Плехова-Якоб ("Новая студия").

Поистине, ностальгия - дама сердца поэта в эмиграции. Но, как ни хороши подмосковные вечера, силы отталкивания все же преобладают:

Но почему? - к воде свинцовой
не рвусь я; вдоволь над Дворцовой
Я навидалась полнолуний
в горячих сумерках июней...
М. Каменкович ("Родная речь")

Причину этого отталкивания формулируют Александр и Лев Шаргородские в предисловии к первому выпуску "Берегов": "Мы были евреями в Крыму и Сибири, в поликлинике и на стадионе, в горах и долинах, в бане и в приемной министра, на суше, воде и воздухе".

Еврейская тема становится, таким образом, антитезой великорусского патриотизма:

Среди многих разных стран
Есть страна на свете
Как красивы в той стране
Взрослые и дети!
Что же это за страна
Сердцу дорогая?
Израэль, еврейский дом,
Родина святая.

Р. Кирьям ("Берега")

Нечто похожее обнаруживаем и в национальной лирике русских немцев:

Германия, прекрасная страна,
Позволила вернуться нам домой.
Теперь мы дома, можно отдохнуть,
Живем мы в удивительной стране.

Л. Розин ("Родная речь")

Однако и на еврейской, и на немецкой ниве "коллективного автора" ожидает жестокое разочарование. Так, например, в стихотворении Г. Ляховицкой ("До и после") ритуальное действие в синагоге комментируется следующим образом:

Я им внимательно внимаю
и ни-че-го не понимаю
Но тот мальчонка у порога
уже, быть может, знает Бога?

А в уже упомянутой повести "Viehwasen 22" "авторское я" О. Бешенковской не ограничивается бытописанием местечковых евреев-эмигрантов, но поднимается также на уровень религиозно-философских обобщений: "Может быть, религия - это бессознательно культивируемая сказка об избранном народе, призванная компенсировать свойственное ему малодушие, готовность унизиться, схитрить, печально-комичное раболепие всегда и отовсюду изгнанных". Известная ветхозаветная история трактуется следующим образом: "...вон и мать Моисея, нанявшись к собственному, чудом спасенному сыну кормилицей, вместо того, чтобы от счастья святой сделаться, душой вознестись, добилась за эту работу еще и денежного вознаграждения..."

Итак, патриотизм и отчуждение по отношению к России, стремление к этнической культуре (еврейской или немецкой) и крах надежды найти в ней свое место красной нитью проходят через эмигрантское творчество.

В то же время, в литературе эмигрантов с особой силой проявляется неприятие Германии и немцев ("Завершают же нордический характер злопамятность, мстительность, эгоизм..." О. Бешенковская, "Родная речь"). Очень часто восприятие эмигрантами "массового немца" сводится к однажды слышанной нами фразе: "Подумать только, эти немцы не имеют понятия о Генрихе Гейне, зато с ума сходят по какому-то Хайнриху Хайне!". В эмигрантской поэзии и прозе немцы - крайне несимпатичный народ, а Берлин неизменно неприветлив, холоден и отчужден. С одной стороны, это конечно же, следование русской классике. С другой - реальное самощущение эмигрантов из бывшего СССР в Германии.

Берлин под утро: с чернотой окон,
С ночным кошмаром, ставшим новостями...

И. Рывкин ("Студия")

Наиболее характерен напечатанный одновременно в "Берегах" и "Добром Вечере" рассказ Л. Аксеновой "Еврейское

счастье". Фабула "Еврейского счастья" такова: "После длительных мытарств... евреи приползли в Германию". Однако "еврейское счастье" и здесь им не улыбнулось, статус контингентных беженцев, дающий право на социальную помощь, путешественникам (мужу и жене) получить не удалось, поскольку "в числе стран, через которые пролегал их путь, был Израиль". Дается разъяснение, из которого следует, что евреи, "проползая" через Израиль, не учли сложности международной обстановки. В их паспортах оказалась печать "Был в Израиле", которая "страшнее, чем клеймо "родился евреем"". И вот среди прочих инстанций, через которые пролегает их путь, оказывается социаламт, управление социального обеспечения.

Описывается холодящая кровь сцена. Сотрудница социала, составляя протокол, искажает показания просителей, заставляет их подписать фальсифицированную бумагу и отказывает им в помощи. Вот как характеризует автор немецкую чиновницу: "Красивая. Белокурая. Длинноногая. Хорошо кормленная. "Настоящая арийка", - почему-то подумал еврей. Его контуженный мозг пронзили воспоминания... Стоит стройная фрау в эсэсовской форме... В ушах звенит только одно слово: "Селекция"."

После расправы над евреями "фрау из детства" рапортует своему начальнику: "Типичный балласт для Германии. Я сразу поняла, что речь идет о санации... я дала им шанс самим очистить Германию от себя, не прибегая к насилию...". Начальник благодарит "фрау" за отличную работу и в лучших традициях "Семнадцати мгновений весны" обещает ей повышение по службе.

Рассказ заканчивается трагически: "В апреле в лесопарке возле Ванзее нашли два полуистлевших трупа. Рядом лежала дорожная сумка с профессорскими дипломами и русско-немецким словарем..."

Я не случайно останавливаюсь на "Еврейском счастье" Л. Аксеновой. Пользуясь весьма скромным, но проверенным временем набором литературно-художественных средств (воспоминания детства, вовремя врывающиеся в повествование, культурологические штампы, вызывающие у читателя требуемые ассоциации и т.д.), автор в доступной форме выражает "чаяния" и "нравственные муки" широких эмигрантских слоев и демонстрирует три центральных противоречия еврейской эмиграции.

Противоречие первое: национально-историческое противопоставление Германии еврейству. Декларируется аномальность еврейской эмиграции на родине нацизма, и сегодня, по обоснованному мнению автора, пропитанной латентным антисемитизмом.

Противоречие второе: социально-экономическое противоречие с немецким обществом, проблема деклассирования

"перемещенных лиц". Отметим, что выходцы из России - большей частью "бывшие". Поэтому находясь в Германии на самой низшей ступени общества, они всячески пытаются заверить окружающих в том, какими они были признанными, уважаемыми, увенчанными. Сходная ситуация сложилась в Нью-Йорке, где в среде "интеллигенции" с Брайтон Бич вместо соответствующего пейзажу одесско-пляжного обращения "Мужчина!" отовсюду слышишь: "Господин профессор!"

Для эмигрантских произведений характерны упоминания о бывших званиях и наградах, и, конечно же, о знакомствах в "прошлой советской жизни" с различными знаменитостями. Так, например, из повести "Viehwasen 22" мы узнаем, что "авторское я" О. Бешенковской знало "Сережу Довлатова": "Когда-то брели мы с ним по Чугунной, окраинной ленинградской улице, что на Выборгской стороне...". Такого рода ретроспективы в сочетании с брезгливыми описаниями "Абрамовичей" и прочих местечковых евреев служат импрессионной функции текста. Создается выгодный фон, на котором "авторское эго" О. Бешенковской как бы приподнимается из социального ничтожества, в котором оно оказалось.

Разумеется, в среде эмигрантов, насквозь пропитанной полукриминальной психологией советского общества (фальшивые метрики, фальшивые дипломы, мертвые души...), рассказы о бывших титулах и званиях нередко наталкиваются на недоверие.

Да что говорить о титулах и званиях! Лирическую героиню рассказа А. Сохриной "Сапоги от Жванецкого" ("Родная речь") Риту когда-то, представьте себе, "чмокнул в щеку" Жванецкий ("она сразу же отметила удивительное свойство его глаз - как бы вбирать в себя все окружающее, и еще их цвет - светло-серый" и т.д.). Поцелуй Жванецкого оказался, понятное дело, из числа незаживающих. Но вот в чем беда! Здесь, в Германии, "спустя десятилетие" бывшая журналистка Рита "восстановила эту историю в мельчайших подробностях", и ей нестерпимо захотелось хоть кому-нибудь ее рассказать. "Да только кто ж теперь поверит?...", - так заканчивается повествование Сохриной.

В рассказе Л. Аксеновой не случайно упоминаются и занимают центральное место "профессорские дипломы" и прочие регалии: "...две дорожные сумки с немногочисленным скарбом, дипломами об образовании, русско-немецким словарем и книгами, которые они написали в прошлой, советской жизни, - евреи принесли с собой".

Этому духовному багажу противопоставляются необразованная чиновница-арийка, не владеющая английским, и, в отличие от просителей-профессоров, получивший социальную помощь немец-наркоман, которого "многому учили, но ничему не выучили".

Противоречие третье: бывшее советское общество противопоставляется "цивилизованному миру", демонстрируется жливість мифа о правах человека на Западе: о загранице героиня рассказа судила по "вражеским голосам" или самиздату. Поэтому считали, что в ФРГ демократия...". Но оказалось, что дело обстоит иначе: "Союз был развален и до судебных людей, которые боролись за права человека в СССР, теперь никому не было дела..." Рассказ заканчивается четко сформулированным социальным протестом: "...законы об иностранцах в Германии, впрочем, как и в других "цивилизованных" странах, никакого отношения к правам человека не имеют... Большевики в свое время до этого не додумались... Спасибо им за это..."

Приведенные выше образцы отражают главные "идеологические" направления, по которым развивается эмигрантское сознание в Германии. В русскоязычных альманахах можно обнаружить также и множество черт, присущих ли-

тературе современной России. Так, в "До и после" обращают на себя внимание полуэротические изыскания Я. Кутина. Изобилует "Современной прозой" и "Литературный европеец". Возьмем, к примеру, и перелистаем девятый выпуск этого журнала за прошлый год: "Больше двух лет из ее большой ноги вытекала лимфа и Бог знает еще какая жидкость... Каждый раз все больше и больше оттяпывалось в том месте, на внутренней стороне бедра... Бирта осторожно мыла пальцы на ноге сестры - почерневшие, бесчувственные, с отвалившимися ногтями..." Что это? Кто это? Это член Союза русских писателей в Германии Нина Беттгер и ее рассказ "В ожидании". А вот и портрет автора - весьма привлекательной девушки...

Однако мы непросто отвлеклись. Поэтому лучше не будем дальше перелистывать журнал "Литературный европеец". Ведь мы нарочно не останавливались на таких вот всяческих аспектах, а пытались выделить лишь "суть эмигрантское". Но вот что интересно. Назвав главные проблемы эмигрантов, мы обнаруживаем, что их внутренние конфликты во многом сродни тому, что переживает все население бывшего Советского Союза. Более того, художественное творчество выходцев из бывшего СССР отражает и социально-психологический конфликт страны исхода. Ведь все постсоветское общество находится сегодня в эмиграции.

Не только "коллективный", но и каждый взятый в отдельности автор одновременно любит и ненавидит и Россию, и Германию, и Израиль, он одновременно ярый антисоветчик и апологет советского строя, махровый националист и самозабвенный интернационалист. Аналогичные противоречия мы наблюдаем и в России. Между тем, отсутствие цельности и концептуального мироощущения вовсе не является нормой, но говорит о тяжелой форме дезинтеграции личности. Речь идет, однако, не столько о социальной дезинтеграции, сколько о соответствующем понятии, принятом в культурологии, в рамках которой личность тогда называется дезинтегрированной, когда в ней уживаются взаимоисключающие понятия и ценности.

Очень часто человек не находит в себе сил для "самоопределения". Подобно компьютеру, подающему сигнал бедствия - "программа выполнила недопустимую операцию", личность впадает в депрессию и деградирует. Эмигрантское творчество потому и интересно, что в значительной степени оно является поиском выхода из духовного тупика, попыткой самоинтеграции. Между тем, как верно отметил Н. А. Некрасов в своей работе "Кому на Руси жить хорошо", "Средь мира дольного Для сердца вольного Есть два пути".

Путь первый - "...тесная Дорога честная", требующая больших интеллектуальных затрат. Это попытка анализа и рационального осмысления новых реалий. Приведу в пример уже упомянутый национальный вопрос "Кто же я?" - причину жарких споров и скандалов в эмигрантских клубах и на страницах русской прессы в Германии.

Евреи из России раскололись на две враждебные партии. "Некультурные консерваторы" отстаивают свое еврейство по праву крови. "Культурные либералы", напротив, утверждают, что национальность определяется языком и культурой, и стало быть, они, будучи продуктами русской и советской культуры, евреями не являются. Обе позиции имеют определенную политическую подоплеку.

В то же время, сама возможность подобных споров во многом отражает недостаточную компетентность "бывших профессоров" из бывшего СССР и их оторванность от современного развития науки и культуры. О том, что такое народ, этнос и нация, чем различаются между собой этногенетическая и этносоциальная общность и т.д. в постсоветское время написаны были горы книг. Дефицит знаний

по пресловутому национальному вопросу, вполне естественный для советского человека, сегодня, к счастью (если уж этот вопрос спать не дает по ночам), восполним. В подобном восполнении дефицитов, вероятно, и состоит "первая дорога". Но, как опять же сказал Некрасов, "По ней идут Лишь души сильные, Любвеобильные На бой и труд".

Существует и другая дорога, сравнительно безболезненный выход, вернее, иллюзия выхода из тупика посредством "духовной жвачки". Ведь нерешенные вопросы вовсе не обязательно решать. Можно, например, удариться в мистику. Народ "попроще" призывает на помощь свидетелей Иеговы или занимается йогой - стоит на голове. Интеллигенция же - черной магии предпочитает белую, магию проверенных временем клише, которые мало что объясняют, но нивелируют противоречия и создают видимость мира с самим собой.

В этом контексте характерно обращение редакции журнала *"Родная речь"* к читателям. Любопытно наблюдать, как *"Родная речь"*, пытаясь вывести оную из опасной зоны межнациональных конфликтов и прочих "горячих точек", грозящих превратить литературный процесс в местечковое болотце, формулирует свои задачи. Чего только не прочтешь в редакционном воззвании к первому номеру журнала "Звучи "Родная речь"!".

На читателя обрушивается такой фантастический конгломерат до-, про- и постсоветской мишуры, что начинает рваться в глазах. Характерно само название. Называя журнал, редактор, видимо, верный последователь учения Павлова об условных рефлексах, явно рассчитывал на обильное слюноотделение у читательской массы. "Босоногое детство", пирожок с повидлом, надкусанное яблоко и замусоленные страницы "Родной речи"...

Вероятно, также в расчете на стойкость застарелых рефлексов журнал открывается уничтожающей артподготовкой условных раздражителей: "Искусство - великий космополит", "Его ценности принадлежат не государствам, а времени", "Есть только один, единственно верный критерий литературы, и этот критерий - сама литература...". Параллельно проводится речитативом кодировка высокими авторитетами: Бунин, Набоков, Цветаева, Бродский. А во втором выпуске журнала в "Слове к читателям" литературной пастве преподносится уже вполне законченная формула: "...наши друзья - все те, кто исповедует русский язык как родную речь, Слово - как религию...".

Бедолага-эмигрант бьется "перед зеркалом", и уж не знает, топиться ли ему, вешаться ли.

- Кто же я? - вопрошает несчастный.

- "Для "Родной речи" нет, как было сказано задолго до нас, ни эллина, ни иудея", - авторитетно отвечает *"Родная речь"*, главное - чтоб человек был хороший.

- А как же быть с отечеством, отечество мое где? - накаляется эмигрант.

- "Отечество нам - русский язык", - мягко, "с доброй улыбкой" успокаивает *"Родная речь"*.

- То есть как это так русский язык? - не понимает страждущий.

- А так - потому, что "...вначале было Слово", "Но слово обращено прежде всего к тому, для кого оно - родное..."", - разъясняет *"Родная речь"*, перекраивая попутно известное евангельское изречение в короткую формулу: В начале было Слово *"Родной Речи"*.

- Ах вот оно как... Ну если так... Оно тогда конечно, - отвечает обмякший бедолага. Вопросов у него больше нет, а парировать нечем. Ведь, как говорится, против лома нет приема.

Для нас журнал *"Родная речь"* интересен не только публикуемыми в нем материалами (среди них есть, кстати го-

воря, немало удачных), но и своими идеологическими установками. Создавая понятийный шум высокой концентрации и заражая читателя хроническим вербальным иллюзионизмом, *"Родная речь"*, с одной стороны, легитимирует дезинтеграцию, а с другой, несомненно, является ее вторичным продуктом.

Нельзя, впрочем, отрицать и определенную социально-терапевтическую функцию "понятийного шума". Ведь навязывая читателю те или иные социокультурные стереотипы, *"Родная речь"* обеспечивает некоторый душевный комфорт. Аналогичным образом действуют, кстати сказать, и всевозможные секты - сейентологи, мунисты и прочие белые братья. И имеют огромный успех.

В связи с этим нам видится даже возможность составить некий фантом, фоторобот литературного братства, исповедующего русский язык, как *"Родную речь"*, а "Слово - как религию". Здесь наиболее экзальтированная часть интеллигенции, предполагаю, что в большинстве своем - женщины. Здесь многие из тех, кто в семидесятые охотился за там- и самиздатом, в восьмидесятые ходил "к скуфье смиренным иноком", а в девяностые, вооружившись свечей и блюдцем, вызывал беспокойный дух Мандельштама. Пожалуй, это наиболее ранимые и незащищенные представители русской эмиграции, и, будем надеяться, *"Родная речь"* сыграет для них роль спасительной гавани.

Итак, на примере художественного творчества мы рассмотрели в общих чертах духовные конфликты эмиграции в Германии, большинство из которых объясняется ценностным, когнитивным и регулятивным дефицитом. Избранный для изучения материал оказался, на наш взгляд, вполне адекватным поставленной задаче, поскольку референтная, экспрессивная и импрессионная функции текстов со всей очевидностью преобладают над эстетической.

Как видим, монолитный образ "коллективного автора" уже сегодня начинает распадаться. Так, например, социально гиперактивные Дон Кихоты из сборника *"До и после"* стремятся, по их же собственному заявлению, "сразаться своими перьями за лучшую жизнь", более того, "убрать с нашего пути все мешающее". Для них характерны высокая степень личностной дезинтеграции и попытка ее активного преодоления. Понятийная и нормативная энтропия "мирискуссников" из *"Родной речи"* (по крайней мере, редколлегия журнала) также крайне высока. Они, однако, напротив, предпочитают иррациональный, близкий к сектантскому способ гашения конфликтов. Таким образом, выявляются два возможных пути решения психологических проблем эмиграции. Как сказал все тот же Некрасов, "Взвесь силу гордую, Взвесь волю твердую: Каким идти?"

Вместо послесловия

Если строки мои прочесть найдет охотник,
Пусть он заране учтет, где я писал и когда:
В ссылке, в дикой стране. Кто об этом знает и помнит,
По справедливости тот будет поэта судить -
И подивится еще, как мог в подобных лишениях
Я хоть такие стихи скорбной рукой выводить.

Публий Овидий Назон,
Понт Эксинский, *"Скорбные Элегии"*

«Ach wie gut, daß niemand weiß, daß ich Rumpelstilzchen heiß»

Ах, как хорошо, что никто не знает, что меня зовут Румпельштильцхен

О пьесе Р. В. Фасбиндера «Мусор, город и смерть»

Фригдих Горенштейн

Райнер Вернер Фасбиндер объявлен большим талантом, почти что гением немецкого кинематографа. Мне, как кинопрофессионалу, работавшему с А. Тарковским, это кажется преувеличением, свидетельствующим о наличии дефицита талантов, тем более гениев в немецком кино. Однако, даже при наличии самого большого дефицита в современной немецкой литературе, в драматургии, в частности, я надеюсь, вряд ли кто-нибудь отважится объявить Фасбиндера и в этой области большим талантом, тем более гением.

Пьеса "Der Müll, die Stadt und der Tod" ("Мусор, город и смерть") - тому подтверждение. Впрочем, пьеса - сильно сказано. Это, скорее, некая смесь сценария и либретто для кабаре с балетом и песенками. Значит - направление Брехта? Может быть. Но, как говорится в торговле, - "stark reduziert, Sonderangebot" (т. е. сильно уцененное). Тем не менее, продается хорошо. В том смысле, что в центре внимания. Известно, что современная массовая продукция находит сбыт не столько благодаря своему качеству, сколько благодаря рекламе, ибо реклама - двигатель торговли. И, конечно, благодаря своему "артиклю". Каков же "артиклю", то есть жанр товара "Мусор, город и смерть"?

Существует жанр трагикомедии, а это, скорее, трагиводевиль из жизни "дам полусвета", то есть проституток. Я говорю "трагиводевиль", потому что не могу найти более точного определения жанра. Причем, водевиль здесь, скорее, легковесный, чем легкий, а трагедия - наоборот - чрезмерно утяжеленная. Но не по чувствам, а по декоративно оперному ее оформлению. Нечто вагнеровское, однако без вагнеровской музыки. "Музыка" звучит иная. Не знаю, как на немецком, но на русском языке она называется "воровская музыка", "феня" - воровской жаргон. Да, это тот самый жаргон, который в прежние консервативные времена при отсутствии свободы слова за пределами цензурных выражений именовался жаргоном преступников: "Drecksau", "Ficken", "Scheiße" и т. д. Однако, такими словами теперь мало кого удивит и карьеры не сделаешь. Включите телевизор, откройте respectable журналы. Всюду "слова, слова, слова...". Конечно, не гамлетовские.

Однако, в этом фасбиндеровском трагиводевилье есть еще одно слово, точнее, словосочетание, которое делает товар заманчивым, раздражающим, привлекательным, особенно, для немецкой сцены, театральной и общественно-полити-

ческой, - "der reiche Jude", богатый еврей. Говорят, "богатый еврей" списан с конкретной персоны, франкфуртского еврея. И персона эта, ныне высоко сидящая в Центральном Совете евреев Германии, тем оскорблена лично. Не знаю, каким образом эта персона себя узнала. Индивидуальных черт в "богатом еврее" нет никаких. Впрочем, как и в других персонажах этого трагиводевила с блатной музыкальной "феней".

"Ene mene mi, ich ficke dich ins Knie, ene mene mu, das Loch hast du". Так исполняет некий персонаж Ахфельд, клиент, потребитель проституток. "Geh, Kleines, geh und laß dich ficken. Vergiß die Gummis nicht und nicht die Zeit, die ich dir gab. Und sei gerecht. Auch Männer sind nur Menschen", - говорит Франц Б., сутенер проститутки Ромы Б., главной героини, которую, как и полагается сутенеру, особенно немецкому, он иногда бьет, иногда сентиментально поучает. После этих сентиментально-угрожающих поучений сутенера Франца Б. проститутке Роме Б. начинается балет. "Liebestod", "Tristan und Isolde" танцует проститутка "Асбах, Лили" и некий "Гельфриц, Тенор" (трудно понять, зовут ли его Тенор, или же это его оперное амплуа).

Таков стиль этого сочинения. Брехт, но без брехтовской язвительной иронии над своими персонажами и над самим собой. Брехт, но без умных брехтовских парадоксов. Персонажи даны статично, без развития. Выходят с первого листа, произносят свои меланхоличные диалоги, танцуют или поют и уходят назад, в список персон - действующих лиц.

Персоны только названы по имени и фамилии. Кто они, не указано. И это, я думаю, неспроста. К тому же, персоны объединены в группы. В одной - проститутки, в другой - клиенты и сутенеры, в третьей - резонеры, певцы и танцоры. Группа обывателей: герр Мюллер и фрау Мюллер. "Der reiche Jude", богатый еврей, объединен с "цвергом" (карликом), то есть с уродом. И мне невольно вспоминается, как евреев объединяли с крысами в геббельсовском фильме "Вечный жид". Впрочем, имеется еще "der kleine Prinz" (маленький принц), находящийся в группе резонеров. Но это, я думаю, для чистого антуража.

Художественно выписанных характеров нет. Но все логически распределено. Причем, в духе агитплаката. За что же агитирует и что пропагандирует Райнер Вернер Фасбиндер? К пьесе "Мусор, город и смерть" приложено открытое письмо автора ("offener Brief"), писанное им в Париже еще 28.03.1976 года. Сколько воды с того времени утекло. Каких

Коротко об авторе

Фридрих Горенштейн - писатель и киносценарист, автор романов "Место", "Псалом", "Искупление", повестей "Зима 53-го года" и "Последнее лето на Волге", пьес "Бердичев", "Споры о Достоевском", киносценариев к фильмам "Солярис", "Раба любви" и многих других произведений. Сегодня в России пьесы Горенштейна ставятся в крупнейших театрах страны. Практически все произведения писателя переведены на немецкий язык. В Германии его называют Достоевским 20-го века, а в Берлинском университете им. Гумбольдта читается курс «Русские писатели-эмигранты в Германии. От Набокова до Горенштейна».

фото И. Малкиеля

только не было наводнений! Но письмо автора, преждевременно умершего молодым, скажем так, от чрезмерностей, от излишеств физических и "духовных", автору присущих, и ныне актуально.

В своем письме-предисловии автор всячески отводит от себя и своей пьесы обвинения себя и своей пьесы в антисемитизме. Причем, "антисемитизм" он берет даже в кавычки. Действительно, - сообщает Фасбиндер, - среди фигур этого текста один еврей. Этот еврей - хойзермаклер (маклер по купле-продаже недвижимости). Он изменяет город, ухудшая условия жизни людей; он делает гешефты. Но ответственности за эту ситуацию он не несет, потому что просто использует сложившиеся в городе Франкфурте и в обществе отношения. То есть Райнер Вернер Фасбиндер хочет сказать, что речь, в действительности, идет о социальных, а не национальных проблемах. Райнер Вернер Фасбиндер явно лукавит. Потому что весь интерес к его пьесе, позитивный и негативный, держится на том, что маклерские "гешефты", приносящие богатство, делает "Jude", еврей. Замени он персона "reicher Jude" на "reicher Deutsche", тысячи которых богатеют на подобных, кстати, законом не запрещенных "гешефтах", или на "reicher Japaner" или на "reicher Arabe" с нефтедолларами, что бы осталось от пьесы?

Не спасли бы пьесу сексуальные интриги "богатого немца", "богатого японца" или "богатого араба" с проституткой Ромой Б. Или даже тот изощренный драматургический ход в духе немецкого неоекспрессионизма, когда богатый немец, богатый японец или богатый араб в конце под занавес душил бы Рому Б. своим галстуком по ее просьбе, ибо она избрала подобный путь самоубийства. Нет, тут заяц в перце, как говорят немцы, или собака зарыта, как говорят русские, только тогда, когда это делает "Jude", "reicher Jude".

Однако Райнер Вернер Фасбиндер утверждает - проблема социальная, а не национальная. Рассмотрим, в чем же социальная проблема. Маклер, торгующий домами, хочет продавать и те дома, которые в противоречие закону заняты так называемыми "хаусбетцерами" (захватчиками домов) - эмансипированными молодыми людьми того времени, разного рода райнерами фасбиндерами и йошками фишерами, организовавшими в этих домах коммуны-ночлежки, главным образом, не потому, что они находились в бедственном бездомном положении, а по соображениям идейным, в соответствии со своей "фрондой". "Fronde" перево-

дится с французского как непринципиальная, несерьезная оппозиция, оппозиция по мотивам личного порядка. Причем, иные из этих "эмансипированных" фрондирующих молодых людей вполне соответствовали шиллеровской ремарке из списка действующих лиц - разбойников: "развратные молодые люди - потом разбойники". Хотя, конечно, иные стали все ж потом популярными деятелями искусства и политики.

Значит, социальная проблема в том, что эти "эмансипированные" фрондирующие молодые люди, часть которых соответствует шиллеровской ремарке, нарушают закон, потому что они считают его социально несправедливым. Вот и написал бы об этом свою пьесу Райнер Вернер Фасбиндер.

О нет! Кто б на такую пьесу тогда взглянул! Это была бы пьеса, в которой, действительно, можно было бы поднять серьезные моральные и психологические вопросы социального дна, на котором очутились те или иные люди по своей или чужой воле. Нечто вроде пьесы Горького "На дне". Однако такая пьеса, во-первых, не соответствовала бы нынешней сложившейся общественной конъюнктуре, а, во-вторых, и это главное - не соответствовала бы художественным возможностям Райнера Вернера Фасбиндера, как бы ни пытались объявить его большим талантом, почти что гением.

В существующей же пьесе "Мусор, город и смерть" социальным только лишь прикрывается национальное, точнее, расовое. Богатый еврей - и есть центр скандальной рекламы, ибо Фасбиндер умышленно шел на скандал. Как было сказано, реклама - двигатель торговли. А в Германии скандал, связанный с евреями - всегда хорошая реклама. Особенно, с тех пор, как небезызвестное немецкое "Bewegung"¹ социальным прикрыло национальное, точнее, расовое. И когда речь идет о "товаре" фрондирующем, личностно оппозиционном и фраппирующем, то есть неприятно поражающем, удивляющем, то нет лучшей рекламы, чем такой скандал.

Тем не менее, скандал этот никогда бы не разросся до подобной величины и до таких неприятных подробностей, если бы ему не помогли с другой, прямо противоположной стороны, со стороны еврейской общины Германии, причем, теми же по сути методами. Конечно, возмущение тех или иных деятелей еврейской общины можно понять. Но методы проявления этого возмущения явно ошибочны и действуют в направлении, прямо противоположном желаемому.

¹ Движение (нем.)

му. Во-первых, может ли еврейская община запрещать немецкую пьесу? Причем, скандальными методами, выходом членов общины на сцену и т.д., как это было во Франкфурте в восьмидесятых годах. А во-вторых...

Во-вторых, откровенно говоря, мне хотелось бы, чтобы пьеса прозвучала с немецкой сцены в исполнении немецких актеров. Потому что пьеса Фасбиндера при всей ее плакатности содержит все-таки некоторые живые моменты, которые хотелось бы услышать публично. В некоторых местах в ней, на мой взгляд, звучит обычно затаенный, а тут - откровенный, живой голос немецкого "нутра", так и не утихший с тех пор, как "Bewegung" социальным прикрыло национальное, и даже набирающий силу. Хотя, опять же, не всегда открыто. Голос, списываемый властью имеющими то на хулиганство, то на "Einzelfälle" - единичные случаи. Голос ли это самого Фасбиндера? Повременю с ответом. Скажу, что этот голос ясно Фасбиндером услышан и точно воспроизведен.

Защитники - те самые, которые говорят про "хулиганов" и "единичные случаи", и тут пытаются сузить проблему. Автор описал нациста, - говорят. Во-первых, автор нигде не характеризует его как нациста. А, во-вторых, я бы не стал так ограничивать. Как только говорят "нацисты", сразу появляются цифры, проценты, статистика - "Einzelfälle". Но дело не в том, сколько в Германии "политических немцев", а сколько в Германии "бытовых немцев", определенных чувств и идей, которые редко высказываются вслух. А если высказываются, то в своем кругу, под "немецкими крышами", причем люди это самых разных социальных слоев. Чаше, может быть, мещанских. Но не только.

Вот в пьесе Фасбиндера говорит некий Hans von Gluck. Кто этот Ганс фон Глюк? Впрочем, в первой сцене этот Ганс фон Глюк, согласно стилю фасбиндеровской пьесы, не говорит, а совершенно вне связи с сюжетом выходит и начинает петь "Die kleine Nachtmusik". Одна из проституток - Асбах Лили танцует под пение Ганса фон Глюка балет. Потом оба поют и танцуют. Окончив петь и танцевать, Ганс надолго уходит в начальный лист, перечисляющий персонажи. И молчит, пока также вне связи с сюжетом не появляется в десятой сцене и произносит свой монолог, который молча слушает главная героиня пьесы Рома Б.

К сожалению, длинный монолог, занимающий всю десятую сцену, я передать не могу. Лишь фрагменты. Но и их достаточно. Причем, в отличие от плоских плакатных разговоров пьесы, этот монолог полон натуральных соков. Он живой, естественный и, кажется, даже имеет натуральный запах наподобие запаха пива и "айсбайн" с капустой. Весь этот монолог-сцена посвящен еврею, который именуется не "Jude", а "Jud", что соответствует польско-украинско-русскому слову "жид".

"Er saugt uns aus, der Jud" - он нас высасывает, этот жид. "Trinkt unser Blut und setzt uns ins Unrecht"². И далее - экспрессионистский монолог о том, как терзает нервы Ганса еврей не только своим видом, но и своим существованием. "Und Schuld hat der Jud, weil er uns schuldig macht, denn er ist da"³. Вот в том то и дело, главная вина евреев в том, что они есть. "Und ich reib mir die Hände, wenn ich mir vorstelle, wie ihm die Luft ausgeht in der Gaskammer"⁴.

Жаль, что нельзя привести весь монолог. В монологе есть не только национальное, но и социальное обличение, обличение этой "verfluchte" - проклятой - системы, которая делает его, Ганса, больным. Потому что эта проклятая система (имеется в виду политический строй ФРГ) дает еврею привилегии, и он имеет банки на своей стороне и всех сильных этого города на своей стороне. К ненависти Ганса примешивается ревность. Ревность и к фатерлянду, и к женщине. Это чувство, ревность по отношению к евреям всегда присутствовало даже и в гитлеризме - ревность и зависть. Тут же, в пьесе конкретно, присутствует ревность к проститутке Роме Б, которую "Jud" купил.

Недавно в одной телепрограмме кратко передавали сюжет пьесы Фасбиндера. Якобы, речь идет о проститутке, которая делает карьеру с помощью богатого еврея. Достаточно послушать огненный монолог Ганса фон Глюка, для того, чтобы понять, насколько это сладенько и фальшиво. Ганс - мечтатель - радуется, что еврей не может убежать с недвижимостью в чемодане, что его, еврея, земельные участки, как песни сирен зовут назад. Вот так поэтично. Очевидно, Ганс надеется, что вместо этой проклятой, несправедливой системы явится опять система, которая пошлет еврея в газовую камеру.

Да, интересный монолог на целую десятую сцену. Много затаенного он выбалтывает. Кто же этот Ганс фон Глюк? Нацист? Опять "единичные случаи", проценты? И разве бритоголовые молодые ублюдки, которых называют "rechtgerichtete"⁵, могут произносить такие монологи? Нет, это монолог поэта, монолог "кюнстлера"⁶ наподобие Райнера Вернера Фасбиндера.

Я говорю "наподобие", но у меня есть очень сильное познание, основанное на моем большом литературном опыте, что Райнер Вернер Фасбиндер вложил в этот монолог свое авторское сердце и душу. Более того, патологические особенности, присущие автору, внесены им в эту злую юдофобскую поэзию. Нет, это не "естественный" антисемитизм дураков и дебилов. Антисемитизм Ганса фон Глюка - это антисемитизм извращенца.

Какова политическая ориентация Ганса фон Глюка? Не думаю, что на выборах он голосует за DVU⁷ или за подобные пронацистские мелкие партии. У него очень широкий диапазон - от ХДС до "Зеленых". Скорее даже - за "Зеленых", учитывая его оппозиционность системе. Так что, может быть, политические взгляды автора и персонажа едины.

Я хорошо помню карикатуры "зеленой" прессы 80-х годов. И как совпадали в ней еврейские носы израильтян с еврейскими носами карикатур "Nationalzeitung". А активный деятель "Зеленых" Штробеле, поехав с "зеленой" делегацией в Израиль во время войны в Персидском заливе, объявил, что Израиль сам виноват в обстрелах ракетами Саддама Хуссейна. Но он извинился, говорят. Что значит, "извинился"? Когда наступают на ногу, можно извиниться. Может быть, и Ганс фон Глюк извинится за свои поэтические высказывания о том, как евреи задыхаются в немецком газе? И убийца из Бабьего Яра Пауль Блобель, архитектор из Золлингена, извинится? Хотя, тот уж не извинится. Того, слава Богу, повесили.

Приходится признать, что если есть в этой плакатной, литературно надуманной пьесе какие-то художественные нату-

² Пьет нашу кровь и делает нас виновными. (нем.)

³ А виновен еврей, потому что он делает виновными нас, ибо он существует. (нем.)

⁴ И я потираю руки от удовольствия, когда представляю себе, как он задыхается в газовой камере. (нем.)

⁵ Правой ориентации (нем.)

⁶ Künstler (нем.) - деятель искусства.

⁷ Deutsche Volkunion (нем.) - Немецкий Народный Союз - правозэкстремистская партия.

ральные моменты, то они присущи именно юдофобским монологам и диалогам, за которыми чувствуется сам автор. "Эмма - это я", - сказал Флобер, автор "Мадам Бовари". "Ганс фон Глюк - это я", - мог бы сказать Райнер Вернер Фасбиндер, если бы он был искренним и не выворачивался бы фальшиво, как в предисловии "Открытое письмо" к пьесе.

Ныне эту роль покойного автора переняли его поклонники - режиссеры, публицисты и телекомментаторы. "Фасбиндер любил национальные меньшинства", - говорят они. При чем здесь национальные меньшинства? Проблема национальных меньшинств, проблема иностранцев - коммунальная. Если они создают тесноту, их не любят. Если их нет или их мало, о них забывают. Возможны ли антисемитские настроения там, где нет турок? Антисемитские настроения лежат в сфере материальной, тогда как антиеврейские - в сфере духовной. И не то что Фасбиндер с его Гансом, классики включали эти настроения в свой ассортимент. Тут не место анализировать, почему так. Для этого надо уйти слишком глубоко в библейскую историю и психологию, в отношения человека с человеком и человека с Богом. Но за антиеврейский "дух" всегда активно хватались и хватаются. Особенно, если удастся найти какой-нибудь материальный повод, и когда собственная совесть нечиста.

Вот другой персонаж Фасбиндера - Müller. Германия, как известно, перенаселена Мюллерами. Даже в пьесе Фасбиндера из 18-ти персонажей три Мюллера. И если Ганс выходит из шеренги персонажей лишь чтобы попеть, потанцевать и с большой искренностью сказать свой юдофобский монолог, то Мюллер как-то связан с сюжетом. Он - отец проститутки Ромы Б., которую "купил" для своих потребностей "богатый еврей". Ну, профессионально проститутка на том и существует, что ее покупают. И если бы ее купил богатый немец, богатый японец, богатый араб типа Доди Аль-Фаеда, то это было бы естественно и даже престижно. Но покупка немецкой проститутки евреем! О, тут у Фасбиндера начинается целая "Симфония крови" (как именуется одна картина немецкого экспрессионизма двадцатых годов).

"Er hebt dich empor um mich zu erniedrigen... Er glaubt, ich hätte Schuld am Tod seiner Eltern"⁸, - говорит папаша Мюллер.

Рома Б.: "Und? Ist es die Wahrheit?"⁹

Мюллер: "Ich habe mich um den Einzelnen, den ich tötete nicht gekümmert. Ich war kein Individualist"¹⁰.

Далее Мюллер сообщает, что, возможно, и был убийцей родителей богатого еврея, но никакой тяжести, никакой вины на себе не несет. Никакой тяжести (имеется в виду моральная тяжесть) нет убивать евреев, если имеешь убеждения, которые он имел.

В данном случае папаша проститутки действительно обозначен как фашист и убийца. Но тут возникает другой мотив, широко распространенный за пределы Мюллеров идейных на Мюллеров обычных - мотив "еврейской мести". Эйхман сказал: "Если мы не уничтожим еврейских детей, они вырастут и прольют реки немецкой крови". Мотив "еврейской мести" христианам не нов. У Шекспира Шейлок в "Венецианском купце" тоже мстителен. Однако, поскольку шекспировский Шейлок сложен из плоти и крови, живой и многогранный, читатель и зритель может уже вопреки замыслам Шекспира, но благодаря его гениальной художественной объективности понять эту месть как защиту своего достоинства.

Каждый мстит за свое, чем может. Разбойники Шиллера мстят оружием, а Шейлок золотом. Однако у Фасбиндера

"богатый еврей" плакатен. И когда в конце пьесы он душит проститутку своим галстуком, хотя и по ее просьбе, то это не обычное криминальное деяние, как было бы, если бы душил немец, японец или араб, а та самая "еврейская месть", о которой говорил Эйхман. Конечно, существуют самые причудливые методы самоубийства. Не так давно один самоубийца-фантазер даже прыгнул в вольтер ко льву. Бедный лев! А у Фасбиндера Рома Б. нафантазировала себе быть задушенной богатым евреем. Бедный богатый еврей! Не знаю, что сказал самоубийца-фантазер льву, перед тем как тот вынужден был его растерзать. Рома Б. пыталась богатого еврея утешить. "Sie können sogar Befriedigung dabei empfinden" - "Вы можете при этом даже получить удовлетворение", то есть удовлетворить свою "еврейскую месть".

Это не антисемитская пьеса, а пьеса об антисемитах, - говорят защитники и поклонники Фасбиндера. Об антисемитах? В таком случае, какова позиция автора? На чьей стороне автор? "С кем вы, работники культуры?", - как сказал Горький, имя которого носит театр, так страстно возжелавший поставить пьесу Фасбиндера. Богатый еврей, плакатный еврей выглядит настолько односторонне отвратительно, в нем настолько мало многогранного, человеческого, в отличие от Шейлока, настолько он вообще не человек, а лишенный даже собственного имени нарицательный символ, что становится ясно - Фасбиндеру "богатый еврей" симпатичен не более, чем он симпатичен Штрайхеру. Хотя внешность его и не описана, мне он видится штрайхеровским "Jude" из "Штюрмера": большой нос крючком, большие уши, большие глаза-точки. (Когда Штрайхера душили, правда не галстуком, а нюрнбергской петлей, он крикнул, имея в виду удушение Амана: "Вы празднуете свой красный пурим!" Вот такова "еврейская месть"). "Богатого еврея" можно сравнить и с "евреем Зюсом" в исполнении Вернера Крауса, безнравственно поставившего свой талант на службу массовым убийцам.

Таким мне представляется облик "богатого еврея", если исходить из текста Райнера Вернера Фасбиндера. И, в то же время, не говоря уже о Гансе, за которым угадывается фасбиндеровский авторский крик души, фашист-убийца Мюллер выглядит симпатичным, ну, может быть, немного чудачковатым стариком. Наверное, в зеленом пальто и зеленой шляпе. Именно они, Ганс и Мюллер, теперь - страдалцы в своем фатерлянде от еврейского засилья, которому способствует "проклятая система". Именно они - объекты еврейской ненависти и мести со стороны "богатого еврея".

Конечно, быть бедным любой нации - плохо. Но что такое бедный еврей в этом юдофобском мире, я сам ощутил на своем опыте и своей судьбе. Вряд ли Гансы и Мюллеры любят бедных евреев больше, чем богатых. Их ненависть к евреям по-эйхмановски тотальна. И они по-эйхмановски выискивают "еврейскую ненависть" тотально ко всем немцам, чтобы оправдать свою.

Некоторое время тому назад, еще в Западном Берлине, еще до того, как объединились Запад с Востоком, в том числе, западные с восточными антисемитами, зашел я в булочную в самом начале Вильмерсдорферштрассе, неподалеку от Аденауэрплатц и стал невольным свидетелем разговора некоего покупателя с продавщицей.

- Я вчера видел Галинского, - сказал покупатель (Как известно, Галинский тогда был председателем еврейской общины Западного Берлина и Западной Германии). - Этот Га-

⁸ Он поднимает тебя, дабы меня унижить... Он полагает, что я виновен в смерти его родителей. (нем.)

⁹ И что же, это правда? (нем.)

¹⁰ Я не интересовался единственным, которого убил. Я не был индивидуалистом. (нем.)

линский посмотрел на меня с ненавистью. Он ненавидит всех немцев.

И покупатель засмеялся. Засмеялась и продавщица. Чем не сцена в булочной из пьесы Фасбиндера? Что означает этот смех?

Пока набиралась эта статья, вторично взорвали памятник на могиле Галинского. Первый "единичный случай" был в сентябре 1998 года. Второй "единичный случай" - шестого декабря. Тогда взрывников не нашли. Найдут ли сейчас? Булочных много, покупателей - еще больше.

"Wäre er geblieben wo er herkam oder hätten sie ihn vergast, ich könnte besser schlafen. Sie haben vergessen ihn zu vergasen (авторская игра слов - Ф.Г.). Das ist kein Witz, so denkt es in mir und ich reib mir die Hände, wenn ich mir vorstelle, wie ihm die Luft ausgeht in der Gaskammer. Und wieder reibe ich die Hände und reibe und stöhne, ach wie gut, daß niemand weiß, daß ich Rumpelstilzchen heiß"¹¹.

Румпельштильцхен - это злой гном из немецкой детской сказки, скрывающий свое имя, и со злыми делами которого можно бороться лишь публично разоблачив, объявив его имя. Это знает каждый немецкий ребенок, но мне о том пришлось спросить, ибо немецким ребенком я не был. Однако Фасбиндер, так же, как его персонаж Ганс фон Глюк, так же, как фашист-убийца Мюллер, так же, как покупатель и продавщица из булочной на Вильмерсдорферштрассе немецкими детьми были. Вот почему они смеются и радостно потирают руки. Подобной радостной злобной мечтой были переполнены письма от бывших немецких деток председателю еврейской общины Галинскому еще тогда, когда западные и восточные антисемиты были разделены стеной. Причем, по словам Галинского, вначале это были анонимки. А потом уже - с полной подписью и обратным адресом. То есть, не страшились уже объявлять себя Румпельштильцхенами. Однако, объявлять в частных письмах. То есть, опять - статистика, "единичные случаи".

Я не хочу идеализировать Галинского, я встречался с ним всего один раз, никаких отношений, тем более, теплых, у меня с ним не было. Я вообще не член еврейской общины и приехал в Германию не по "еврейской линии". Не хочу идеализировать также евреев. Да и вообще, почему евреи должны быть лучше других? Это еврейские мазохисты, которых, к сожалению, в силу паталогической еврейской истории немало, хотят, чтобы евреи были лучше всех - "тогда их полюбят". А если они не лучше всех, значит, по их мнению, они хуже всех. И международные враги, особенно последователи немецких Румпельштильцхенов, идеализируют евреев, объявляя их источником мирового зла, а общечеловеческие пороки объявляя еврейскими.

Пьеса Фасбиндера давала возможность в открытой полемике назвать имя этих Румпельштильцхенов. Но только если эти Румпельштильцхены станут явлением сценическим, публичным, а не частным, как в письмах Галинскому или в разговорах в булочной. Или, как в непоставленной пьесе "Мусор, город и смерть", которую мало кто читал. Ошибкой со стороны деятелей еврейской общины было мешать воплощению этой пьесы на сцене. Тем более, скажем прямо, иной раз скандальными методами, дающими повод, особенно "кюнстлерам" Гансам фон Глюкам и прочим Рум-

пельштильцхенам, говорить в булочных, коридорах и вообще под "немецкими крышами", что евреи ввели цензуру, что евреи "пьют нашу кровь" и т.д. (см. монолог Ганса фон Глюка).

Существует нацистская литература. Никто не опровергает, что она нацистская. Спор идет лишь о том, надо запрещать нацистскую литературу или нет. Я в данном случае считаю - надо. Но некоторые говорят, что это привлечет к ней излишнее внимание. Между прочим, деятели еврейской общины, так интенсивно обрушившиеся на пьесу Фасбиндера, гораздо менее активны в вопросах запрета нацистской литературы. Я не слышал, чтобы они также демонстрировали у нацистских издательств, чтобы они устраивали демонстрации против нацистских сборищ. Это делают другие, это делают немцы.

Но с пьесой Фасбиндера дело обстоит прямо противоположно нацистским книгам. Тут надо доказать, что это - нацизм и антисемитизм, поскольку это опровергается. И по моему убеждению, постановка пьесы немецким театром помогла бы такому доказательству и вызвала бы против пьесы немецкие протесты. Кроме того, я невольно ощущаю личностный элемент в яростной активности деятелей еврейской общины против пьесы Фасбиндера, также, кстати, крайне личностной. Может быть, если бы у Фасбиндера речь шла не о франкфуртском еврее, а, например, о харьковском еврее-бухгалтере при сохранении всего юдофобского пафоса, реакция еврейской общины была бы не столь яростной.

Теперь берлинский театр имени Горького, восплаивший желанием любой ценой воплотить фасбиндеровский "шедевр" на своей сцене, но который опять "евреи запретили", сделал ответный ход конем - пригласил в качестве "гастшпиля" тель-авивскую студию Левенштейна, поставившую пьесу Фасбиндера на иврите. Не знаю, что привлекло тель-авивскую студию Левенштейна к этой пьесе. Может быть, все тот же еврейский мазохизм. Но, предполагаю, более всего - скандальная реклама, созданная вокруг нее деятелями еврейской общины Германии, ныне поставившей себя в неловкое положение.

В шахматах это называется вилкой. Потеря одной из двух фигур неизбежна. Либо деятели еврейской общины Германии вступят в полемику с тель-авивской студией Левенштейна, но тогда это уже будет спор между евреями, и "der lachende Dritte"¹² будут немецкие "кюнстлеры", либо эти деятели промолчат. Тогда это будет уж совсем нелепо и смешно. А все оттого, что дали Румпельштильцхенам себя спровоцировать и своей скандальной рекламой создали авторитет пьесе, которая того не заслуживает ни художественно, ни морально.

P.S. Еще одна новость. Получено письмо от взрывников памятника Галинскому. Они опровергают, что они нацисты. Заявляют, что они обычные граждане, которые протестуют против планов одну из берлинских улиц назвать именем Галинского. Wunderbar! Я же говорил, что как и в случае с фасбиндеровским фон Глюком, речь идет об "обычных гражданах", обычных избирателях широкого диапазона, обычных покупателях хлебобулочных изделий.

¹¹ Если бы он остался там, откуда он пришел, или если бы они отправили его в газовую камеру, я мог бы спокойнее спать. Это не шутка, эта мысль во мне, и я потираю от удовольствия руки, когда представляю себе, как он задыхается в газовой камере. И я тру руки снова и снова со стоном: ах как хорошо, что никто не знает, что меня зовут Румпельштильцхен. (нем.)

¹² Смеющийся третий (нем.)

Русские в Нью-Йорке

Юрий Гинзбург

Ресторан "Vechernia Odessa" - яркая неоновая синекрасная надпись английскими буквами - расположен в первом этаже приземистого невзрачного дома: такими застроен почти весь Брайтон Бич, знаменитый русский район Бруклина. Улица с растрескавшимся асфальтом освещена довольно тускло и наполняет какой-то тоской и тревогой, во всяком случае не располагает к тому, чтобы задержаться на ней подольше. Прямо перед входом в ресторан стоит старый "Шевроле", в нем два молодых негра, развлекающихся тем, что беспрерывно нажимают на гудок - просто так, ради забавы. Бесперывное оглушительное гудение машины раздражает слух, хочется сказать неграм: "Как вы себя ведете! Сейчас же прекратите!", но перед глазами стоят сцены из американских фильмов, как банда черных подростков расправляется с теми, кто осмеливается вступить с ними в конфликт.

В "Вечерней Одессе" сегодня открывается "Клуб друзей искусства", или как это называется на новорусском - "Арт-Клуб". Очутившись в ресторане, тотчас забываешь, что кругом Америка: такое ощущение, будто находишься в России. На сдвинутых столах уйма водочных бутылок, блюда с едой, на маленькой сцене дается концерт: звучат еврейские и советские песни, стихи, шуточные приветствия, пародии. В промежутках между номерами ослепительный красавец, известный по советскому телевидению конференсье в смокинге и бабочке, бродит с микрофоном по залу и на правах тамады дает слово для тоста то одному, то другому гостю.

Для хозяина "Вечерней Одессы", эстрадного музыканта Бориса Лернера "Арт-Клуб" - это, видимо, прежде всего попытка выделиться среди десятков других русских ресторанов Нью-Йорка и привлечь таким способом новых посетителей. Для самих же посетителей "Арт-Клуб" - это некое ностальгическое подобие какого-нибудь Центрального Дома Актера (писателя, архитектора, композитора и т.д.), когда так славно можно было посидеть в своем элитном кругу в недоступном для прочих граждан клубном ресторане и убедиться в собственной социальной значимости на каком-нибудь закрытом кинопросмотре.

В "Вечерней Одессе" собралось человек под триста: сплошь русские и сплошь люди, имеющие отношение к искусству. Многие знакомы друг с другом с незапамятных времен. Среди гостей знаменитая актриса Наталья Касат-

кина, героиня соцтруда, игравшая в былые годы роли от важных партизанок и коммунисток. В Америке она находится как член официальной российской делегации. В советское время встреча с эмигрантами, слывшими предателями Родины, считалась для фигур подобного уровня чуть ли не преступлением. Сегодня - иначе. "Хоть мы и живем по разные стороны океана, но все мы - дети России, связанные с нею одной пуповиной", патетически говорит Касаткина в своем тосте. Зал взрывается аплодисментами. Тон Касаткиной одновременно и заискивающий, и покровительственный. С одной стороны, ее театр в Москве влачит жалкое существование. С другой стороны, она все-таки чувствует себя представительницей сверхдержавы.

Трудно поверить, что все это происходит не в Москве, а на другом полушарии. Наверное, точно так же проходили вечера эмиграции в Париже или Берлине вскоре после большевистской революции, когда почти вся интеллигенция бежала из России. Однако нынешнее время не имеет аналога в русской истории.

Мои соседи по столу: бывшая телережиссерша из Киева и бывший помреж Московского Театра Оперетты. В Америке они живут уже лет двадцать, но все равно сохранили печать советского происхождения. Уже по одному их внешнему виду заметно, что в Америке они достигли немногого и живут весьма скромно. Холеный мужчина напротив меня оказывается бывшим директором крупного московского издательства "Советский художник". Зовут его Марк Черняховский. В Нью-Йорк он приехал четыре года назад.

"Я не мог пожаловаться на свою жизнь в Советском Союзе и в посткоммунистической России", - говорит Черняховский. - "Меня никто не преследовал и не притеснял, я просто не вписался в новую русскую жизнь." Недавно он побывал в Москве и смог снова убедиться: этот город нуворишей и бандитов стал ему совершенно чужим. Зато от Америки он в восторге. "Потому что здесь уважают человека", - говорит он.

В отличие от России, в Америке Черняховский полон идей и планов. Он уже основал свое издательство и даже выпустил две книги: "Как найти в Америке хорошего врача" и "Заложники Кремля" о детях и внуках советских партийных вождей от Сталина до Ельцина. А еще чуть раньше он начал издавать медицинскую газету, хотя рынок русской прессы,

включающий в себя около 80 наименований, и так перенасыщен. Неужели на всю эту печатную продукцию имеется достаточно покупателей?

О да. Примерно 3 миллиона русских живут в Америке, в одном только Нью-Йорке - 500 тысяч. Контингент таков: последние дворяне царских времен и белогвардейцы, перемещенные лица первых послевоенных месяцев, советские евреи семидесятых, но львиную долю составляют, конечно, эмигранты горбачевской и ельцинской эпох. Десятки тысяч находятся в стране с просроченной визой, то есть нелегально.

"По менталитету все это в подавляющем большинстве советские люди, которые никогда не станут настоящими американцами", - говорит Иван Менджеричский, известный советский сценарист, а ныне ведущий нью-йоркского русского телеканала WMNB. - "Многие, особенно старики, очень одиноки, не знают английского и не понимают, что они делают в Америке. Они приехали с детьми или к детям из-за боязни расстаться с ними. Расставание произошло здесь. Дети идут своей дорогой и быстро интегрируются в американское общество. Все эти русские издательства, газеты, телевидение, радио, рестораны и т. д. будут существовать, лишь пока живы эмигранты первого поколения. Через 15 лет от них не останется и следа, разве что в России случится что-нибудь чрезвычайное, что вновь вызовет волну эмиграции."

Скепсис Менджеричского отчасти объясняется его конфликтом с хозяевами телеканала и неопределенностью с работой, а русский интеллигент вообще имеет привычку трактовать личные трудности как следствие глобальных процессов. Между тем большинство русских в Нью-Йорке, этом символе капитализма и предприимчивости, отличается не столько склонностью к рефлексии, сколько наоборот - невероятной активностью.

По словам Ильи Левкова, владельца издательства "Либерти", выпустившего уникальную русскоязычную телефонную книгу "Весь Нью-Йорк", в этом городе имеется 500 русских врачебных практик и клиник, 150 адвокатских контор, 70 ресторанов, 80 турбюро, почти 2000 мелких фирм, таких как автосервис, парикмахерские, ремонтные мастерские, химчистки и т. д. Фирмы с миллионным оборотом, принадлежащие русским, также не редкость. Впрочем, называть их русскими уже нельзя: крупный бизнес по природе своей не может иметь этнической идентификации. В крупных компаниях и капитал смешанный, и национальная принадлежность сотрудников не имеет большого значения.

Как утверждает Левков, безработица среди русских в Америке равна нулю. Не в последнюю очередь благодаря нынешнему подъему в экономике. Крупнейшая в Америке телефонная компания AT&T считает русских своими лучшими клиентами, ибо они пользуются телефоном больше любой другой этнической группы (на втором месте, кстати, идут поляки).

В отличие от Берлина, где сто тысяч наших русских ведут неприметное существование на периферии, а то и вовсе вне немецкого общества, не пользуясь особой его симпатией, русские в Нью-Йорке заявляют о себе как о community, т.е. общине. В конце концов они в Америке не эмигранты, а *иммигранты*, и потому ничем не отличаются от переселившихся сюда итальянцев, немцев или китайцев.

В Манхэттене русских встречаешь буквально на каждом шагу. С удивлением обнаруживаешь русских и среди дорожных рабочих, кладущих асфальт, и среди так называемых "сэндвичмэн", то есть живых рекламных щитов, и среди продавцов в "Мэйсис" или "Блумендейле", не говоря уж о толпах туристов из России. В Бруклине русскими заселены целые кварталы. Брайтон Бич, район Бруклина на Атлантическом побережье, где еще 20 лет назад жили главным

образом негры и выходцы из Латинской Америки, вообще стал русской территорией. Обратиться тут к незнакомому прохожему по-русски так же естественно, как и в Москве. И, как в Москве, здесь выступают русские эстрадные и театральные звезды. Поездки в Америку стали для них таким же обычным делом, как гастроль по российской провинции.

Для русско-еврейского обывателя, живущего по незамысловатому принципу "делать бабки и получать кайф от жизни" Брайтон Бич - суший рай. Точнее говоря, мир, возникший из его мечты и застарелой психической травмы. Все то, что 70 лет запрещалось или было недоступно советскому народу вообще и евреям в частности - деликатесы, доллары, модная одежда, блатная музыка, безделье, эротика, гешефтмахерство и прочий "цимес" - именно это и составляет стиль жизни в Брайтон Бич, его неповторимую атмосферу.

Парадокс однако заключается в том, что в самой России исповедуются те же самые ценности, причем с той русской безудержностью, перед которой меркнет всякий Брайтон Бич. Неудивительно, что иной эмигрант задается вопросом, а правильно ли он сделал, эмигрировав из России.

"Я сейчас не вижу смысла для людей из бывшего Советского Союза переезжать в Америку. Эмиграция имеет смысл для стариков, которые могут здесь рассчитывать на социальную помощь и лучшее медицинское обслуживание, чтобы прожить лишний год-другой. Также она имеет смысл для высококвалифицированных специалистов, либо вовсе не имеющих в России работы, либо получающих гроши. В Америке у них прекрасные перспективы", - говорит Борис, эмигрант лет сорока, с которым я познакомился в одном из кафе на Брайтон-Бич. Он живет в Нью-Йорке 10 лет и, по его словам, разбогател на экспорте-импорте, однако от Америки он не в восторге. Большую часть времени он проводит в Москве. "Огромный, динамичный город с захватывающей культурной, экономической и политической жизнью, чудесные люди, фантастические женщины", - мечтательно говорит Борис. "Кем вы себя больше ощущаете - русским, американцем или все же евреем-эмигрантом?" спрашиваю я его. Борис морщит лоб, потом отвечает: "Я не могу чувствовать себя русским, потому что я еврей. Евреем я себя чувствовать не могу, потому что американские евреи, особенно хасиды, считают нас гоями, так как мы не религиозны. Хоть у меня и американское гражданство, но время от времени мне приходится выслушивать вопрос "Where are you from?"

Нью-Йорк, тысячекратно воспетый великий пламенный котел, в котором из сотен наций выплавляется одна - американская. Однако на практике сама эта плавка отнюдь не столь радостна и безболезненна, как это может показаться со стороны. Газета "Новое русское слово" сообщает об инциденте в Квинсе: на доме некоего Баруха Чулпаева, еврея из Узбекистана, торгующего кофе на одной из улиц Манхэттена, кто-то нарисовал свастику. Как потом выяснилось, это сделали соседские дети, которые терроризировали его сына, били и отнимали у него деньги. "Вряд ли детьми двигала неприязнь к Саше Чулпаеву как к русскому или вообще иностранцу, потому что он родился в Америке и рос чистейшим американцем. Скорее всего дело объясняется обычновенным антисемитизмом", - полагает газета.

Воспоминание о своем тяжелом нью-йоркском детстве послужило сюжетом для пьесы 25-летней сценаристки Софьи Мурашковой под несколько претенциозным названием "Любовь в глазах надежды умирает последней". Спектакль идет в театре "Ла Мама" в Гринвич Вилледже. Местность эта на удивление схожа с берлинскими районами Пренцлауэр Бергом или Митте, да и сам театрик выглядит

почти так же, как одна из студий в Hackesche Höfe: крохотный простенький зал человек на семьдесят, декорации заменяют несколько старых стульев, с помощью которых можно изобразить хоть всю Вселенную. Однако тот факт, что постановка эта идет не где-нибудь, а в Нью-Йорке, придает пьесе особую значимость, да и в актерах видишь невольно звезд с голливудским не то прошлым, не то будущим.

Фабулу пьесы понять трудно: она перегружена аллегориями, длинными и довольно запутанными монологами. Но тема постановки лежит на поверхности: речь идет о страданиях, одиночестве и горькой нужде незащитного ранимого ребенка.

"Я никогда не была ни настоящей русской, ни настоящей американкой", - говорит по-русски с легким американским акцентом Софья Мурашковская. - "Когда мы в 1979 году эмигрировали из Москвы в Нью-Йорк, мне было всего 6 лет. Это было время холодной войны, и дети, как белые, так и черные, кричали мне вслед: 'Убирайся в свою Россию, русская свинья!' Я не говорила по-английски и была совершенно одинока. Мои родители долго были безработными, банка кока-колы была для меня роскошью. Уже в семь лет я начала писать, литература стала моим главным другом и утешением."

По иронии судьбы сегодня родители Софьи опять живут в Москве. Точнее говоря, там они зарабатывают деньги, причем очень хорошие. Ее отец - консультант большой американской фирмы, осваивающей русский рынок, мать - руководитель частной еврейской школы менеджеров. Три года назад Софья побывала у родителей в Москве, с тех пор больше там она не была. Ее впечатления от бывшей родины? "Американцы более улыбки, зато русские более сердечны", - говорит она. А кем она сама себя считает? "Американской еврейкой", - отвечает Софья, пожимая плечами, и это звучит как синоним неприкаянности. А может быть, наоборот - как синоним новой для нее идентичности, которой смело можно гордиться.

Пьесу Мурашковской сопровождает очень красивая и такая-то очень русская музыка: то вальс, то романс, то нечто современно-симфоническое, заставляющее вспомнить Шостаковича или Прокофьева. Музыка и в самом деле написана русским композитором - Александром Журбиным, который с 1990 года живет в Нью-Йорке.

До своего отъезда Журбин, автор многочисленных опер, песен, музыки к фильмам и спектаклям, был одним из наиболее известных и часто исполняемых советских композиторов. Когда один американский продюсер решил поставить его мюзикл по роману Бабеля "Закат" в одном из бродвейских театров, перед Журбиным открылись совершенно фантастические перспективы. Казалось, что мировой успех уже в кармане. Тем более что такие гиганты, как Эндрю Ллойд Вебер и Леонард Бернстайн были в восторге от музыки Журбина. Однако постановка под названием "How it was done in Odessa" не произвела сенсации, хоть и была тепло принята зрителями. Именно та публика, на которую Журбин возлагал самые большие надежды, а именно нью-йоркские евреи, совершенно не отреагировала на его произведение.

"Только много позже я понял, в чем тут дело", - говорит Журбин. - "Когда я приехал в Нью-Йорк, я думал: теперь я всем вам покажу, что такое настоящая еврейская музыка и настоящий еврейский дух, как-никак российскому еврейству 600 лет. В действительности же мы в Советском Союзе имели лишь слабое представление о еврействе, так как еврейская традиция была у нас практически уничтожена. В Америке же, особенно в Нью-Йорке, она никогда не прерывалась, более того, она постоянно обогащалась, вбирая в себя самые разнообразные оттенки еврейства со всего мира."

Сегодня Журбин руководит основанным им театром "Блуждающие звезды", в котором заняты преимущественно эмигранты, актеры из бывшего Советского Союза. Но все чаще он ездит в Россию. От Москвы до Сибири он выступает с сольными концертами перед переполненными залами и даже возобновил работу с различными театрами и киностудиями - так же, как и многие другие известные русские деятели искусства, которые вернулись в Россию с иностранными паспортами или видами на жительство других государств. На родине их искусство имеет несравнимо больший резонанс, чем за границей. Тем более что гонорары, выплачиваемые в России, стали весьма привлекательны.

"То, что музыка является международным языком - это полная ерунда", - говорит Журбин. - "У каждого народа своя музыка, даже в США она различается от региона к региону. Американская музыка, использующая блюз, джаз, кантри и прочие стили, не имеет ничего общего с русской. Поэтому у русских композиторов, при всех их голливудско-бродвейских амбициях, изначально нет никаких шансов."

Тем не менее Журбин продолжает жить в Нью-Йорке - по тем же соображениям, что и 500 000 остальных его земляков. В каком-то смысле все они пребывают в подвешенном состоянии. Это сказывается не столько в их практической жизни, сколько в самоощущении. Они не чувствуют себя ни политическими эмигрантами, ни экономическими беженцами, ни американцами, ни русскими, ни евреями - кем же тогда? И что же, кроме языка, их объединяет?

Но как раз в языке-то все и заключено. "Советская империя исчезла с карты мира, но осталась как империя русского языка", - говорит культуролог Соломон Волков, тот самый, что в свое время опубликовал на Западе тайные мемуары Шостаковича. - "Это примерно та же история, что и с распадом британской или французской империй. Хоть я, русский нью-йоркец, и пишу по-русски, но по менталитету я уже не имею ничего общего с русскими, живущими где-нибудь в Москве, Тель-Авиве, Берлине или Риге. В этих метрополиях они образуют свои суверенные ветви русской культуры, как и мы здесь в Нью-Йорке. И нам есть чем гордиться. Величайший русский поэт современности Иосиф Бродский, самый популярный на сегодня русский писатель Сергей Довлатов, известные во всем мире художники Комар и Меламед, легендарный танцовщик Михаил Барышников - что было бы их творчество без Нью-Йорка!"

Александр Журбин идет в своих рассуждениях еще дальше и называет вещи свои именами: "Следует объективно признать, что мы, русские эмигранты, есть особое культурное явление. У нас советское воспитание, русская душа и еврейский менталитет, не имеющий однако никакого отношения к иудаизму. Мы должны открыто признаться в этом, а не стыдиться этого: так уж распорядилась жизнь. Это относится почти ко всем русским эмигрантам независимо от того, где они проживают - в Америке ли, Германии, Израиле или Австралии."

Русские эмигранты - а их миллионы - не имеют однозначной идентичности, именно по этой причине они и разобщены, считает Журбин. Какая-нибудь организация, например, некий Всемирный конгресс русских за границей со штаб-квартирой в Нью-Йорке, мог бы объединить их на основе общей культуры. Некоторые русские из числа известных деятелей искусства и крупных предпринимателей, по словам Журбина, проявили интерес к такой организации.

Идея Журбина кажется весьма утопичной и все же не настолько уж неосуществимой. В конце концов в Нью-Йорке, этом городе неограниченных возможностей, и невозможное становится возможным.

Ефим Эткинг

Две еврейские судьбы

Читая дневники Виктора Клемперера

Виктор Клемперер¹ был одним из моих учителей; его "История французской литературы от Наполеона до современности", которая появилась в середине 20-х годов, была для меня, занимавшегося этой наукой в Ленинградском университете под руководством А. А. Смирнова, С. С. Мочкульского, В. М. Жирмунского, Б. Г. Реизова, настольной книгой еще в студенческие годы. После войны я увлекся его исследованием "LTI" (Lingua tertii imperii - Язык третьей империи) - он собрал и подверг анализу языково-стилистические особенности нацистской эпохи. Книга, вышедшая в Берлине в 1947-1949 годах, снабжена подзаголовком: "Записная книжка филолога"; она открывается предисловием, озаглавленным "Героизм". Слово "героизм" было важнейшим в нацистской прессе (равно как определение "боевой" - "kämpferisch"); оно употреблялось фальшиво. "Героизм" - по мнению Клемперера - существует, но - иначе: "... он тем чище и значительнее, чем он тише, чем он менее декоративен." Да, в гитлеровские годы героизм был, но в лагере противоположном, в среде антифашистов: "Не прославленная смерть на "поле чести", а, в лучшем случае, смерть на гильотине." (I, 12).

Клемперер с восхищением говорит о немногочисленных "арийских женах", сохранявших преданность мужьям-евреям. Они подвергались унижениям и избиениям, им плевали в лицо, их оскорбляли площадной бранью гестаповцы, но они не отрекались от мужей и, поддерживая их, разделяли страшную судьбу еврейского народа. Добавлю: столь же подлинно героической была жизнь самого профессора Клемперера: он вел постоянный дневник - записывая каждый день, редко пропуская день-другой, но не более недели. Обыски у евреев были все чаще, опасность росла постоянно, а он, понимая грозившую ему гибель, исполнял долг перед самим собой и историей.

Запись от 8 февраля 1942 года: "Всегда та же смена чувств - вверх и вниз. Страх, что мое писание обречет меня на концлагерь. Чувство долга: писать - это моя жизненная задача, мое призвание. Ощущение vanitas vanitatum (суеты сует), никчемности моего писания. В конце концов, пишу все же дальше и дневник, и Curriculum (автобиографию)." В записи за тот же день - подробности вчерашнего обыска у соседей; к ним явилась бригада гестапо - восемь молодчиков: "...оскорбления, пинки, удары, госпожа Нойман получила пять затрещин... Утащили, что попало: свечи, мыло, чемодан, книги, полфунта варенья (законно купленного по карточкам), писчая бумага, всякого рода табак, воинские ордена ("Тебе они уже не пригодятся!")... "Чего это вы все так долго живете?... Повесились бы... А то вот газ откройте на кухне!..." (II, 19-20).

В мае пришли к Клемперерам и все перерыли. Однако - повезло: не сняли с полки греческий словарь, где хранились страницы дневника. "Если бы из словаря выпал листочек и возбудил их подозрение, это было бы моей несомненной гибелью. Ведь они убивают и за куда меньшие провинности. (...) Но я пишу дальше. Это - мой героизм. Хочу сохранить свидетельство - отчетливое свидетельство". (II, 99). "Дневник постараюсь вести дальше. Хочу свидетельствовать обо всем - до самого конца" (II, 124). Впрочем, такие записи редки. Профессор Клемперер исполняет свой долг, не рассуждая и не колеблясь - в одиночестве, стиснув зубы, молча. Знает о дневнике только Ева, его "арийская жена", которая сознает, что обнаружение этой рукописи грозит гибелью им обоим. Знает и, сколько может, помогает мужу.

Дневник за 1933-1945 годы вышел в свет в 1995 году, к пятидесятилетию конца войны; это два гигантских тома, около 1800 страниц. Почему записи Клемперера не были опубликованы раньше? Прочесть их было, конечно, трудно - мельчайший шрифт, намеренно неразборчивый почерк. Причины были и другие, более серьезные. В. Клемперер выявляет глубокое сходство между гитлеровским нацизмом и сталинским коммунизмом: "Мне оба они отвратительны, я вижу их тесное родство (...) но расовая идея национал-социализма кажется мне более звериной (в буквальном смысле этого слова)", (I, 299) - так записал Клемперер еще в августе 1936 года, когда мало кто понимал близость этих тоталитарных режимов. Пять лет спустя, в мае 1941 года, он заметит: "У нас теперь чистейший коммунизм. Но коммунизм убивает честнее" (I, 594). Таких высказываний в дневнике множество, можно ли было их публиковать в условиях ГДР? Да и сам Клемперер, вероятно, не хотел; после двенадцати лет нацистских унижений он натерпелся горя и в "социалистической" Германии. Вот краткое изложение его послевоенной судьбы.

13 февраля 1945 года британская авиация разбомбила и сожгла Дрезден, где Клемпереры жили в "еврейском доме" - многоквартирном здании-общежитии, куда согнали уцелевших евреев; дом этот сгорел. Клемперер, раненный осколком зажигательной бомбы, сквозь пламя добрался до Эльбы - там он нашел пропавшую жену - она искала его среди трупов... После долгих странствий Клемпереры добрались до Баварии; в деревушке Унтербернбах они дождались прихода американских войск. В июне вернулись, наконец, в Дрезден. Профессор был полон надежд, собирался строить новую Германию. Это оказалось нелегко: надо было сперва доказать оккупационным властям, что они не агенты, а жертвы фашизма. Можно ли было убедить в этом бдительно-свирепых советских особистов? Почему Клемперер не был в

Коротко об авторе

Ефим Эткинд - литературовед и поэт-переводчик, действительный член Академии Гуманитарных наук России, член-корреспондент трёх немецких академий: Академии литературы и языка (Дармштадт), Академии наук и литературы (Майнц), Баварской Академии изящных искусств (Мюнхен). В 1986 г. избран кавалером Золотой Пальмовой ветви Франции - за заслуги в области французского просвещения, автор книг "Поэзия и перевод", "Разговор о стихах", "Бертольд Брехт. Жизнь и творчество", "Записки незаговорщика", "Там внутри. . ." (Статьи о русской поэзии 20-го века) и многих других.

фото Б. Антипова

концлагере, почему уцелел? В университете хозяйничали те же, кто в свое время способствовал изгнанию профессора-еврея. Бороться против них можно было, только заручившись поддержкой нового хозяина: коммунистической партии. В ноября 1945 года Клемперер решился вступить в ее ряды: "Она одна по-настоящему настаивает на радикальном очищении от нацистов. Однако, на место прежней несвободы сулит новую!" (20 ноября 1945).

Клемперер был тяжело болен, сердце сдавало, старость все более сказывалась на его силах; в 1951 году умерла Ева. Но он развивает неустанную деятельность: профессор университетов Дрездена (1945-1947), Грейфсвальда (1947-1948), Халле (1948-1960), Берлина (1951-1954), действительный член Берлинской Академии Наук. Выходят тома его сочинений, в их числе "LTI" (1947 и 1949), "История французской литературы XVIII века", избранные статьи: "До 33 / после 45". Умер он в Дрездене, достигнув почти 80 лет, - на последние пятнадцать возродившись к деятельности воспитателя новых поколений, преподавателя, исследователя литературы, организатора науки.

После всего, что мы знаем о страданиях, выпавших на его долю в нацистскую пору, особенно в последние ее годы, такая активность кажется неправдоподобной. Виктора Клемперера одушевляла преданность литературе - французской и немецкой, любовь к родной культуре, которую надо было вернуть к жизни после двенадцати лет варварской тирании, сознание долга перед послевоенной Германией. Он делал, сколько мог и что мог, сознавая, что "на место прежней несвободы" пришла новая, и что пора написать новую книгу - "LQI" - Lingua Quatrii Imperii (Язык четвертой империи). Он знал: она будет не мягче предыдущей.

Однако, первой своей задачей Клемперер полагал - преодоление чудовищных последствий фашизма. "Если представить себе затемнение как символ, - говорил он уже в 1946 году, когда открывал Дрезденский народный университет, - затемнение не окон, а голов, то позади у нас не шесть лет затемнения, а целых двенадцать. Едва ли в нашей стране есть теперь более нужный человек, нежели школьный учитель, и для каждого из нас, на какой бы кафедре он ни стоял, не может быть ничего важнее, чем одолеть затемнение, чем впустить ясный дневной свет, чем Просвещение"².

Виктор Клемперер, историк литературы и культуролог, пришел к выводу, что идеология национал-социализма представляет собой искаженное развитие идей немецких романтиков: "Любовь к природе, мечта о слиянии с нею превратилась в учение о духовной несвободе: человек оказывается привязанным к своей крови и своей почве, как животное (...). Любовь к родине становится высокомерным национа-

лизмом, призыв "назад к природе" превращается в призыв "Назад к хищному зверю", а обожествление инстинкта - в презрение к разуму." Все эти романтические понятия долго служили для интеллектуальной забавы, для игры, но вдруг стали путающей реальностью. "И пренебрежение мыслью, подавление ее, систематическое оглушение народа становится целью пропаганды, которая постоянно оперирует предельно вульгаризованными идеями немецкого романтизма. Нет никаких сомнений, что извращенный романтизм, что прежде всего романтическое учение о доминировании чувства представляют собой подоснову национал-социализма."³

Анализ Клемперера верен: *извращенный романтизм* привел - страшно подумать, страшно сказать - к Освенциму. В России тоталитарный строй оказался похож на германский, но его подоснова другая; это, скорее, *извращенный рационализм*. В. Клемперер избрал своим образцом "Энциклопедию, библию Просвещения, словарь сухих рационалистов, вызывавший отвращение Жан-Жака. (...) В течение двенадцати лет немецкому народу закрывали доступ к мысли - мысль искажали, извращали, затуманивали, изгоняли (verleitet, verketzert, vernebelt, ausgetrieben); двенадцать лет держали народ в одурманенном состоянии; не было ни одной школы и ни одного университета, ни одной книги и ни одной газеты, которые бы не участвовали в достижении этой главной задачи Третьего рейха: оглушение народа."⁴ Именно поэтому В. Клемперер с радостью согласился возглавить Дрезденский народный университет (Volkshochschule); только так он мог бороться против того, что он называл - "затемнением". В России наших девятидесятых годов идеал великой Энциклопедии Дидро-Даламбера оказался немыслим. Ведь многие считают, что к преступлениям сталинской эпохи привели именно доведенные до предела идеи "сухого рационализма", именно безбожно-иронический материализм тех же энциклопедистов. Библией новой эпохи утверждает себя не Энциклопедия, как о том мечтал Клемперер, а - Библия.

Дневник Виктора Клемперера - записи его за двенадцать лет нацизма - я читал неотрывно, испытывая трудно определимые чувства. Попытаюсь в них разобраться.

Много лет я был связан с немецким языком, германской литературой и культурой. В годы войны, занимаясь "пропагандой среди войск противника", сочиняя листовки, издавая газету для немецких войск, я беседовал с сотнями пленных солдат, офицеров, иногда генералов, и всегда старался понять, как это произошло - откуда в народе, создавшем поэзию Гете, Шиллера, Эйхендорфа и Рильке, музыку Бетховена, Баха и Шуберта, философию Шеллинга и Гегеля, родились тупая покорность начальству, узколобо-фанати-

ческий национализм, обожание истерического фюрера, звериная ненависть к инородцам, невообразимая жестокость? ("Хермина Брауншнейдер была хуже всех. Она участвовала в "детской операции" 1943 года. Многие свидетели рассказали ужасающие подробности. Как старшая надзирательница Эльза Эрих конфетами завлекала детей на грузовики, предназначенные для газовой камеры. Как других детей кидали в уже полные кузова, словно тюки с бельем..." - из протокола процесса Майданека, 212 день, 8 декабря 1977).⁵

Задавать такой вопрос себе и другим через полвека - немудрено, даже банально. Но куда мне от него деться? Переводя стихи Гельдерлина и Брехта, я думал об этих "тюках с бельем" и о той немке, которая в Майданеке кидала их в кузов грузовой машины. Пятьдесят лет я хотел понять и не мог. Теперь, читая беглые записи Виктора Клемперера, я начал осознавать - впервые в жизни.

Виктор Клемперер рано увидел (хотя и гораздо позже сформулировал) связь "голубого цветка" с философией "крови и почвы", мистики немецкого романтизма с "мифом XX века". Теоретически он осмыслит *романтический генезис нацизма* позднее, в 1946 году. Его дневник позволяет проследить за ходом его мысли, уловить рождение его концепций. Дневник - это ход жизни. Это не литература, то есть не изящная словесность, а само течение жизни, ничем не приукрашенное, никак не искаженное, обычно даже не подвергнутое осуждению или одобрению, а просто - сообщенное.

За те недели, которые я употребил на чтение дневников Клемперера, я прожил рядом с ним, вместе с ним, рядом с его женой Евой и его друзьями все двенадцать лет нацизма - час за часом. Вместе с ним я строил домик в Дельцишене близ Дрездена, потом лишился этого домика, переехал в коммунальный "еврейский дом", ходил, задыхаясь от болезни сердца, покупать по продкарточке провизию - от трех до четырех, когда еврею с желтой звездой на лацкане было разрешено выходить на улицу и что-то покупать; вместе с ним прислушивался к шагам на лестнице и прятал странички дневника в греческий словарь; вместе с ним ловил сочувственный взгляд прохожего "арийца" или содрогался, когда другой бросал с презрением и ненавистью: "Ты еще не сдох, жид проклятый? Повесился бы вон на том суку..."

Быть вместе и рядом с ним мне было пугающе легко, потому что он, принадлежавший к другому поколению (на сорок лет старше), казался мне мною - раньше во времени, западнее в пространстве. Делал я то же, что он: преподавал в университете французскую литературу. Когда начались его горести, когда национал-социалисты изгнали его с кафедры, он вел семинар по драматургии Корнеля. Когда меня, сорок лет спустя, изгнали из Педагогического Института имени Герцена, я вел семинар по драматургии Виктора Гюго. Клемперер профессорствовал не в Берлине, а в Дрездене - интеллектуальном и художественном центре Германии, городе "Цвингера" - дрезденской галереи живописи. Я тоже был профессором французской литературы не в Москве, а в российском Дрездене - в Ленинграде - такой же "провинциальной столице", городе прославленного во всем мире Эрмитажа, соперника Цвингера. Да и в остальном многое похоже: его в Германии, меня в Советской России преследовали, травили, изгоняли за еврейство. Разница в том, что его называли евреем, жидом, заставляли носить желтую звезду на рукаве, вешать над звонком в квартиру тот же "моген-довид"; я никогда ни от кого слова "еврей" не слышал - оно заменялось разными синонимами, вроде "космополит", "сионист", "беспачпортный бродяга", "антипатриот". Все это значило: жид.

Клемперер был протестантом по официальным бумагам, атеистом по убеждениям; я - агностиком, очень далеким от всякого сионизма; это никого не интересовало. Для нацис-

Zwei jüdische Schicksale

(Beim Lesen von Victor Klemperers Tagebüchern)

von Efim Etkind

*Victor Klemperer. *Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933 - 1945.*

Aufbau Verlag, Berlin 1995. Band I, 928 S. Band II, 763 S. Anmerkungen im Text.

Victor Klemperer ist einer meiner Lehrer gewesen; seine "Geschichte der französischen Literatur vom ersten Kaiserreich bis zur Gegenwart", die Mitte der zwanziger Jahre erschienen ist, war für mich, der sich mit dieser Disziplin an der Leningrader Universität unter Leitung von A. Smimow, S. Motschkulski, W. Shirmunski und B. Reimow beschäftigte, ein Handbuch schon während meiner Studienjahre. Nach dem Krieg war ich von seiner Untersuchung "LTI" (Lingua Tertii Imperii - Die Sprache des Dritten Reiches) begeistert, in der er die sprachlichen und stilistischen Besonderheiten der Naziepoche gesammelt und einer Analyse unterzogen hat. (...)

Victor Klemperer, Literaturgeschichtler und Kulturwissenschaftler, kam zu dem Schluß, daß die Ideologie des Nationalsozialismus eine entstellte Fortentwicklung der Ideen der deutschen Romantiker sei. (...) Die Analyse Klemperers ist richtig: die *pervertierte Romantik* führte - es ist schrecklich, das zu denken, schrecklich, es zu sagen - nach Auschwitz. In Rußland war das totalitäre System dem deutschen ähnlich, doch seine Grundlage war eine andere: das war eher ein *pervertierter Rationalismus*. (...)

Das Tagebuch Victor Klemperers - seine Aufzeichnungen während der zwölf Jahre Nazismus - las ich in einem Zug und machte dabei schwer zu bestimmende Gefühle durch. Ich werde versuchen, mich in ihnen zurechtzufinden.

Viele Jahre bin ich der deutschen Sprache, der deutschen Literatur und Kultur verbunden gewesen. In den Kriegsjahren, als ich mich mit "Propaganda unter der Armee des Gegners" befaßte, Flugblätter verfaßte und eine Zeitung für die deutsche Armee herausgab, sprach ich mit Hunderten gefangener Soldaten, Offiziere, manchmal Generäle, und immer versuchte ich zu verstehen, wie so etwas passieren konnte, woher in einem Volk, das Goethe, Schiller, Eichendorff und Rilke, die Musik Beethovens, Bachs und Schuberts, die Philosophie Hegels und Schellings hervorgebracht hat, der stumpfsinnige Gehorsam der Führung gegenüber, der engstirnig-fanatistische Nationalismus, die Vergötterung des hysterischen Führers, der bestialische Haß gegen Fremde, die unvorstellbare Grausamkeit habe entstehen können. (...) Fünfzig Jahre lang habe ich versucht es zu verstehen und konnte es nicht. (...)

Er in Deutschland, ich in Sowjetrußland haben etwas Analoges erlebt - mit einem Abstand von vierzig Jahren. Uns hat man aus der Universität gejagt und uns die Studenten weggenommen; unsere Büch-

тов и коммунистов мы оба были евреями - по крови, по фамилии, по прирожденной чуждости.

Добавлю к сказанному: Виктор Клемперер был участником Первой мировой войны - он пошел на нее добровольцем в 1915 году. Его советский ученик и коллега тоже пошел добровольцем в армию - во Вторую мировую войну, в 1942. Мы оба удостоились воинских наград, которые позднее, когда нас топтали и гнали как интеллигентов и евреев, вызывали у власть имущих только издевательские насмешки.

Были, конечно, различия, и немалые. Клемперер, никогда

er hat man aus den Bibliotheken herausgenommen und nach Sonderverordnungen der Regierung verboten. Selbst die vernichteten Bücher ähnelten sich: seine vierbändige "Geschichte der französischen Literatur" (1925 - 1931), mein zweibändiges "Seminar zur französischen Stilistik" (1960 - 1961) - in beiden Fällen sticht die Absurdität, ja die Komik des "politischen Verbots" der Bücher ins Auge, die der klassischen französischen Literatur und Stilistik gewidmet gewesen sind. Im übrigen ist man in Rußland im bekannten Sinne noch weiter den Weg dieser absurden Komik gegangen: Der Wissenschaftsrat des Instituts, der einige skandalös-feierliche Versammlungen abhielt, entzog mir alle akademischen Grade und Titel (Dr. phil. und Dr. habil., Dozent und Professor), später - nach 20 Jahren - gab mir eben derselbe Rat sie alle wieder zurück (im Jahre 1994). (...)

Wir beide brauchten eineinhalb Jahrzehnte, bis von unseren Namen und unseren Büchern, die in beiden Fällen der Kultur und der Literatur Frankreichs gewidmet waren, das absurde Verbot genommen wurde. Eben darum habe ich das Tagebuch Klemperers mit so einem besonderen Gefühl gelesen; denn es war, als ob ich von neuem mein eigenes Leben durchlebte - der sowjetische Kommunismus war für mich eben das, was für Klemperer der deutsche Nazismus war. Ich wiederhole: wir durchlebten etwas Ähnliches. Die Ereignisse jedoch nahmen eine unterschiedliche Richtung.

Mich hat man dreimal aus Wissenschaft und Literatur hinausgejagt: im Jahre 1949 - als Kosmopolit (das heißt als Jude); im Jahre 1964 - als Literat, der es gewagt hatte, als Zeuge der Verteidigung im Prozeß gegen den Dichter Jossif Brodski aufzutreten (verleumderisch angeklagt des Schmarotzertums); im Jahre 1974 - als einer, der enge Verbindungen zu dem Regimegegner A. Solshenizyn hatte, sowie als Autor eines offenen Briefes, der junge Juden dazu aufrief, nicht auszuwandern, sondern für ihre Freiheit zu Hause zu kämpfen, in Rußland. Zwanzig Jahre ununterbrochene Verfolgung, die verschiedene Formen annahm, doch selten schwächer wurde. (...)

Der Leser, der sich mit diesen beiden "jüdischen Schicksalen" bekannt gemacht hat, die voneinander durch einen Abstand von 40 Jahren getrennt und einander unwahrscheinlich ähnlich sind, könnte zu dem Schluß kommen, daß ich die beiden totalitären Regime gleichsetze. Das wäre ein Irrtum, ich sehe deutlich den Unterschied zwischen ihnen - in bezug auf die "Judenfrage". Die Bewertung dieses Unterschieds behalte ich mir für einen anderen Artikel vor. Hier werde ich nur flüchtig von ihm sprechen. (...)

Der Hauptunterschied zwischen Nazideutschland und Sowjetrußland in bezug auf die Juden besteht in dem massenhaften terroristischen Antisemitismus der Deutschen und demjenigen von Partei und Regierung in Rußland, der nur schwach von unten unterstützt wurde. Dieser Unterschied hatte auch Einfluß auf die zwei "jüdischen Schicksale", von denen idieser Skizze erzählt worden ist.

(gekürzte Fassung des russischen Textes)

в России не бывавший, о них догадывался. В записи от 14 августа 1942 года он рассказывает о жестокости, с которой евреев перевозят в лагерь Терезиенштадт: "Не обращают ни малейшего внимания на возраст, на полную парализованность, на боли. И вот, что мне представляется гораздо более отвратительным, чем аналогичное у русских: ничего в этом нет спонтанного, все методично организовано и упорядочено, это - "окультуренная" жестокость; все происходит лицемерно, во имя культуры, лживо. Просто так у нас не убивают" (II, 206). Три дня спустя, 17 августа, эта мысль развита:

"...Мне становится все яснее, что в своей основе национал-социализм - растение немецкое (ein deutsches Gewächs), сколько бы он ни вбирал в себя чужого (...) Национал-социализм усваивает фашизм, большевизм, американизм, перерабатывая все это в германской романтике. "Les extremes se touchent" (противоположности сходятся). Народ мечтателей и педантов, заплутавшейся, доведенной до абсурда последовательности (der verschwiegene Überkonsequenz), туманности и точнейшей организации. Все у нас организовано - и жестокость, и убийства. Вместо спонтанного антисемитизма тут создают "Институт еврейской проблематики". При этом (les extremes) всякий интеллектуализм отвергается как еврейский и плоский. Немцу свойственны чувства и глубина." (II, 209-210).

Он в Германии, я - в Советской России пережили нечто аналогичное - с интервалом в сорок лет. Нас изгнали из университета и лишили студентов; наши книги изъяли из библиотек и запретили специальным правительственным распоряжением. Даже уничтоженные книги похожи: его четырехтомная "История французской литературы" (1925-1931), мой двухтомный "Семинарий по французской стилистике" (1960-1961) - в обоих случаях бросается в глаза абсурдность, даже комизм "политического запрета" книг, посвященных классической французской литературе и стилистике. Впрочем, в России в известном смысле пошли дальше по пути этого комического абсурда: Ученый Совет института, проведя несколько скандально-торжественных заседаний, публично лишил меня всех академических степеней и званий (кандидата и доктора наук, доцента и профессора), позднее - спустя 20 лет - тот же Совет их восстановил (в 1994 году).

С В. Клемперером такого не делали - может быть, в германском университете понимали зловещий комизм подобных действий? С другой стороны, лишить университетских степеней в Германии, даже гитлеровской, можно было только в случае доказанного плагиата - у нас на это дело смотрели проще; научное звание - академика - сохранялось только за А. Д. Сахаровым, да и то против воли партийных инстанций. Однако, скорее всего, причина была другая. Нацисты прямо формулировали закон (кровавый, идиотский, но - закон), запрещавший евреям преподавать. В Советской России такого закона быть не могло - он противоречил бы официально принятому в коммунистической идеологии интернационализму. Значит, надо было заменить закон системой политических перифраз, означавших в конце концов то же самое: "Евреям в университете не место". Профессор-германист Анатолий Домашнев на упомянутом заседании произнес речь, в которой утверждал, что Эткинд - "антисоветский ренегат, двурушник... Он не эмигрировал в Израиль, он действовал более тонко. Для таких, как Эткинд, не место в советском преподавательском коллективе. Он должен быть уволен из Института и лишен академических званий и степеней, которые он в нашем институте получил." (Заседание Ученого Совета ЛГПИ им. Герцена 25 апреля 1974 г.). Так же говорили и другие выступавшие профессора: антисоветчик, двурушник, ренегат, иногда - сионист. Все это вместо того, чтобы сказать - еврей. За пятнадцать лет до того меня изгоняли, называя иначе: космополитом (1949). Это тоже значило: еврей.

То, что в основе наших преследований, обеих наших "гражданских казней" - лежало еврейство каждого из нас - было ясно. Попутно замечу: как моего немецкого предшественника, так и меня в трудные минуты поддержали, даже спасли от гибели "арийские жены"; его - Ева Шлеммер (жена Клемперера в течение 45 лет, 1906-1951), меня - Екатерина Федоровна Зворыкина (моя жена в течение 46 лет, 1940-1986).

Он оказался моральным победителем режима через двенадцать лет, я, его советский ученик, наследник, коллега - через пятнадцать. Нам обоим понадобилось полтора десятилетия, чтобы с наших имен и наших книг, посвященных в обоих случаях культуре и литературе Франции, был снят абсурдный запрет. Вот почему я читал дневник Виктора Клемперера с особым чувством; ведь я как бы заново пережил собственную жизнь - советский коммунизм оказался для меня тем же, чем для Клемперера был немецкий нацизм. Повторю: мы пережили нечто сходное. Однако, события развивались по-разному.

Меня изгоняли из науки и литературы трижды: в 1949 году - как космополита (то есть еврея); в 1964 году - как литератора, посмеявшегося выступить свидетелем защиты в суде над поэтом Иосифом Бродским (облыжно обвиненном в тунеядстве); в 1974 году - как состоявшего в близких отношениях с врагом режима А. Солженицыным, а также как автора открытого письма, призывавшего молодых евреев не уезжать, а бороться за свою свободу дома, в России. Двадцать пять лет непрерывной травли, принимавшей разные формы, но редко ослабевавшей.

Жизнь Виктора Клемперера складывалась иначе - лично к нему у нацистского режима претензий не было; он разделял судьбы народа, к которому принадлежал по крови, потому что по религии Клемперер, как сказано, был протестантом, по мировоззрению атеистом, по самоощущению немцем ("Куда я принадлежу? К "еврейскому народу", - таков декрет Гитлера. (...) А ведь я не что иное, как немец или немецкий европеец" - 5.10.1935, I, 220). Клемперер постоянно возвращается к этой теме. С его точки зрения, того, что принято называть "еврейским вопросом", на свете нет. Одно из обстоятельных размышлений об этом - 10 января 1939 года (после поразивших Европу чудовищных погромов 1938 года, когда были разгромлены витрины "еврейских магазинов", сожжено множество синагог, разрушены "еврейские больницы"), - Клемперер записывает (привожу в сокращении): "Не существует немецкого или западноевропейского еврейского вопроса. Тот, кто его признает, уже тем самым подкрепляет лживый тезис НСДАП и становится помощником этой партии. До 1933 года, и по меньшей мере целое столетие, немецкие евреи были, безусловно, немцами, ничем другим. Доказательство: многие тысячи "полу-", "четверть-евреев", - совершенно бесконфликтное их существование и сотрудничество во многих областях германской жизни. Всегда тлевший антисемитизм вовсе не является доказательством противной точки зрения. Потому что чуждость евреев и "арийцев", трения между ними несравненно слабее чуждости, разделявшей протестантов и католиков или работодателей и наемных рабочих, или, скажем, жителей Восточной Пруссии и Южной Баварии, или Рейнландии и Берлина. Немецкие евреи были частью немецкого народа, как французские - частью французского и т.п. Они заполняли определенное место внутри немецкой жизни и ничуть не были в тягость целому. Это место было меньше всего местом городских или, тем более, сельскохозяйственных рабочих. Они были и остаются (даже если теперь они и сами этого не хотят) немцами, в большинстве своем немецкими интеллектуалами, представителями образованного слоя (...) "Народность" в смысле чистоты крови - понятие зоологическое; понятие, которое давно не соответствует никакой действительности - и уж во всяком случае, меньше, чем старинное, решительное различие между сферами мужчины и женщины." (I, 457).

Клемперер идет еще дальше; он утверждает, что евреи, поддающиеся такой идеологии и поверившие, под ее влиянием, в особую "еврейскую кровь", "позволяют нацистам

отбросить себя назад на тысячелетия" (I, 458). Он говорит и о том, что превратить интеллигентов в крестьян нельзя, что стремиться к этому - противоестественно, что поэтому идея еврейского государства - идея нелепо-реакционная. Не забудем, что антисоциализм Клемперера возник в двадцатые-тридцатые годы; с тех пор утекло немало воды и немало еврейской крови. Однако, мысль о несовместимости исторического прогресса и настоящей демократии с "зоологической идеей" "чистоты крови" не раз доказала свою справедливость - достаточно напомнить об "этнических чистках" в недавней Югославии.

Как же все-таки это случилось, что немцы, читавшие Гете и Теодора Фонтане, стали немцами, поверившими Геббельсу и Штрассеру? Остановлюсь лишь на одной стороне их жизни в тридцатые годы.

Виктор Клемперер был почтенным профессором Дрезденского университета; в 1933 году, когда Гитлер пришел к власти, ему было 53 года. В академических кругах он был известен несколькими книгами: уже названной "Историей французской литературы", "Современной французской прозой" (1923); ярким, новым по мыслям сборником статей "Романское своеобразие" (Romanische Sonderart, 1926); исследованием "Новейшая французская поэзия" (1929), монографией "Пьер Корнель" (1931). Помимо книг - множеством научных статей и бесчисленными рецензиями о литературах Франции, Италии ("Последние мирные месяцы в Италии", 1915), Испании ("Существует ли испанский Ренессанс?", 1927), Германии ("Христиан Моргенштерн и символизм", 1928) и других ("Мировая литература и литература Европы", 1929). В энциклопедии Брокгауза Виктор Клемперер фигурировал в ряду со своим знаменитым братом Георгом, профессором-медиком, и еще более знаменитым кузеном Отто Клемперером, дирижером.

Вскоре после прихода нацистов к власти - в 1933 году - профессора Клемперера приглашает к себе ректор университета и, почти стесняясь, объявляет, что ему (пока что) разрешено вести семинары, но запрещено задавать студентам вопросы и тем более их экзаменовать (мыслимо ли, чтобы еврей экзаменовал арийцев?). Студентов приходит все меньше (им "не рекомендуют учиться у еврея"); под конец их один-два. Так что в мае 1935 года никто не удивляется, когда Клемперера увольняют на раннюю пенсию (в 55 лет). "Сегодня днем я передал ключи от семинара и от всего здания Венглеру. Я стоял перед дверью семинара, ключ был у меня в кармане, но я не хотел сам открывать. Подошел слушатель - знаю его только по виду - он был в Форме штурмовика. С подчеркнутой сердечностью он пожал мне руку, потом позвал из соседнего помещения Венглера" (31 мая 1935/I, 204).

Так В. Клемперер оказался не у дел. В то время публичные экзекуции еще не были приняты. В апреле 1974 года его советского коллегу увольняли с гораздо большим шумом и намеренно театрально: я уже говорил о нескольких заседаниях Ученого Совета Ленинградского Института им. Герцена, на которых выступали один за другим мои недавние собраты, клеймили меня антисоветчиком и сионистом и громкогласно, стараясь перекричать друг друга, восклицали: "Ему здесь не место! Его нельзя подпускать к студентам... Пусть убирается вон!" Однако, так было сорок лет спустя, и не в Дрездене, а в Ленинграде.

Дрезденское же увольнение было подготовлено всего за два года нацизма. Вот несколько дневниковых записей, начиная с марта 1933-го: "Настроение как перед погромом (wie vor einem Pogrom) в глубочайшем средневековье или в глубинах царской России (...) Мы - заложники (...) В сущности,

я испытываю скорее стыд, чем страх. Стыд за Германию. Я ведь и в самом деле всегда ощущал себя немцем. И я всегда воображал, что XX век и центральная Европа - это нечто иное, нежели XIV век и Румыния. Как я ошибся!" (30 марта 1933/1, 15). Я тоже испытывал стыд за Россию. - "скорее стыд, чем страх". Может быть, мой стыд был еще острее: ведь по моему "делу", с требованием "вон!" выступали в институте мои коллеги, в Союзе писателей - собратья по литературе; такие, как критик В. Н. Орлов, поэт М. А. Дудин, прозаик Г. Горышин...

Днем позже, 31 марта, Клемперер записывает: "Сегодня Дрезденское сообщество студентов объявило, что (...) соприкосновение с евреями оскорбительно для чести немецких студентов. Евреям запрещено входить в студенческое общежитие (...). В Мюнхене преподавателей-евреев не пустили в здание университета. Призыв и приказ *Комитета по бойкоту* гласит: "Религия не имеет значения - важна только раса. Если владелец магазина - еврей, а жена - христианка, или наоборот, магазин считается еврейским" - следовательно, он подлежит бойкоту (I, 16). Бойкот осуществляется так: "В субботу красные бумажки над лавками: "Признано немецко-христианским предприятием". Между ними - закрытые магазины, штурмовики с треугольными щитами: "Кто покупает у еврея, способствует иностранному бойкоту и разрушает немецкое хозяйство". Люди потоком шли по Пражской улице и смотрели. Это и было бойкотом! Пока что только в субботу, потом перерыв до среды! За исключением банков. Но включая адвокатов и врачей (...) Сегодня арестованы ректоры Франкфуртского университета и Брауншвейгского Технического училища, руководитель Боннской университетской клиники Канторович, редактор биржевого отдела "Франкфуртской газеты", христианин...

Взрыв наступит, но мы, вероятно, заплатим за него жизнью, мы - евреи. Ужасно постановление дрезденского студенческого сообщества: всту-

пать в отношения с евреями противно чести немецких студентов..." (I, 18).

"Объявление на стене Дома студентов (такие же - во всех университетах): "Если еврей пишет по-немецки, он лжет", он имеет право писать только по-еврейски. Еврейские книги по-немецки должны считаться *переводом* - так должно быть обозначено на титульном листе. Отмечаю только самое мерзкое, только ключья безумия, в которое мы погружены." (25 апреля 1933/1, 24).

Следуют друг за другом запреты и постановления; В. Клемперер отмечает каждое из них.

Ноябрь 1933: еврейским студентам предписаны желтые матрикулы (у немецких - коричневые) (I, 66).

Март 1934: запрет евреям защищать диссертации (I, 98).

Июнь 1934: запрет немцам покупать у евреев ("В Фалькенштейне нельзя покупать у еврея? Фалькенштейнцы едут к еврею в Ауэрбах. А ауэрбахцы покупают у фалькенштейнского еврея. За более основательными покупками ездят из мелких городков в Плауен, где есть большой еврейский магазин. Если люди там встречаются, они не узнают друг друга. Молчаливое согласие.") (I, 110).

Сентябрь 1935: "Нюрнбергские законы - во имя крови и чести". Под страхом тюремного заключения арийцам запрещены браки с евреями и внебрачные сношения с ними. Евреям запрещено нанимать прислугу моложе 45 лет (!)

Апрель 1936: запрет всем чиновникам - иметь дело с евреями по какому бы то ни было поводу.

Октябрь 1936: запрет евреям пользоваться читальными залами всех публичных библиотек.

(В. Клемперер записал 9 октября: "Утром мне в библиотеке осторожно, щадя меня, сообщили, что неарийцы отныне не имеют права пользоваться читальным залом. Мне все будут давать домой или в зал каталога, но насчет читального зала издан официальный запрет.") (I, 34).

Октябрь 1938: запрет евреям снимать номера в гостиницах. Август 1938: закон об

именах: евреи-мужчины обязаны после своего имени добавлять еще одно имя - Израиль. Клемперер отныне будет называться: Виктор-Израиль Клемперер. Еврейки добавляют имя Сара.

Ноябрь 1938: Согласно распоряжению берлинского полицмейстера от 28 ноября евреям запрещен доступ во все театры, кино- и концертные залы, музеи, на выставки, открытые доклады и лекции, спортивные соревнования, катки, в бассейны - общественные и частные (I, 747). Декабрь 1938: Евреям запрещено брать в библиотеке книги на дом. Евреям запрещено иметь водительские права и, следовательно, водить машину.

Сентябрь 1939: запрет выходить из дому после 8 часов вечера. Август 1940: запрет (в Дрездене) входить в городские парки и сады. Запрет пользоваться телефоном.

Октябрь 1940: Конфискация у евреев швейных и пишущих машинок. 8 мая 1942 года В. Клемперер записал: "Какие у меня рождаются желания? Не бояться каждого звонка! Пишущая машинка. Держать дома рукописи и дневники. Пользоваться библиотекой. Еда. Кино. Автомобиль."

Когда профессора Клемперера в 1935 году уволили из университета, он стал сосредоточенно писать книгу, начатую прежде: историю французской литературы XVIII века. Пенсия оказалась невысокой, секретаря-машинистку он оплачивать не мог, поэтому, потратив немало усилий, овладел пишущей машинкой и стал ежедневно перепечатывать написанное за день. Запрет пользоваться читальным залом городской библиотеки был болезнен, но профессор еще мог брать книги на дом. Запрет пользоваться библиотеками оказался более тяжелым ударом, пришлось оборвать работу над французским XVIII веком и заняться книгой, не требовавшей научной литературы; Клемперер стал поневоле писать автобиографию - теперь он увлекся своим "Curriculum vitae". В октябре 1940 года у него отобрали пишущую машинку. Его жене, немолодой и больной, было трудно ходить за покупками, и В. Клемперер еще в 1936 году занялся вождением; он сдал экзамен, преодолев немало препятствий, получил права, купил подержанный автомобиль. Однако, в декабре 1938 года по нему ударил запрет: евреям нельзя иметь машину, нельзя водить ее. У Клемпереров оставалось последнее утешение - кот Мушель. Но и его запретили еврею держать; пришлось усыпить любимого кота, при этом нарушив закон, требовавший сдать животное городским властям. Запись от 22 мая: "Марквальдам тоже пришлось отдать их птичку. Они узнали, что мы умертвили своего кота и сочли наш поступок страшно рискованным. Если бы гестапо про это узнало!"

Последним ударом - одним из последних - оказалось выселение Клемпереров; пришлось перебраться в "еврейский дом", где власти в виде особой милости выделили им две комнаты. На их глазах этот дом постепенно пустел - жителей "эвакуировали" куда-то; оставшиеся стали постепенно осознавать, что их ждет. "...с начала эвакуаций прошлой осенью в Берлине отмечено две тысячи еврейских самоубийств" (22 мая 1943).

Кажется, что нацистские власти изо всех сил изощрались, стараясь придумать, какие еще объявить запреты, как еще унижить евреев морально или придушить их физически. Уже все запрещено? Нет, еще не все. В. Клемперер отмечает все новые и новые распоряжения:

Март 1941: запрет молочницам - переступать порог домов, где живут евреи и продавать им молоко.

Август 1941: запрет евреям курить. (С этого дня гестаовец, обнаружив еврея с сигаретой или трубкой, обязан его задерживать - такой арест обычно оканчивался отправкой в концлагерь и смертью - "застрелен при попытке к бегству") (I, 658).

19 сентября 1941: страшный день: евреи обязаны (под страхом ареста и гибели в лагере) носить на лацкане пиджака или пальто желтую шестиконечную звезду. Немедленно-му аресту подлежал и тот, кто прикрывал звезду рукой, газетой, книгой и т.п.

Ноябрь 1941: Распоряжения о сдаче евреями биноклей и фотоаппаратов.

Декабрь 1941: запрет пользоваться публичными телефонами-автоматами. Запрет ездить в автобусах (разрешено только в трамвае, на передней площадке прицепного вагона). В записи от 6 марта 1942 года читаем: "Сегодня объявлен запрет на пользование трамваем - "учитывая многократные нарушения евреями дисциплины в трамваях". Запрет покупать иллюстрированные журналы и еженедельники или подписываться на них. Запрет пользоваться продовольственными карточками без большой буквы J (Jude). (II, 40). Несколькими днями спустя отмечен запрет евреям покупать цветы (16 марта) и еще - запрет на продуктовые запасы "...евреям запрещается запасать продукты, они имеют право покупать лишь столько, сколько они могут съесть за день" (II, 57), запрет появляться на вокзале, запрет пользоваться услугами ремесленников-арийцев (2 апреля 1942 - II, 59), запрет стоять в очереди, новый запрет держать домашних животных - собак, кошек, птиц (14 мая - II, 85), запрет на пользование "арийскими парикмахерскими" ("Евреи обязаны сами заботиться о чистоте и приличном виде своих волос" - 23 мая - II, 96).

Немного позднее отмечено требование к евреям - сдать все электроприборы, пылесосы, граммофоны и, заодно, граммофонные пластинки. (II, 132). С 30 июня 1942 года закрыты еврейские школы - детям запрещено получать и домашнее образование ("Духовный смертный приговор, вынужденная неграмотность. Это им не удастся..." - II, 142). В середине июня - запрет на чтение евреями газет и, уж конечно, на подписку (распространяется и на "арийских жен" - II, 174). В записи от 2 июня 1942 года перечислены все ограничения, распоряжения, требования, среди которых и такие запреты, как: слушать радио; посещать театры, кино, концерты, музеи; пользоваться транспортом - разрешено только ездить на работу, если она дальше семи километров; ходить по улице вдоль городского парка и т.п.; В. Клемперер, перечислив 31 запрет, замечает: "Но все они вместе взятые - чепуха по сравнению с постоянным ожиданием обыска, издевательств, тюрьмы, концлагеря и насильственной смерти" (II, 108).

С октября 1941 года В. Клемперер отмечает "эвакуацию евреев в Польшу". Поначалу он не понимает, куда и зачем - потом дойдут рассказы о лагерях уничтожения, о газовых камерах, впервые прозвучат слова: Бухенвальд, Майданек, Освенцим (Аушвиц), Треблинка. В. Клемперер все чаще записывает, что им владеет страх. Обыски и аресты становятся все более частым явлением и проводятся с прежде немыслимой жестокостью. "Обыски - кошмар всех евреев. Все новые случаи избиений, оскорбительной брани, разного рода воровства (в последнее время - и денег), арестов, вызовов в гестапо (этого особенно бояться). Каждый день жду, когда очередь дойдет до меня" (22 марта 1942 - II, 54). Все чаще после обысков - самоубийства.

В. Клемперер ожидал недолго - в конце мая пришли к нему (его не было дома), оскорбили и избили его жену. ("Ты арийка? Жидовская шлюха, зачем пошла за жида?" - II, 93), выворотили содержимое всех шкафов и ящиков, многое украли. "Рукопись дневника, несомненно, стоила бы мне жизни... В этот раз мы в общем-то отделились испугом и поклялись друг другу справляться со своими нервами. Но какой невообразимый позор для Германии!" Две недели

спустя они снова пришли. Клемперер читал книгу Альфреда Розенберга "Миф XX века", идеологический учебник нацизма. "Это чтение они сочили ужасным преступлением. Меня били книгой по голове, дали несколько пощечин, для смеху надели на меня соломенную шляпку Кетхен: "Хорошо выглядишь!" Когда я, отвечая на их вопросы, сказал, что до 1935 года был на государственной службе, двое из них (я уже знал их прежде) наплевали мне между глаз. В это время вернулась с покупками Ева. У нее сразу же отобрали сумку, ее тоже обругали из-за моей книги. Я хотел было за нее заступиться - они дали мне несколько затрещин и ногами вытолкнули на кухню" (II, 126). В книге "LTI" этот эпизод рассказан с юмором и ужасом: "Никогда, за всю мою жизнь никогда голова моя так не гудела от книги, как от розенбергова "мифа". Нет, не потому, что эта книга требовала углубленного, потрясающего душу чтения, а потому что Клеменс несколько минут колотил меня этим томом по черепу (Клеменс и Везер были особенно жестокими мучителями дрезденских евреев, их называли "избиватель" и "плеватель"). "Жидовская свинья, как ты смеешь читать такое?" - рычал Клеменс. Ему это казалось кошунством. "Как ты смеешь держать у себя библиотечную книгу?" Меня тогда спасло от концлагеря только то, что книга была взята на имя арийской жены и, конечно, то, что они листок с моими замечаниями о Розенберге разорвали, не читая."⁶ Так проходили обыски в Дрездене в 1942 году.

В Советской России все, казалось бы, шло иначе - во всяком случае, агенты, приходившие с ордером на обыск, вели себя сдержаннее. Но сущность была такой же, в точности такой же. В 1936-1939, в 1949-1953 годах мы, ленинградские и московские интеллигенты, прежде всего - евреи, так же, как наши еврейские собратья в Германии, прислушивались к подъезжавшим автомобилям, к шагам на лестнице, к голосам у соседей. Мы тоже были уверены: обыск кончится арестом, арест - исчезновением (в то время еще не знали, что - навсегда). После того, как в 1948 году был арестован профессор Г. А. Гуковский, а затем его ученики и сотрудники А. Г. Левинтон и И. З. Серман, я - в точности, как В. Клемперер, - каждую ночь ждал обыска и ареста. Тогда я поступил иначе, чем Клемперер; уничтожил свои дневниковые записи, сжег множество писем. Странно, даже смешно вспоминать сегодня о том, как мы жгли хранившиеся у меня книги - стенограммы съездов ВКП(б), XIV и XV. Эти официальные советские издания могли стоить жизни - в них были речи Троцкого, Зиновьева, Радека; держать у себя такие тексты мог только самоубийца. Да, сотрудники НКВД не плевали в лицо тем, к кому они приходили на обыск - они и не обзывали наших жен "еврейскими шлюхами". Они уводили намеченных ими людей в Большой Дом, а уж там... Удивительно, как похожи были террористические меры обеих тираний - при некотором различии внешних форм. Теперь принято сопоставлять Германию и Советский Союз и гадать о том, где было хуже, а где лучше. Не знаю, где было хуже. Нацисты кричали о ненависти к евреям и о намерении их истребить. Коммунисты говорили вслух о преступности антисемитизма, но делали нечто подобное тому, что до них творили нацисты: готовили поголовное истребление российских евреев, свой вариант "окончательного решения" (Endlösung). Виктор Клемперер этого не знал. Да и мы не во всем отдавали себе отчет.

Когда война окончилась, В. Клемперер оказался в Восточной зоне Германии, потом в ГДР, возникшей в 1949 году. Этот проницательный, умный, совестливый человек соблазнился советской терминологией - именно воинствующий антифашизм коммунистов толкнул его в их объятия. Мог ли он не понять, что советская кампания борьбы с космо-

политами в 1948-1952 годах была прямым, нередко бессовестным продолжением нацистского антисемитизма, жертвой которого он, Виктор Клемперер, был в тридцатых-сороковых годах? Мог ли он не заметить, что коммунистическая партия последних сталинских лет осуществляла чудовищный еврейский погром, прикрывая его красивыми словами?

В. Клемперер в книге о нацистском языке "LTI" написал немало о том, как нацисты умело пользовались языком, чтобы скрывать истину: "поражения" назывались "кризисами", причем речь всегда шла не о немецком, а о всемирном кризисе, или о "кризисе западного человечества"; "кризис" преодолевался тем, что "немецкая армия добровольно отделялась от противника и сознательно пускала его поглубже в страну, чтобы тем увереннее его уничтожить", - все это вместо того, чтобы признать поражение? Как же В. Клемперер, филолог и опытный антифашист, не осознал коварства обманной советской фразеологии? Мастер чтения "LTI" - *Linguae tertii imperii* - не разобрался в "LKI" - *Lingua kommunistii imperii*... Ведь его книга появилась в просоветском издательстве "Ауфбай" в 1949 году, и в этом именно году советские газеты, соревнуясь друг с другом в беспощадности, поносили "космополитов", то есть евреев.

Конечно, немецкий профессор не мог знать, что 8 февраля 1949 года Сталин подписал решение Политбюро о роспуске объединений еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске и о закрытии альманахов на идиш - это был конец еврейской литературы и культуры в СССР. Тогда же были арестованы еврейские писатели, деятели Еврейского антифашистского комитета. В 1949 году были закрыты еврейские театры - московский, белорусский, украинский, даже бибриджанский ("Театр им. Л. М. Кагановича"), 28 января 1949 года в "Правде" появилась злобешая редакционная статья "Об одной антипатриотической группе театральных критиков", с которой начался открытый (хотя и под прозрачным псевдонимом) поход против евреев, именуемых отныне "безродными космополитами". Одних евреев карали за "буржуазный национализм" - приверженность евреюству, его традициям и языку; других поносили за отказ от своей национальной культуры, дававший повод для их обвинения в "безродности". Драматург Суров громко заявлял: "Корни космополитизма следует искать в буржуазном национализме" (кому это было непонятно?), "...презренным вырождакам не должно быть места в наших рядах" ("Вечерняя Москва", 1949, 19 февраля). Один из тогдашних руководителей Союза писателей К. М. Симонов в докладе от 18 февраля 1949 года в Москве заявил: "Космополитизм в искусстве - это стремление подорвать национальные корни, национальную гордость, потому что людей с подрезанными корнями легче сдвинуть с места и продать американскому империализму" ("Правда", 28 февраля 1949). Переведем с языка эвфемизмов эти утверждения Симонова: "Засилие евреев в искусстве - это подрыв русских национальных корней... Евреи - агенты империализма."

1949-1953 годы в СССР - период воинствующего антисемитизма, слегка прикрытого фиговым листочком "марксистско-ленинского интернационализма". Можно ли было этого не заметить, даже живя в Германии? Я далек от того, чтобы обвинять Виктора Клемперера в сотрудничестве с большевиками. Он не видел многого, что происходило вокруг, потому что был поглощен германскими проблемами: надо было осознать степень ответственности каждого немца; надо было найти эффективные средства для воспитания новых поколений и для сосуществования отцов и детей. Над этим и ломал себе голову В. Клемперер. Вероятно, он и не вникал в тогдашние гедееровские газеты - например, в передовые статьи "Нойес Дойчланд", послушно шедшей по следам

"Правды". А, может быть, и видел, но полагал, что важнее бороться с остатками фашизма, опираясь на новых хозяев.

Так или иначе, вторая "еврейская судьба", моя - во многом повторившая путь В. Клемперера, - началась, когда первая кончилась. В декабря 1949 года (точнее, 21 декабря, в день семидесятилетия вождя и корифея) меня изгнали из Института иностранных языков, где я тогда был доцентом; директор института, известный погромщик и, увы, специалист по Чехову, Георгий Петрович Бердников, вызвал меня и сообщил, что я уволен из подведомственного ему учебного заведения "за ошибки космополитического характера". О том, что это значило, говорить не нужно было - я понимал условную речь. Бердникова я знал задолго до того - со студенческих лет; но вопросов ему задавать не стал. Впрочем, в то время мне была неизвестна его роль в гибели Г. А. Гуковского; позднее обнаружился его донос на учителя, помогшего ему встать на ноги и даже устроившего ему у себя дома последиссертационный банкет. Но Гуковский был евреем; в то время он был обречен.

Еще до вызова к Бердникову, то есть до увольнения, меня *проработали* на кафедре западноевропейских литератур Ленинградского университета. Уже не В. М. Жирмунский заведовал этой кафедрой; он, еврей, был изгнан и заменен одной из его "арийских" учениц, Татьяной Вановской (кстати сказать, она была женой Г. П. Бердникова). С докладом, посвященным разгрому моей кандидатской диссертации, выступал профессор Алексей Львович Григорьев; он был смертельно бледен и непривычно заикался, но партийный долг исполнил: в моей работе об Эмиле Золя обнаружил космополитические извращения; подумать только, автор посмел утверждать, что Золя влиял на Горького - ихний французско-буржуазный Золя на нашего российско-пролетарского Горького! Этого простить было нельзя. Было предложено признать защиту диссертации 1947 года недействительной и снять с Эткинда степень кандидата. Однако, в то время на кафедре еще были профессора - люди достоинства и чести: А. А. Смирнов, К. Н. Державин, их ученицы Н. Я. Дьяконова, Н. А. Сигал-Жирмунская; заставить их принять навязанное парткомом решение было невозможно. Я остался кандидатом и несколько позднее устроился в Тульский педагогический институт, где уже работало несколько евреев-космополитов, изгнанных из столичных университетов.

С этого эпизода эпохи "борьбы с космополитами" началась травля, которая то затихала, то заново разгоралась в течение четверти века - в 1974 году меня уволили из Института им. Герцена, обвинив, помимо прочего, в письме молодым евреям: я призывал их не уезжать, а бороться за равноправие и свободу дома, в пределах своего языка и своей культуры. Еще несколько месяцев, с апреля по октябрь, я воевал за право остаться в России; я готов был на любую работу - предлагал в ленинградском обкоме стать шофером такси. Тогдашняя секретарша обкома Круглова меня высмеяла: "Вы будете возить иностранцев, потом западные газеты начнут клеветать на нас - дескать, профессор работает шофером!" В октябре я все же оказался принужден к эмиграции - формально в Израиль, на самом деле во Францию, где и прожил более двадцати лет.

Когда меня изгнали из Ленинградского института, мне было 56 лет. Когда Виктора Клемперера уволили из Дрезденского университета, ему было почти столько же - 54 года. Каждый из нас обоим по-своему настаивал на принадлежности к окружавшей его культуре. В. Клемперер в своем дневнике с первых дней нацизма твердит о том, что он, именно он - немец. В ноябре 1933 года Клемперер, еще профессор университета, записывает свой спор с неким Кауфманом, евреем, который защищал Гитлера: "Я перестал себя сдерживать, рубанул кула-

ком по столу и несколько раз проорал ему вопрос, считает ли он тех правителей, политику которых защищает, преступниками или нет. Со спокойствием, достойным Натана Мудрого, он уклонялся от ответа; дескать, я не имел никакого права задавать ему такой вопрос. Со своей стороны, он издевательски спросил меня, почему я остаюсь на своей должности. Я ответил, что не *это* правительство меня назначило и не *ему* я служу, что я с чистой совестью представляю интересы Германии, что я немец, именно я" (I, 67).

Это утверждение повторяется из года в год, хотя порою прорываются и другие чувства: "Презрение, отвращение, глубокое недоверие - вот, что я испытываю относительно Германии, и не могу от этого избавиться. А ведь до 1933 года я был так убежден в моей немецкости (Deutschtum)." (27 октября 1937). И все же, вопреки всему, еще через пять лет: "Я *думаю* по-немецки, я *остаюсь* немцем - не я это себе приобрел, и я не могу это из себя вырвать" (II, 56). "Из немецкости я уйти не могу" (Aus dem Deutschum kann ich nicht heraus - II, 88), Я немец и жду, когда немцы вернутся; они где-то притаились" (30 мая 1942 - II, 105). Запись от 25 июня 1942 года об основателе сионизма Теодоре Герцле: "И все же он неправ для миллионов людей. Я *только* немец. Все другое было бы для меня комедией." (II, 144). Через три дня, 28 июня, запись о споре с неким Зеликсоном: "Дискуссия ведется им со страстью, мною - с неуверенностью: "Вы должны быть евреем, должны обучать евреев, вас бы приняли в Иерусалиме, вы там обрели бы свое место." - Нет, я только немец, иначе не могу; национал-социалисты - не немецкий народ, современный немецкий народ - не вся Германия. - Он: ненавидит всю Германию, все немецкое - жестокость и варварство с давних пор, лучше жить вне Германии в полной нищете, чем в терпимых условиях - в Германии и т.д. - А я, если бы даже ненавидел Германию, я от этого не стал бы не-немцем, я не мог бы вырвать из себя свою немецкость. И мне хотелось бы помочь здесь новому строительству. К тому же: в Иерусалиме я бы оказался отщепенцем, оппортунистом, изменником..." (II, 148).

Сорок лет спустя я утверждал то же относительно моей приверженности русской культуре. В книге "Записки незаговорщика" (Лондон, 1977), это повторяется неоднократно - не буду цитировать самого себя. Скажу только, что эпиграфом ко всей книге служат строки Анны Ахматовой: "Нет, и не под чуждым небосводом, И не под защитой чуждых крыл. Я была тогда с моим народом, Там, где мой народ, к несчастью, был." Вступление от автора завершается словами: "Это моя страна, и другой у меня нет."

Читатель, познакомившись с двумя "еврейскими судьбами", разделенными интервалом в 40 лет и неправдоподобно похожими друг на друга, может придти к выводу, что я отождествляю эти два тоталитарных режима. Это будет ошибкой, я отчетливо вижу различие между ними - в отношении к еврейскому вопросу. Оставляю рассмотрение этого различия для другой статьи. Здесь только бегло скажу о нем.

Недавно в США вышла книга Даниэля Гольдхагена "Добровольные исполнители Гитлера"; гарвардский исследователь пришел к выводу, что "холокост", в ходе которого было уничтожено более шести миллионов евреев, осуществлялся многими сотнями тысяч самых обыкновенных немцев, убивавших по убеждению, а не по принуждению. Гольдхаген пишет: "Мое объяснение - и это ново в научной литературе, посвященной исполнителям, - сводится к тому, что "совершенно нормальные" немцы были одушевлены антисемитизмом вполне определенного рода, который привел их к выводу, что евреи *заслужили смерть*... Они считали массовое уничтожение евреев оправданным." Гольдхаген приводит

похвалю немцев своими "палаческими" подвигами - они не только не боялись рассказывать о них женам или возлюбленным, но гордились собой и охотно демонстрировали даже детям фотографии, представляющие нам чудовищными.

Вероятно, Гольдхаген в основном прав: нацистская пропаганда оказалась действенной. Она была направлена на то, чтобы представить евреев виновниками всех бедствий: евреи разожгли войну, сознательно довели Германию до голода, отравляют немцев, убивают их, евреи толкают американцев и англичан на истребительную бомбардировку немецких городов, евреи организовали партизанские отряды на Востоке, евреи - комиссары Красной Армии, создатели и руководители большевистской партии. Большинство статей Геббельса в "Дас Рейх" посвящено доказательству этого тезиса. Газеты двадцать лет подряд все сваливают на евреев. Две записи В. Клемперера: от 12 сентября 1938 г.: "Теперь, во время Пятого съезда партии, снова разжигание ненависти против евреев. Евреи губят Испанию, евреи - нация преступников, все преступления восходят к евреям (официальный "Штюрмер" и министр Геббельс). А народ настолько глуп, что всему верит..." (I, 378). От 24 июня 1943: "Все еще бесконечная травля евреев. Она так безгранична, так глупа, так однообразно и нелепо повторяется, что действовать уже не может. Бомбы повредили собор св. Лаврентия - это еврейские летчики, это евреи объявили войну христианству. Предложение в какой-то чикагской газете, чтобы Англия стала одним из американских штатов: еврейский план окончательного захвата власти. Тогда евреи обожуются в Белом доме и овладеют миром." (II, 409-410).

Нацистская пропаганда была построена на том, что евреи - не люди, а нечисть, насекомые, подлежащие истреблению, как тараканы, клопы, вши. Постепенность запретов, которые мы проследили выше по "Дневнику" Клемперера, - одна из сторон этой пропаганды: мало-помалу в немецком населении

укреплялось убеждение в том, что только очищение страны от евреев восстановит нормальное положение и обеспечит будущее немецких детей. Сатанинская пропаганда делала свое дело. Антисемитизм стал массовым и перешел из идеологии в реальные действия, в истребительную практику.

В Советском Союзе этого не было; даже кампания против космополитизма не перешла в еврейский погром - кто же, кроме "толстограмотных", мог в России понять, что под диковинным словом "космополит" разумеется "жид"? Для того, чтобы возбудить народные массы, были придуманы "врачи-отравители"; понятная ненависть всякого русского к "убийцам в белых халатах" должна была превратиться в активный массовый антисемитизм. Д.И. Чесноков в журнале "Коммунист" (1953, № 2) обрушивался на "профессоров-врачей, наемников империалистических разведок, маскировавшихся высоким званием врача свое омерзительное лицо убийц и шпионов"; он же был, видимо, автором теоретической работы, обосновавшей будущую депортацию евреев на Дальний Восток. Официальное сообщение в "Правде" от 13 января 1953 г. "Арест группы врачей-вредителей" обвиняло врачей-террористов в связях с еврейской националистической организацией "Джойнт", давшей директиву об "истреблении руководящих кадров СССР через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса." Однако, бредовое "дело врачей" рассыпалось сразу после смерти Сталина - уже 4 апреля 1953 года в печати было объявлено об освобождении всех арестованных по этому делу. Оно начало было возбуждать народные массы против евреев - но только начало.

Основным отличием нацистской Германии и советской России в отношении к евреям является массовый террористический антисемитизм немцев и правительственно-партийный - в России, поддерживаемый снизу, но слабо. Это отличие проявилось и на тех двух "еврейских судьбах", о которых рассказано в этом очерке.

¹ Victor Klemperer. *Ich Will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1942-1945*. Aufbau-Verlag, Berlin, 1995. Band I, S.928, Band II, S. 763. Ссылки в тексте.

² Über die Aufgaben der Volkshochschule. Rede zur Eröffnung der Dresdner Volkshochschule am 28 April 1946. In: Victor Klemperer. Vor 33/nach 45. Gesammelte Aufsätze. Aufbau-Verlag, B., 1956, S. 244.

³ Ibid., S.243.

⁴ Ibid., S. 243-244.

⁵ Günter Schwarzberg. Der Juwelier von Majdanek. "Stern", Hamburg, 1981, S. 151 /Tagebuch eines Prozesses/.

⁶ V. Klemperer, LTI. Notizbuch eines Philologen. Berlin, Aufbau- Verlag, 1949, S.18.

⁷ Victor Klemperer. LTI. Berlin, Aufbau, 1949, S.226.

Внимание!!!

Община Мессиянского иудаизма г. Берлина сообщает, что в связи с ростом нашей общины и увеличением числа посетителей наших собраний, с апреля изменяется адрес наших регулярных встреч.

За информацией обращайтесь, пожалуйста, по телефону: (030) 625 44 13
или по адресу: **Beit Sar Shalom, Nogatstr. 23, 12051 Berlin**

Мы с радостью дадим Вам также адреса мессиянских собраний в различных городах Германии. У нас есть богатый выбор духовной литературы. Некоторые книги, например Библию, Вы сможете получить в подарок.

Мы верим, что Иешуа хаМашиах - традиционно Иисус Христос - является обещанным Мессией Израиля и Спасителем всего мира. Мы - счастливые люди, потому что живем в мире и общении с Богом, и счастливые евреи, потому что знаем истинного Мессию.

Вы, наверное, слышали уже о нас. Может быть пришло время познакомиться?

Мы ждем Вас!

ШАЛОМ

Русский немец белокурый...

Макс Фасмер - петербургский немец, берлинский профессор, последний энциклопедист в этимологии.

Русский немец белокурый

Едет в дальнюю страну...

М. Ю. Лермонтов

Вячеслав Демигов

В разбомбленном, холодном Берлине невообразимо странно выглядел этот человек, выписывавший слова из чудом сохранившихся книг безлюдных библиотек... Несмотря на тяжелое время, Макс Фасмер был, как обычно, строго одет в пиджачную тройку - зимой темную, летом светлую. Карманные часы на золотой цепочке делали его облик еще более старомодным. Неизменными атрибутами высокой, выше метра восемьдесят, фигуры были пальто и шляпа. И если Фасмера без пальто еще можно было увидеть на улице в сильную жару, то без шляпы - никогда. Он вежливо снимал ее, увидя знакомую женщину, пусть эта женщина была лишь студенткой первого семестра, а если ему с ней было по пути, - шел со шляпой в руке и открывал перед спутницей входную дверь...

Наверное, это был последний энциклопедист в этимологии, способный в одиночку, без компьютера и даже пишущей машинки, составить словарный четырехтомник, от руки заноса слова на каталожные карточки. Да при этом написать еще множество других книг и статей. Да еще редактировать филологический журнал мирового уровня - то есть самолично, как это было в те времена заведено, читать все поступающие статьи, вести переписку с авторами, делать вычитку всех корректурных типографских оттисков. Да год за годом читать лекции студентам.

Не любопытно ли, что слово *астроном* в русском языке имеет семисотлетнюю историю: впервые встречается в книге XIII века "Хроника Иоанна Мамалы"? Что пришедшая в XVIII веке из Германии в Россию уничижительная *абракадабра* (бесмыслица, галиматья) ничего неодобрительного много веков назад не содержала, совсем наоборот, ибо корни ее - это греческое *абракос* (божество) и древнееврейское *дабар* (слово). Что слово *антенна*, широко вошедшее в русскоязычный обиход с начала нашего века, имеет почтенную историю: в 1709 году оно означало... рею на корабельной мачте.

Макс Фасмер

Самый большой и надежный этимологический словарь русского языка составлен берлинским профессором Максом Фасмером (Max Vasmer). А точнее - русским немцем. Петербуржцем. Эмигрантом из Советской России. Крупнейшим славистом Германии, а кое в чем и всей Европы. В биографии которого отразился весь двадцатый век, все перипетии русско-германских связей и противостояний.

Макс Фасмер родился в Санкт-Петербурге 28 февраля 1886 года. О его предках известно мало - единственное, что они выехали в Россию из Шлезвиг-Гольштейна. Став в 1903 году студентом Петербургского университета, Фасмер изучал славистику, историю Византии и поздней Греции, а главное - слушал лекции великого филолога, члена Петербургской Академии наук, Яна-Игнация-Нечислава (в России его называли то Иваном Андреевичем, то Иваном Александровичем) Бодуэна-де-Куртене.

Родившийся в маленьком городке под Варшавой, потомок легендарного французского крестоносца - иерусалимского короля Бодуэна, Бодуэн-де-Куртене говорил и писал по-польски, по-русски, по-чешски, по-словенски, по-итальянски, по-французски и по-немецки. В разные годы он занимал кафедры сравнительной филологии в Казанском, Юрьевском (Тартуском), Краковском университетах. Был редактором 3-его (1903-1909) и 4-го (1912-1914) изданий "Толкового словаря живого великорусского языка" Владимира Даля - тоже петербургского немца. Последователей Бодуэна-де-Куртене называли младограмматиками, потому что он создал новое направление в филологии - казанскую школу сравнительного языкознания, выдвигающую на первый план не столько анализ древних текстов, сколько исследование живой народной речи. Бодуэн-де-Куртене говорил, что живые звуки важнее мертвых букв, о которых никто не знает, как звучали они в эпоху своего начертания, - и

разработал необыкновенно богатую транскрипционную систему записи живого голоса.

В сказках, как известно, хороший подмастерье женится на дочке мастера. Женой Макса Фасмера в 1910 году стала Цезария, дочь Бодуэна-де-Куртене, будущий известный этнограф и историк культуры в Варшавском университете. Через четыре года союз их, однако, разладился. Новую жену Фасмера звали Эльза Нипп, и этот брак оказался счастливым.

Талант Макса Фасмера проявился быстро: первые главы "Греко-славянских этюдов" студента-третьекурсника появились в "Известиях отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук". Работа была посвящена влиянию греческой культуры на славянскую, греческим корням в словах русского языка. Сдав выпускные экзамены, Фасмер в 1907 году отправился в Австро-Венгрию - завершать свое образование в университетах Кракова, Вены и Граца. Вернувшись в Петербург, приват-доцент Фасмер получил место лектора на Высших Бестужевских курсах - в первом российском университете для женщин (которых в государственных университетах не принимали).

В начале 1917 г. Фасмера пригласили на профессорскую должность в Саратовский университет. Там его и застал большевистский переворот. Но в 1918 году мы видим его уже профессором Тартуского университета, где тридцать лет назад заведовал кафедрой Бодуэн-де-Куртене! Фасмер не рассказывал, как ухитрился вырваться в обреченную независимость Эстонию. Но, конечно, не обошлось без умения ладить с людьми, - а в этом он был, по-видимому, талантлив. Чем другим объяснить, что эстонское правительство в 1920 году поручило ему важную транспортно-дипломатическую миссию - возвращение книг Тартуской университетской библиотеки из Воронежа, куда они были эвакуированы во время 1-ой мировой войны. Задание Фасмер выполнил превосходно. И, так сказать, сверх программы, привез в Тарту свою брошенную два года назад в Саратове личную библиотеку.

В 1921 году профессор Фасмер занял кафедру славистики в Лейпцигском университете и приступил к фундаментальному труду: "Исследования по расселению древних славян". В первой части - "Иранцы на южнорусских землях" - он рассматривал топонимы юга Украины. Фасмер показал, что названия больших рек - Дон, Днепр, Днестр - и множества маленьких речушек, а также другие географические имена имеют иранскую (или, как иногда говорят, персидскую) основу. Значит, когда-то эти земли заселяли племена, говорившие на одном из персидских наречий? И действительно, Фасмер нашел в древнеперсидском языке скифские и сарматские следы... Другие исследования позволили ему утверждать, что в названиях таких городов, как Лейпциг, Дрезден, Хемниц, Глогау, Бреслау (ныне Вроцлав), Бунцлау, Коттбус, Баутцен, Герлиц, Росток, Шверин и многих иных видна славянская основа. Современные немецкие лингвисты, используя этимологическую методологию Фасмера, выводят слово "Берлин" из старославянского "брл" - болото, топь.

В Лейпциге под его редакцией издательство Гаррассовица выпустило первый номер "Журнала славянской филологии": восстановились традиции основанного в 1876 году и прекратившегося в конце двадцатых годов "Архива славянской

филологии". На страницах фасмеровского журнала выступали слависты Франции, Англии, Югославии, Чехословакии и, конечно же, СССР.

После прихода гитлеровцев к власти журнал не закрыли, но многие имена иностранных авторов из него исчезли: евреям в "арийскую науку" путь был заказан. Вместо них стали выступать на страницах журнала какие-то никому неведомые новички, - впрочем, судя по статьям, талантливые. И только спустя много лет стало известно, что Фасмер печатал под этими фамилиями изгнанных "неарийцев". (Забегая на полтора десятка лет вперед, скажем, что чашу терпения Фасмера переполнили не нацисты, а полученный в 1949 году издательством приказ советских оккупационных властей: в десятидневный срок представить постатейный план журнала на ближайшие пять месяцев. Фасмер заявил, что такое "планирование" ни к чему не приведет, кроме падения научного уровня журнала, что он, Фасмер, отказывается от дальнейшего печатания в Лейпциге, - и перевел журнал в издательство Винтера в Гейдельберге.)

С 1925 года Фасмер жил в Берлине, занимал кафедру славянской филологии Университета Фридриха-Вильгельма, был членом Саксонской и Прусской Академий наук. Огромный научный престиж и незаурядная дипломатичность позволяли ему держаться вдали от политики. Он не вступил в нацистскую партию, в его кабинете не было портрета Гитлера. Одно это требовало в то время немалой храбрости. Но Фасмер совершал и другие не менее храбрые поступки. После захвата нацистами Польши он сумел вызволить из концлагеря Заксенхаузен нескольких польских ученых. Получив от французского слависта Бориса Унбегауна открытку с обратным адресом "Концентрационный лагерь Бухенвальд", Фасмер не только сумел добиться его освобождения, но и зачислил сотрудником к себе на кафедру, так что Унбегаун благополучно дожил до конца войны и вернулся во Францию.

Берлинская кафедра славянской филологии, старейшая в Германии, вела свою историю с начала сороковых годов прошлого века, когда она была основана по повелению короля Фридриха-Вильгельма IV. Одно из первых исследований Фасмера, предпринятых на новом месте, касалось славянских следов в топонимах Бранденбурга, Мекленбурга и Гольштейна. Исследуя топонимику северных областей Германии, он задался вопросом: почему язык германского племени бургундов, которые там когда-то обитали, не оставил никаких следов в языке западных славян - поляков и кашубов? Ведь в латинских книгах сообщалось, что бургунды в 4-м веке н. э. ушли из этих мест куда-то на юг. Если это так, предположил Фасмер, то кусочки типа "баргенд", "барганд", "баргунд" должны остаться в каких-нибудь западнославянских географических наименованиях.

Но ни одного такого рода топонима найти не удавалось. Провал гипотезы, сомнительная достоверность древних рукописей? Фасмер считал, что он просто не нашел верного источника информации. Через несколько лет в адресной книге Берлина он случайно увидел фамилию: Баргенда - и все сразу встало на свои места: искать нужно не географические названия, а фамилии! И верно, в этой и других адресных книгах германских городов отыскивались фамилии Баргенде, Баргинда, Баргандер, Бергандер, Баргунде, Барганьски и другие - всего около ста сорока.

Фасмер списался с ними, попросил ответить, откуда они родом. Оказалось, что они происходили из Нижней Силезии, Задней Померании, Познани и других мест, где проживали поляки и кашубы. Нанесенные на карту, фамилии показали путь, по которому бургунды ушли на юг Европы. Сведения античных авторов обрели весомое подтверждение.

В конце тридцатых годов Фасмер начал свой главный труд - этимологический словарь русского языка, сегодня считающийся фундаментальным. Важную роль в решении приступить к этой бесконечной работе сыграли две книги: "Этимологический словарь русского языка" заслуженного преподавателя 4-й Московской гимназии Александра Григорьевича Преображенского (издание началось в 1910 году, было доведено до статьи "Сулея", но мировая война, а потом Октябрьский переворот все остановили, - только через сорок пять лет вышло в Москве окончание труда Преображенского...) и "Славянский этимологический словарь" Э. Бернекера. А в тот год, когда началось вторжение нацистов в СССР, "Труды Прусской Академии наук" напечатали работу "Славяне в Греции": Фасмер указывал на славянское происхождение некоторых топонимов южных регионов этой страны, "к большому неудовольствию греков, которые никак не хотели с этим примириться", - вспоминал его ученик Герберт Бройер.

...Бомбардировки Берлина в 1943 году усилились. Фасмеру казалось, что на окраине безопаснее, чем в центре. Он перевез к себе домой весь словарный архив и кафедральную библиотеку. Но 30 января 1944 года стало роковым числом. Подвал, где Фасмер и его жена переживали воздушные тре-

"Ein Rußlanddeutscher mit blondem Haar..."

von Wjatscheslaw Demidow

Ein Rußlanddeutscher mit blondem Haar
Fährt in ein fernes Land...

Michail Lermontow

In dem ausgebombten, kalten Berlin wirkte dieser Mensch unvorstellbar seltsam, der sich da Worte aus den wie durch ein Wunder erhaltenen Büchern der menschenleeren Bibliotheken heraus-schrieb... Ungeachtet der schweren Zeit war Max Vasmer wie gewöhnlich mit seinem dreiteiligen Herrenanzug gut gekleidet - im Winter dunkel, im Sommer hell. Die Taschenuhr an der Goldkette gab ihm ein noch altmodischeres Aussehen. Ein unveränderliches Merkmal seiner hohen, über ein Meter achtzig hohen Gestalt waren der Anzug und der Hut. Zwar konnte man Vasmer manchmal bei starker Hitze auch ohne Mantel antreffen, ohne Hut jedoch niemals. Freundlich lüftete er ihn, wenn er einer Dame begegnete, selbst wenn diese Dame bloß eine Studentin im ersten Semester war, und wenn sie den gleichen Weg hatten, dann begleitete er sie den Hut in der Hand und hielt seiner Begleiterin die Eingangstür auf... (...)

Das größte und zuverlässigste etymologische Wörterbuch der russischen Sprache ist von dem Berliner Professor Max Vasmer zusammengestellt worden. Oder genauer gesagt: dem Rußlanddeutschen, dem Petersburger, dem Emigranten aus Sowjetrußland, dem größten Slawisten Deutschlands, ja in einigem dem größten Europas. Demjenigen, in dessen Biographie sich das ganze zwanzigste Jahrhundert, sich alle Peripetien der russisch-deutschen Beziehungen und Gegensätze spiegelten.

Семидесятилетие Макса Фасмера. Мэтр с учениками.

воги, вздрогнул от близкого взрыва бомбы. Когда они выбрались наружу, повсюду на земле валялись книги и листы бумаги, а дом пылал. В огне погибла библиотека, вывезенная Фасмером из Саратова, все накопленные к тому времени материалы к словарю. Два дня спустя он пришел в свой кафедральный кабинет, сел к столу, положил перед собой лист бумаги и принялся писать.

Восстанавливать Словарь. Как всегда, неустанно и невозмутимо. Не обращая внимания на хаос, постепенно воцарившийся в городе, к которому двигался с востока конец войны.

Конец войны наступил. Германию и Берлин союзники-победители разделили на зоны оккупации. В советской зоне устанавливались советские порядки: из здания Прусской Академии наук была вывезена и никогда больше не вернулась картотека с полумиллионом имен - названиями русских городов, селений, местностей, рек и озер. Архив, который Фасмер составлял с 1930 года... На потерю архива, уже второго по счету, Фасмер ответил через несколько лет в присущем ему стиле: предпринял в Восточноевропейском Институте издание пятитомного "Словаря русских гидронимов" - названий рек, озер и других водоемов, а вместе с сотрудниками Академии наук и литературы в Майнце начал составлять десяти томную "Книгу русских географических имен", - оба эти труда увидели свет уже после его кончины.

Осенью 1947 года Фасмер выехал в Швецию - работать приглашенным профессором в Стокгольмском университете. Ему было уже за шестьдесят. Он чувствовал, что если сейчас же не остановится, не перестанет пополнять и улучшать словарь, окончить труд ему вряд ли удастся. В 1950 году, вернувшись в Западный Берлин как профессор Свободного университета, он отдал готовую рукопись первого выпуска (словарь печатался отдельными небольшими по объему частями) в Гейдельбергское издательство Винтера. Двадцать седьмой, последний выпуск Фасмер отредактировал восемь лет спустя: "Миг вождельный настал, закончен мой труд многолетний..."

Max Vasmer ist am 28. Februar 1886 in St.-Petersburg geboren worden. Über seine Vorfahren ist wenig bekannt, - man weiß einzig, daß sie einst aus Schleswig-Holstein nach Rußland gekommen sind. Nachdem er 1903 ein Student der Petersburger Universität geworden war, studierte er Slawistik, die byzantinische Geschichte und die Geschichte des spätantiken Griechenlands. (...)

Seit 1925 lebte Vasmer in Berlin und hatte den Lehrstuhl für slawische Philologie an der Friedrich-Wilhelm-Universität inne, er war Mitglied der Sächsischen und der Preußischen Akademie der Wissenschaften. (...) Ende der dreißiger Jahre begann Vasmer mit seinem Hauptwerk, dem etymologischen Wörterbuch der russischen Sprache, das bis heute als grundlegend gilt. (...)

... Im Jahre 1943 verstärkten sich die Bombenangriffe auf Berlin. Vasmer schien es am Rande der Stadt ungefährlicher zu sein als im Zentrum. So brachte er das gesamte Archiv für das Wörterbuch und die Bibliothek zu sich nach Hause. Doch der 30. Oktober 1944 sollte für sie zu einem verhängnisvollen Datum werden. Der Keller, in dem Vasmer und seine Ehefrau das Ende des Bombenalarms abwarteten, erbebt von der nahen Bombenexplosion. Als sie sich nach oben begaben, lagen überall auf der Erde verstreut Bücher und Papierblätter und das Haus brannte lichterloh. In diesem Feuer starb die von Vasmer aus Saratow mitgebrachte Bibliothek, alle bis dahin für das Wörterbuch angesammelten Materialien. Zwei Tage später begab sich Vasmer in sein Arbeitszimmer, setzte sich an den Schreibtisch, legte ein Blatt Papier vor sich und begann zu schreiben. Um das Wörterbuch zu erstellen. Wie immer unermüdlich und unerschütterlich. Ungeachtet des Chaos, das mehr und mehr die Stadt ergriff, der sich von Osten her das Ende des Krieges näherte. (...)

(gekürzte Fassung des russischen Textes)

В послесловии к словарю он сожалел, что не смог использовать результаты этимологических изысканий последних лет: "полная обработка новейшей литературы задержала бы завершение работы и, учитывая мой возраст, могла поставить под сомнение благополучное ее окончание"... Судьба отпустила ему еще четыре года.

В сталинскую эпоху сотрудник Свободного университета Макс Фасмер был у властей СССР на плохом счету. Категорически отрицалось его утверждение, принятое сейчас большинством серьезных этимологов, что слово "Русь" имеет финскую основу, ибо "рутси" - старинное название шведов в скандинавских языках, название, перешедшее на варягов (викингов). Ведь "норманнскую теорию" возникновения Русского государства официальная советская историография объявила антинаучной и даже враждебной.

Только в конце 50-х годов, с наступлением "оттепели", Фасмер был приглашен в Москву на VI Международный конгресс славистов. Именно на этом конгрессе советские слависты предложили перевести его словарь на русский язык, поскольку составление подобного словаря в СССР тогда не планировалось.

Умер Фасмер зимой 1962 года в Западном Берлине. Два года спустя в книжных магазинах Москвы лег на прилавки первый том его словаря в переводе на русский язык. Крут замкнулся.

Автор благодарит ученика М. Фасмера профессора К. Зеемана за помощь в работе над этой статьей.

"... Ему обязан я более всех других моих maestro"

К 200-летию выдающегося немецкого музыкального теоретика, педагога и собирателя музыкального наследия Европы Зигфрида Вильгельма Дена.

200 лет назад 25 февраля 1799 года в Альтоне родился выдающийся музыкальный теоретик и педагог Зигфрид Вильгельм Ден, которого многие талантливые музыканты с гордостью называли своим учителем. Он же был учителем выдающегося русского композитора Михаила Ивановича Глинки, сказавшего о Дене: "...Ему обязан я более всех других моих maestro".

Дружба З. Дена и М. Глинки - выдающийся пример в истории культурных связей России и Германии. Она продолжалась почти четверть века и закончилась лишь со смертью Глинки в Берлине 15 февраля 1857 г. на руках его друга.

Зигфрид Ден родился в семье состоятельного еврейского торговца и банкира. Ему было около 12 лет, когда не стало его матери, и отец сосредоточил на всесторонне одаренном ребенке всю свою любовь и внимание, дал ему хорошее домашнее образование. Зигфрид прекрасно овладел виолончелью, и учитель музыки предрекал ему большое будущее музыканта-исполнителя. Отец, однако, хотел, чтобы юноша пошел по лесному делу. Благодарный отцу за заботу, Зигфрид не смел ему перечить, но случай избавил его от профессии, к которой он не был расположен. Однажды на охоте он повредил ногу, и это событие повернуло его судьбу. Отец отправил Зигфрида учиться правоведению в Лейпциг.

Юноша исправно занимался юриспруденцией, но любовь к музыке свела его с видными лейпцигскими музыкантами. Он подружился с Поленцем, Шихтом, Фридрихом Шнайдером и другими, выступал с ними в концертах как одарен-

*Зигфрид Вильгельм Ден
Портрет неизвестного
художника*

ный виолончелист. И уже тогда его стала интересовать теория и история музыки.

В 1823 г. Зигфрид Ден переезжает в Берлин и остается здесь до конца жизни. В Берлине он поступил на службу в шведское посольство, он при этом имел перед собой вполне осознанную цель - продолжить занятия в единственном тогда в своем роде богатейшем собрании музыкальной литературы, принадлежавшем музыковеду Георгу Пёльхау. В Берлине, также как и в Лейпциге, Ден быстро вошел в круг известных музыкантов. Среди них были, в частности, Людвиг Бергер и Бернгард Клейн.

В скором времени Дену удалось выйти на такой уровень знаний в области контрапункта, что с ним уже никто не мог сравниться. Он покидает дипломатическую службу и полностью посвящает себя музыке. Ден предпринимает многочисленные поездки в поисках редких и ценных музыкальных автографов. Его известность как специалиста-теоретика и коллекционера растет, и в 1842 г. по предложению Дж. Мейербергера он становится хранителем музыкального отдела Королевской библиотеки. В этой своей роли Ден проделал громадную работу по упорядочению фонда, научной его систематизации и - самое важное - по постоянному его пополнению.

Он жил жизнью человека, который нашел свое призвание и одновременно сумел создать счастливую семью. В 1849 г. он получил титул королевского профессора, а через год стал членом Академии искусств (по музыке). Среди его учеников оказался и М. И. Глинка, который писал ему: "Вы избрали всецело самобытное и в Вашей манере совершенно новое направление в искусстве". Среди музыкантов из России учениками Дена были также Антон и Николай Рубинштейны и В. Энгельгардт. Своим учителем называли его Мартин Блюмнер, Петер Корнелиус, Фридрих Киль, Теодор Куллак. Деятельность Дена была многообразной. Он редактировал музыкальный журнал "Цецилия", издавал музыкальные произведения старых мастеров 16 и 17 веков, публиковал сочинения И. С. Баха, в том числе впервые - его Бранденбургские концерты, писал свои собственные работы ("Учение о контрапункте, каноне и фуге" вышло посмертным изданием в 1859 г.).

Несмотря на все оказываемые ему почести, он оставался скромным человеком. В сентябре 1855 г. он писал М. Глинке,

что работает иногда по 17 часов в сутки, чтобы собрать деньги на очередные поездки, в частности, в Мюнхен и в Бельгию и "закончить, наконец, начатую 22 года назад работу - монографию об Орландо Лассо...". Но работе над монографией не суждено было быть законченной...

Жизнь Дена оборвалась внезапно. Он умер 12 апреля 1858 года от инсульта прямо на пороге дома по Фридрихштрассе 130, где находилось тогда его любимое детище - собрание нот и музыкальной литературы Королевской библиотеки.

Зигфрид Ден был похоронен на кладбище прихода Софиенкирхе, которое располагалось между Паппельплатц и Бернауерштрассе. Однако могила его не сохранилась. Она пережила Первую и Вторую Мировую войну, но когда возводили Берлинскую стену, отгородившую Восток от Запада, часть кладбища, на которой находилась могила Дена, была уничтожена.

По жестокой иронии истории прах человека, который искренне стремился к сближению культур России и Германии, оказался в "зоне смерти", на прострельной полосе искусственно возведенной границы между Востоком и Западом.

И все же, память о Зигфриде Дене сохранилась в Берлине. Он заложил основы богатейшего фонда Музыкального отдела Берлинской государственной библиотеки на Унтер-ден-Линден, существующего и сегодня. Многие о жизни Дена мы можем узнать из широко известного литературного наследия М. И. Глинки - «Записок» и переписки. Наконец, в Берлине чудом сохранился дом, в котором жил Ден. Здесь он принимал у себя близких ему по духу людей, слушал вместе с ними игру и произведения видных европейских музыкантов. Здесь часто бывал Михаил Иванович Глинка. Это - дом 28 по Мариенштрассе (Берлин-Митте). Сама улица - одна из немногих в Берлине, оставшаяся в почти неизменном облике середины прошлого века. Ден помог русскому композитору найти квартиру по-соседству. Наискосок через улицу стоит дом 6 - в нем летом 1856 года три месяца жил М. И. Глинка.

Установка мемориальных досок на Мариенштрассе по этим адресам была бы данью памяти и М. Глинке и З. Дену - ученику и учителю, данью памяти, которую могло бы отдать ныне живущее поколение.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕВРОПЕЕЦ

Der literarische Europäer

Ежемесячный журнал Союза русских писателей в Германии

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ, ПУБЛИЦИСТИКА, ИСТОРИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, АРХИВ, ЕВРОПЕЙСКИЕ
ПРОГУЛКИ, ДОКУМЕНТЫ, ЮМОР, ИСКУССТВО, ДАЙДЖЕСТ, РЕЦЕНЗИИ, МЫ И
ЛИТЕРАТУРА, ЧТО МЫ ПИШЕМ, СТРАНИЦА РЕДАКТОРА, ПОМОЩЬ ЛИТЕРАТОРАМ,
РЕКЛАМА, ОБЪЯВЛЕНИЯ, ФОТО, РИСУНКИ

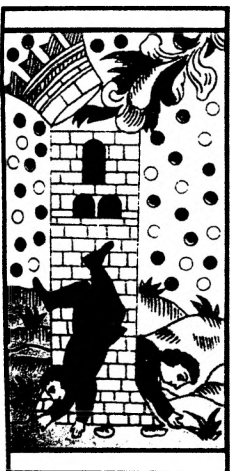
Literarische Europäer
Monatliche Zeitschrift
Postfach 800833
65929 Frankfurt-am-Main

Старинные берлинские сказания

Кирха Шпандау

Давным-давно была кирха Шпандау католической. И случилось так, что пришли служки, чтобы ее очистить. И вот решили они передохнуть, но по гордыне своей не остереглись, а сели играть в карты. Подкрался тогда черт, присел рядышком и говорит, что тоже желает играть. Подумали служки и приняли черта в игру. Но как увидели, как незнакомец одну карту за другой кроет, тогда только догадались, что нечистый перед ними. Но делать нечего, играют они дальше, и вот один служка, изрядно уже проигравшийся восклицает в сердцах: "Черт меня бери, коли опять проиграю!" Перемешали служки колоду, сдали заново карты и снова принялись за игру. И случилось так, что незадачливый служка и на этот раз проиграл. Увидел это черт, схватил несчастного и потащил за собой к стене, которая тут же разверзлась, а как исчезли они оба за ней, замкнулась. Трещина в той стене и по сию пору видна, и ни один каменщик заделать ее не сумел. В другой раз снова пришли служки в кирху Шпандау, чтобы ее очистить. Но нашла на них гордыня и решили они пошутить. А в кирхе были на цепях книги и между прочим VI и VII книги Моисеевы, в которых, по народной молве, премудрости о волшебстве и всяком разном чародействе записаны. И вот захотелось служкам из баловства в книги те заглянуть, да узнать про что там пишется. Но стоило им раскрыть книгу и начать читать, как наполнилась вся кирха сверху до низу духами, и сковал несчастных чудовищный страх. На счастье проходил мимо священник. Увидел он, какое творится дело, взял книгу и начал читать, да только не по нашему слева направо, а сзади наперед. И зазвучали тогда в церкви вздохи и стоны ужасные, и тут же исчезли духи, все, как один.

Каменный крест перед Мариенкирхе на Александерплац

У входа в церковь Марии, что на Новом Маркте, со времен старого маркграфа стоит каменный крест. Он напоминает об одном событии, имевшем место давным-давно. Однажды сговорились ученики из церковного хора залезть на церковную колокольню, потому что захотелось им набрать яиц из аистиных гнезд, которых было там превеликое множество, но когда оказались наверху, обнаружилось, что добиться желаемого нелегко, так как нужно перебраться через хоральные окна. И вот придумали они перебросить через про-

пасть доску и пройти по ней. Два ученика крепко держали доску, а третий перебрался на другую сторону и насыпал яиц в шапку. Тогда просили его товарищи, отдать по праву причитающуюся им долю добычи. Но ученик возразил, что, поскольку в одиночку, рискуя сорваться вниз, решился на опасное предприятие, то и плоды последнего достанутся только ему. Товарищи рассердились и пригрозили, что если не отдаст их доли и не прекратит возмутительную речь, тогда они отпустят доску, и он упадет с башни. Только попробуйте, - отвечал безумец, не веря в исполнимость угрозы, - не отдам вам и одного яйца. И как только слетели с его уст эти слова, отпустили товарищи доску, и бедный ученик стремительно полетел вниз со страшной высоты. Но случилось так, что был на нем широкий плащ, застегнутый до низу, и ветер, надувшись в его полы, как под птичьи крылья, задержал падение и целым и невредимым опустил ученика посреди Нового рынка к величайшему изумлению множества народа. Получили ли товарищи часть причитающейся им добычи, теперь уж никто сказать не может. А в память о том чудесном событии поставили у кирхи каменный крест.

Литцензейское озеро в Шарлоттенбурге

Литцензейское озеро, вокруг которого в старые времена домов городских еще не было, и находилось оно в глухом лесу, бездонное. Сам достопочтенный господин фон Вицлебен мог в том убедиться, когда заблагорассудилось ему насыпать посередине одного остров. Сколько ни сыпали по его приказанию в озеро песку и глины, а все было напрасно, потому что песок и глина падали в бездну. Рассказывают, что в старину в водах Литцензейского озера пропала даже целая деревня по имени Литцов и потом рыбацкие лодки долго еще натывались на острокопечный шпиль литцовской кирхи и рыбаки теряли сети, то и дело застревавшие в той деревне. Вот почему рыбалка в Литцензее - нелегкое дело.

Алеф - Бет

Издание Центральной благотворительной организации евреев Германии (ZWST).

Redaktion "Alef-Bet"
Am Lehnitzsee 8A, Haus 2,
14476 Neu Fahrhad.
Tel. (033208) 680613

№ 2

Редактор:
А. Г. Ортлих:

Адрес Редакции:
Berlin, Bamberger Straße 39
Tel.: Kurfürst 1257

Художник:
С. В. Животовский.

1923 г.

В этом выпуске мы публикуем фельетон "Берлинские впечатления Пьер-О" из журнала "Новый Огонек" за 1923 год.

(печатается с сокращениями)

I

Три года в стране лесов и озер. В тихой, скромной, трезвой и целомудренной Финляндии.

И вдруг - Берлин.

Признаюсь - ошалел. <...>

Первое, что меня поразило, - это обилие детей и собак.

В скверах, на улицах, в окнах домов, - всюду дети, дети, дети. И собаки, собаки и собаки.

Дети это хорошо.

Это будущая сильная и молодая Германия.

У французов, конечно, и четвертой доли такого количества детей нет.

И эти немецкие дети, когда вырастут, еще покажут себя. А вот собаки... Это тоже хорошо, потому что немецкие собаки не дармоеды. Они и тележки возят, и слепых водят, и прекрасные сторожа.

Но... Немцы еще не додумались до специальных собачьих туалетов, и потому, гуляя по улицам Берлина, все время приходится смотреть под ноги... Это мне не понравилось.

Захотелось более чистых и возвышенных впечатлений.

И в первую же пятницу я отправился в Дом Искусств.

Ландграф-Кафе было переполнено.

"Какая смесь имен и лиц, племен, наречий, состояний". И среди них очень маленькая, но маститая фигура поэта Минского.

И такая же маленькая, но не менее маститая, фигура писательницы Венгеровой.

У входа меня задержала молодая поэтесса Гатида:

- Во-первых, десять марок, а во-вторых, рекомендация двух членов, - сказала она.

- Да вы не беспокойтесь, - обиделся я, - я человек вполне приличный, не напьюсь и сквернословить не стану.

- Нет, без рекомендаций нельзя, - строго заметила она.

Поискал глазами в публике и сейчас же нашел несколько литературных приятелей, которые поручились за мою благопристойность.

- Что же, - подумал я, - это, пожалуй, и хорошо... Чтобы в литературное собрание не ворвалась улица.

Я даже пожалел, что не привел с собой сына-подростка. Пусть бы послушал произведения молодых литературных сил.

Скоро началось чтение.

Читал молодой писатель Жакмон о том, как некий революционер Соломон вел в атаку против белогвардейцев рабочих в Одессе. Читал сначала ладно и складно, а потом: как шарахнет по публике таким словом, таким словом, что я от изумления чуть со стула не свалился.

Такие слова приходилось когда-то слышать где-нибудь разве на Лиговке среди ломовых извозчиков. Они наводили лишь на размышления: и причем тут ни в чем не повинная мать...

Но здесь! В центре Европы! В литературном обществе, среди дам, куда впускают лишь по рекомендациям двух членов...

Я только подумал: - хорошо еще, что не привел сюда сына.

- Э, батенька, - утешал меня сосед, - вы три года провели в финляндских болотах и от новой литературы отстали. Наконец, это здесь в первый раз, так сказать, последний крик моды в литературной словесности.

В следующую пятницу на эстраде появился этаким молодой черкес, который, как я узнал потом из его собственной автобиографии, - "родился в коровьем базу". <...>

Он стал в черкесскую позу, окинул слушателей победоносным взглядом и, желая подготовить эффект, изрек:

- Что же... Прочсть вам что-нибудь особенно нежное?

- Нежное, нежное, - послышалось несколько влюбленных женских голосов.

- Извольте: Обо мне говорят, что я сволочь..., - отчеканивает он начало стихов.

После черкеса вышел на эстраду режиссер Кроль и заявил, что поэт Парнах будет демонстрировать "искания новых движений в области движений". Вышло существо, о котором словами Щедрина можно было бы сказать: "Одна ноздря, а спины даже нет", и начало корчиться в предсмертных судорогах. Существо упало на пол и все-таки продолжало дрыгать ногами. Мне стало обидно: танец старый и известный в медицине под названием пляски святого Витта. Зачем же выдавать его

за какие-то искания "новых движений в области движений" <...>

II

Взял перо и неожиданно почувствовал в руке какую-то дрожь. А по спине точно мурашки забегали.

Это страх! Самый настоящий страх!

Более 30-ти лет проработал в печати при строгой царской цензуре. Рисовал карикатуры и на правых, и на левых, и на тех, которые между правыми и левыми пребывали, но никогда ничего не боялся и даже благополучно 24 года на государственной должности прослужил, чины и ордена получал.

А вот здесь боюсь. <...>

Здесь, в Германии, полная свобода печати, и счастливые немцы никаких цензоров не знают.

Но это только немцы. У русского же журналиста попрежнему на шее сидят цензора.

В Берлине три русские газеты, которые ежедневно, кроме понедельников, грызутся между собой. Недаром кто-то сказал, что в Берлине каждый понедельник - "Чистый понедельник". И когда спросили, - почему? Он ответил:

- Потому что по понедельникам не читают русских газет.

Вот в этих-то русских газетах самых противоположных направлений и сидят самозванные и свирепые цензора. Им не дано ставить кресты на барышню, сидящую у окна и любующуюся луной. Но если вы эту луну нарисуете на левой стороне неба, вас назовут большевиком, лакеем или прислужником палачей. Если луна окажется с правой стороны, обругают зубром и черносотенником. Словом: - Хвост вытащим, - нос увязнет; нос вытащим, - хвост увязнет.

Побывал я на докладе С. Н. Городецкого "Монархисты в национальном объединении".

Огромный "Kaisersaal" был переполнен монархистами, среди которых выделялась импозантная фигура Маркова 2-го. Я его не узнал. Раньше это был двойник Петра Великого. Теперь, благодаря отпущенной бороде, он больше похож на Шалапина в роли Бориса Годунова.

И только, когда он стал кричать и неистово колотить кулаком по кафедре, точь в точь, как это делал раньше в Государственной Думе, я убедился, что передо мною действительно настоящий Марков 2-ой. <...>

Здесь много говорилось о спасении русского народа, который гибнет от большевиков, холода и голода.

По моему подсчету в зале было около 2 1/2 - 3 тысяч элегантной русской публики. А вот на общее годовое собрание самого большого русско-благотворительного общества в Берлине (Общество 16-го года) из числящихся в нем 238 членов явилось... 42 человека. <...> Когда я одну весьма богатую даму спросил, почему она ввиду падения марки не увеличит свой членский взнос с 5-ти марок хотя бы до ста, она ответила:

- Да знаете, мне не нравится, что в этом обществе много жидов. Я ведь - националистка.

На средства общества 16-го года содержится Станица. Это трущобная ночлежка в роде знаменитой Петербургской Вяземской лавры... Когда не так давно у общества иссякли последние средства и оно очутилось перед необходимостью закрытия Станицы, положение спас еврей г. Хадыкель, пожертвовавший обществу 5 миллионов марок.

И глядя на многолюдное собрание националистов, я невольно подумал:

- Кто же вам поверит, что вы спасете 140 миллионов русского народа, если не желаете помочь и 140 своим соотечественникам, находящимся в трущобной ночлежке Берлина?

III

P. S. Я уезжаю в другое полушарие. Чувствую, что беспартийному и чуждому всякой политики карикатуристу работать здесь, под надзором 40.000 цензоров, трудно.

Еще до выхода первого номера "Нового Огонька" мои добрые знакомые допрашивали меня:

- А позвольте вас спросить, что вы нарисовали нового для этого журнала?

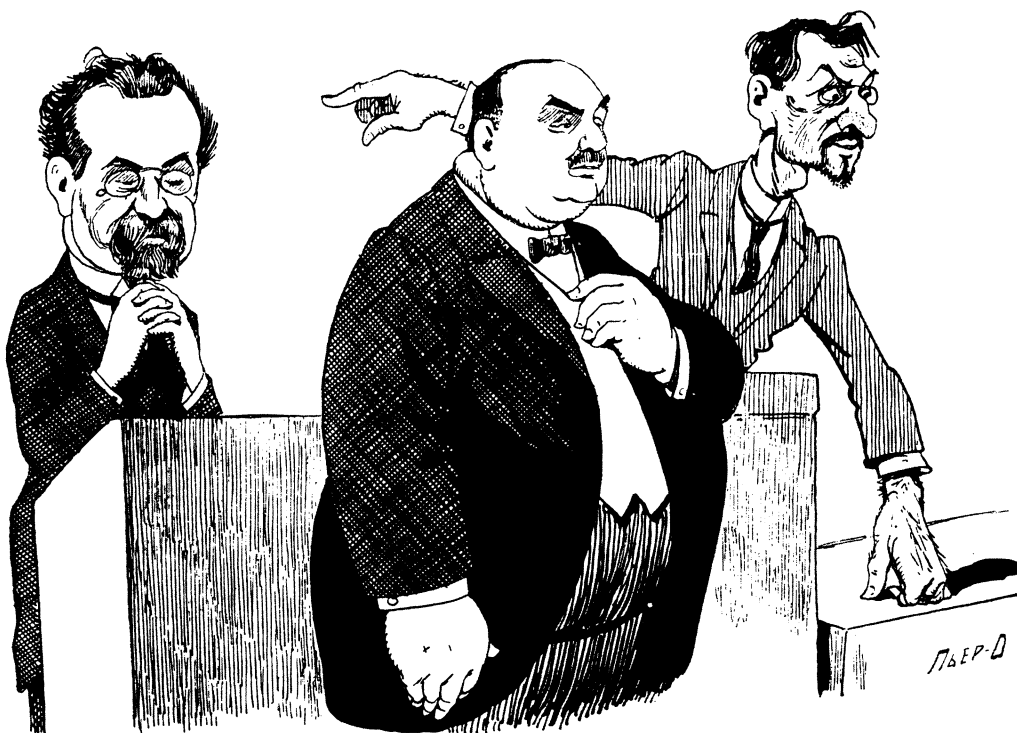
И я дрожащим от страха голосом отвечал: - Да вот, нарисовал появление трактора в России. И подробно описал содержание рисунка.

- Позвольте, позвольте, - слышу я уже прокурорский голос, - ведь это же восхваление Советской власти, при которой появились тракторы. Это символическая картина старой и новой России.

Я напоминаю о картине Прянишникова, появившейся еще при Николае первом. На этой картине изображен первый паровоз в России, который был остановлен, как нечистая сила, толпой крестьян с крестным ходом во главе.

- Эх, батенька, хватили, - слышу я в ответ. При Николае первом времена были другие, а теперь - не то.

- Ну, а Волгу с пароходом рисовать можно? - спрашиваю я со страхом.

Докладчик С. Н. Городецкий:

— Русский народ должен получить землю из рук монарха...

Голос из публики:

— Народ уже 300 лет ждал этого момента.

Н. Н. Чебышев:

— Господа, ведь мы черносотенцы, мы зубры...

Голос из публики:

— Н... да...

Неизвестный оратор:

— Моя фамилия? Но я уверен, что если-бы я запел здесь „Боже царя храни“, вы не спрашивали-бы моей фамилии...

Я ведь и Волгу нарисовал...
 - Волгу? Н.. да. Ну, Волга, конечно, и теперь течет.
 Только все-таки лучше было бы без парохода. Какие там пароходы у большевиков.
 Это осада справа.
 А вот, что я услышал слева, еще до выхода первого номера "Новый Огонек".

Желая узнать, будет ли пропущен журнал в Россию, я зашел в магазин "Книга" на Kurfürstenstrasse и показал там обложку с рисунком Кремля.

В магазине мне прямо сказали: - если будет печататься по новой орфографии и если не будет противосоветской пропаганды, - могут журнал и пропустить. - Только предупреждаем вас, что там, т. е. в России, цензура очень строгая. И взглянув на обложку, мой собеседник улыбнулся и заметил:

- Вот, знаете ли, я даже насчет обложки сомневаюсь.

- Да что же в этой обложке? - удивился я. - Кремль на Москве-реке и больше ничего.

- Не знаю, конечно, это мое личное мнение, но не слишком ли много церквей на рисунке? <...>

Вернулся я домой с тяжелым камнем на душе. Ночью решил слегка затушевать кресты на московских церквях на всякий случай.

А когда журнал вышел, мне передавали, что один крупный левый писатель в моей обложке увидел клевету на Советскую Россию, так как крестов с московских соборов никто снимать и не думал.

Вот тут и работай в своем любимом деле при таких условиях в самой гуще эмигрантской каши Берлина. Хотел сначала покончить самоубийством, а потом вспомнил, что есть еще другая половина земного шара.

Я уезжа-а-ю.

Довольно моей кровушки попили.

Будя.

Пьер-О.

In Reih und Glied

Плечом к плечу

Борис Хазанов

Чтобы понять, что такое литература, достаточно прочесть один роман. Чтобы постигнуть искусство парадов, мало увидеть военный парад. Надо отвлечься от всего постороннего: от славы, патриотизма, величия победителя и т.п.

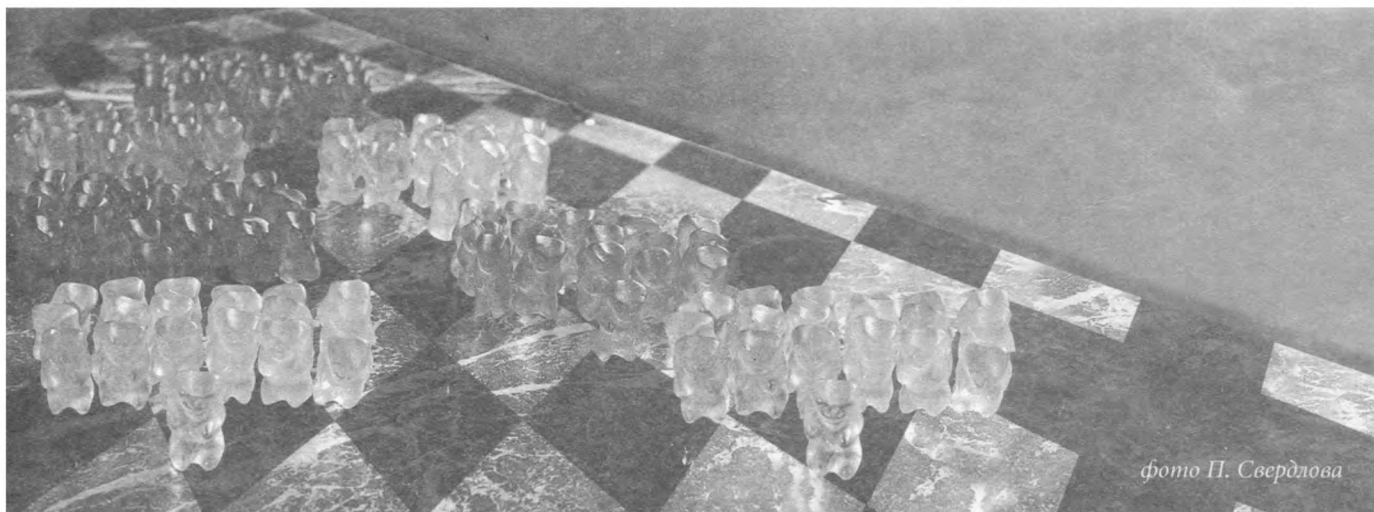
Моей дипломной работой в Академии государственных искусств были шахматы на площади. Кони были живые, слоны принадлежали известной цирковой труппе. Ладьи представляли собой подобию крепостных башен из раскрашенной фанеры на колесах. На высоких подвижных поста-ментах под знаменами стояли полководцы-ферзи, два короля, черный и белый, медленно передвигались, сидя под своими балдахинами, под звуки труб, а пешками были солдаты в шлемах и латах ландскнехтов. По обе стороны площади воздвигнуты были трибуны для публики, для удобства выполнения команд буквы и номера были начертаны прямо на клетках, что же касается шахматистов, то они находились с мегафонами, каждый со своей стороны, на специальных платформах; прибавлю, что меня совершенно не интересовало, кто выиграет.

Успех этой работы, а также некоторые другие обстоятельства открыли передо мной широкую дорогу; после кратковременной работы в одном похоронном бюро и двух-трех провинциальных театрах я занимался праздничным оформлением улиц, был назначен инспектором, а затем и главным декоратором столицы.

Не буду говорить о достижениях в этой области, о предложенной мною контурной иллюминации зданий, новой системе подсветки портретов и пр. Лучшие, наиболее продуктивные годы я смог отдать любимому делу - композиции парадов.

Многие считают, что я преобразил искусство парадов. Я скромно принимаю эту характеристику. Парад представляет собой синтез искусств: свет, цвет, звук, геометрия человеческих масс, динамика и гармония, пластика и мощь, обдуманное сочетание классической стройности и дисциплины с элементами модерна и даже авангарда, - да, я не стану отрицать, что эстетика современного парада не только нашла в моем творчестве наиболее совершенное воплощение, но по сути дела создана мною. Спросите: кто отец современного массового зрелища, кто возродил традиции античного народного театра, игр и шествий под открытым небом? Вам назовут мое имя... До сих пор обо мне пишутся диссертации. Изобретенный мною развернутый строй вошел во все руководства. Фильмы с моими работами демонстрируются во всем мире.

В качестве иллюстрации сошлюсь на большой военный парад по случаю 50-летия события, хорошо вам известного и о котором в данный момент нет надобности вспоминать. Дело ведь не в поводе. Повод мимолетен, искусство остается. Так вот: в чем главная особенность этой композиции, в чем ее оригинальность? Парад начинается с выступления конных барабанщиков, музыка смолкает, слышен только гром

барабанов. Они приближаются. Эскадрон построен клином, следом за двумя знаменосцами галопируют три всадника с барабанами по обе стороны седла, за ними шестеро и так далее, причем парад проходит не мимо публики, дипломатического корпуса и трибуны руководителей во главе с вождем, а движется навстречу им! Подъехав к трибуне, знаменосцы опускают свои штандарты... В свое время мне понадобилось немало усилий, чтобы убедить начальство в преимуществах моего проекта: в то время как художественный совет единогласно поддержал меня, а высшая контрольная комиссия, хоть и со скрипом, но дала свое согласие, чины госбезопасности забеспокоились. Меня выручили мои связи.

А затем знаменщики расходятся в стороны. То же делают два фланговых барабанщика, средний вольтижирует на месте, сзади подходят следующие; весь эскадрон разворачивается наподобие веера перед зрителями. Вступает музыка, две колонны военных оркестров расходятся в свою очередь, чтобы уступить место отряду пеших знаменосцев. После чего площадь на короткое время пустеет; звучат команды; весь дальнейший сценарий вы можете проследить на экране.

Еще один пример: одна из моих ранних работ... Обратите внимание на этот кадр. Шеренга, плечом к плечу, спускается с парадной лестницы Мемориала побед. Каждый шаг в точности совпадает с ритмом барабанного боя. Шаг - вспыхивающий блеск сапог - дробь барабанов. Барабаны - блеск сапог - ступенька. Достигнуто абсолютное единство пространства и движения, архитектуры и динамики, звука и света.

Можете ли вы мне объяснить, какое отношение это имеет к идеологии?

Я хочу еще раз подчеркнуть: не надо путать искусство с политикой. В моем лице вы имеете дело с художником. Эти руки привыкли владеть пером и кистью. Они умеют обращаться с чертежной линейкой, но никогда не касались ножа или карабина. Против меня выдвинуты фантастические обвинения, мое честное имя вываляно в грязи, раздаются требования изъять из библиотек мои теоретические труды. Дело дошло до того, что кое-кто снова, уже в который раз, вознамерился возбудить против меня судебное дело. Меня хотят упечь в тюрьму. Интересно было бы узнать, где были в те времена эти обвинители!

Не исключено, что они сами были активными пособниками режима, повторяю, активными пособниками - в отличие от меня. А теперь пытаются отвлечь внимание общественности от своего неприглядного прошлого. Старая тактика - вор кричит: "Держи вора!" Но я предпочитаю не обращать внимания.

Позволю себе заметить, что на протяжении всей своей истории искусство пользовалось покровительством власти. Так было всегда и везде. Но это не значит, что оно ей служило! Искусство служит людям и самому себе. Напомню, что я даже не был членом партии. Будучи всего лишь скромным композитором парадов, я не имел права находиться на трибуне. Я никогда не читал произведений вождя! Не говоря уже о классиках революционного учения. Я работал, у меня не было времени этим заниматься. Я не совался в политику. Мне было абсолютно неинтересно, что там написано на всех этих плакатах и транспарантах, что выкрикивали в репродукторы зычные голоса. Свет, цвет, звук, геометрия человеческих масс, стройность рядов и выверенность движений, одним словом - искусство. Вот что было главным, вот что составляло суть и душу моих композиций. Вот задачи, которые я решал.

На меня хотят взвалить ответственность за то, что не имело ни малейшего отношения к моему творчеству. Поставим точки над *i*: ответственность за злодеяния режима. Какой абсурд! Я глубоко сочувствую судьбе погибших. Но я узнал о них только сейчас. В конце концов, мы жили в цивилизованном государстве, где существовали определенные законы, которые надо было уважать. Ошибки, конечно, везде возможны, - назовите мне государство, общество, где царит полная справедливость, нет такого общества! Я полагаю, что если кого-то арестовали, значит, для этого есть основания. Я никогда не слышал о концлагерях! Мы, люди искусства, живем в особом мире - в мире наших замыслов, наших грез. Согласен, это можно поставить нам в вину. Но тогда уж будьте последовательны: обвиняйте искусство - в том, что оно верно самому себе.

Литература, философия, - там другое дело. Ответственность писателя за свои слова очевидна. Но для того, чтобы постигнуть искусство парадов, необходимо забыть о лозунгах, отбросить шелуху слов. Ибо в своей глубочайшей сути оно не имеет с ними ничего общего.

Нисхождение

Вагум Фэгун

Фигуры из учебника геометрии можно вертеть по-всякому без ущерба для них, а знаки из другого учебника, плюс и минус, неравноценны лишь в философском смысле, и, глядя на наклонные плоскости и линии, нетрудно вывести, что восхождение иной раз совершается и вниз. То, что Христу пришлось нести свой крест в гору, - обстоятельство, определенное выбором места события: произойди последнее на другом материке, и крестный путь мог пролечь иначе - по крутому спуску на дно, например, Большого Каньона; люди, бывающие в горах, знают, что тогда он оказался бы труднее стократ. При этом смысл действия нисколько не пострадал бы: вопреки малой геометрической правде и расхожим представлениям, спуск приближал бы не к преисподней, но к небу. Сама его, нисхождения, нисхождения ли тяжесть подтверждает это, ибо, как известно, дорога в ад оставляет совсем другое впечатление: хорошо вымощенная, она легка и приятна.

Нынче цинизм и точные науки преуспели так, что уже мало кто знает, куда нести свой крест, несут же - все, хотя найдется немало таких, что считают мучениками одних себя. Собственное мученичество невыносимо, чужое - невидимо: такова болезнь зрения, не врожденная, а нарочно воспитываемая дурными наставниками, в России ее культивировали три четверти века, и уже вымерло поколение, помнившее времена, когда люди были зрячими.

Летописцам у нас неспроста не давали рассказывать о темных сторонах бытия - не потому, что, по принятому объяснению, это была бы клевета на светлую советскую действительность, в которой, по определению, нет места страданию, а для того, чтобы отучить читателей от *со-страдания*. И отучили - так хорошо, что довели народ до одичания и, значит, до нищеты и ожесточения. Делалось это плановым изведением культуры, то есть всего того, что зиждется как раз на сострадании и поисках истины. Силою ее нельзя было бы уничтожить полностью, до вакуума, а лишь - свято место пусто не бывает - заменить чем-то другим, равным по массе и противоположным по сути. Это противоположное оказалось замещенным на невозможных в прежние времена началах - на безразличии к боли ближнего и на повальной лжи. Как освобождать то самое святое место, власть имущим было ясно на десятилетия вперед, и они точно рассчитали первый удар, нанеся его по основанию всякой культуры - по религии.

Здесь имеет значение не исход спора о существовании Бога, а наличие атмосферы нетерпимости к греху, ее-то и рассеяли в нашем государстве, причем - на удивление легко: чернь быстро смекнула, что выживет и насытится, лишь не будучи связанной нормами морали. В среде атеистов уже не стало нужды помнить о неизбежности ответа за проступки перед всевидящим Господом, соплеменники же могли и простить виновного по-свойски, и вообще не заметить прегрешения, а не пойман, как известно, - не вор. Кстати, именно воровство и воспрянуло в первую очередь, воровство и хамство, сладкая парочка, зато исчезли из обихода понятия чести и совести (в том числе и так называемой рабочей), так что давно уже нигде не слышать старорежимного "сделаю на совесть", а коли так, то вполне можно утверждать, что наше хозяйство рухнуло именно из-за одичания народа, начавшегося с обращения в неверие).

С запретом религии падению нравов не осталось естественных помех, кроме косности привычек и памяти, но и те ушли вместе со стариками, после чего из молодежи возможно стало лепить что угодно, внушая перевернутое отношение к добру и злу - выращивать невиданную породу, у которой "вместо сердца - пламенный мотор". Я помню, как в юности вместе со сверстниками увлеченно выпевал эти чудовищные слова; другие песни были не лучше, равно как и книги, и фильмы, и живописные полотна, вместе создававшие над шестой частью земной суши новую атмосферу нелюбви к ближнему.

Неграмотным нормы нравственности внушаются поведением, прочим их доносит искусство (нынешнее участие в этом прессы в принципе не меняет картины), нормы безнравственности переносятся точно так же, но с переменной знакой во всем. Новое искусство страны Советов открыто сдружилось со знаком минус, и это нельзя стало просто принять к сведению, продолжая свою работу вне него, собственным методом - такое означало бы голодную, а то и насильственную смерть. Обстоятельства жизни и невольные заблуждения вынуждали к сотрудничеству, и большинство не покинувших среду литераторов, художников и музыкантов внесло свою лепту. Казалось поэтому, что большевистскому искусству все карты были в руки - и что же? Оно не оставило шедевров. При нынешней доступности обозрения его пространств взгляду открывается серая равнина, пересеченная одними оврагами - малейшие возвышенности, не говоря уже о снежных вершинах, лежат за ее пределами. Разница разительна: если там, вдали - Набоков, то на равнине - Кочетов или Проскурин, если о Христе - то Булгаков, но если о Ленине - то сегодня и не припомнить хотя бы кого-нибудь из полчища авторов пресловутой ленинианы. Эти особенности физической географии сохранились по сей день. Удивительно, как уровень бездарности оказывается связан с политикой: настоящие мастера занимаются своими природными ремеслами и по сей день, а обделенные талантом занялись дозволенными кознями, и эти две группы не перемешиваются. Невольно начинаешь думать, что нигде не существует разных политических взглядов как равноправных правд - их выдумывают функционеры, - а действует единый мировой закон, видимый не всякому, а лишь поднявшемуся на ступень; согласно этому закону, злой человек не бывает художественно талантлив, и правду глаголют лишь уста одаренного. Ослепленным политикой не понять, отчего придуманная ими культура получилась такою - социалистической по содержанию и убогой по форме. При размышлениях над этим феноменом приходит на ум ренаровское "Плохой стиль - это несовершенство мысли", более точное, чем, о том же, "Краткость - сестра таланта". Совершенством самой этой формулы можно любоваться, как преломлением света в кристалле; но сейчас важно другое. Лживая мысль не может быть совершенною, оттого что часть слов в ее записи неизбежно затрачивается на сокрытие истины. Наличие лишних слов - бесспорный изъян стиля, операции с ними для придания подлой фразе блеска, как правило, не удаются: стоит тронуть одно, как припрятанная фальшь тотчас проступит наружу. Здесь безобразие стиля не зависит даже от одаренности сочинителя: и выдающийся та-

Коротко об авторе

Вадим Фадин родился в 1936 году в Москве, учился в авиационном институте. В московской периодике печатается с 1963 года, но на прохождение его первой книги в издательстве "Советский писатель" ушло двадцать лет, а роман "Снег для продажи на юге" не был пропущен цензурой. Член Союза писателей, автор книг "Пути деревьев" и "Черта". Постоянно сотрудничает с журналами "Новый мир", "Стрелец", "Арион" и другими. Известны его переводы эстонской и итальянской поэзии. Живет в Берлине, где на русском телевидении ведет программу "Берлинский круг чтения".

лант, начав лгать, выдает себя дурным письмом. Классический пример - творчество Маяковского.

Итак, в просоветской культуре не найти поэтов; их отсутствие там объяснено выше. Но естественно существование оных на страдающей стороне: Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Цветаева, Ахмадулина, Бродский... При всем неприятии списков и "обойм" - каков ряд! Кажется невероятным, что столько прекрасных поэтов могло жить в одном веке в одной стране.

То же относится и к прозаикам: некого противопоставить Бунину, Булгакову, Набокову, Битову, Горенштейну... Это перечисление легко продолжить, противное - не удается начать.

Излишне объяснять, что приведенное противопоставление грозит остаться справедливым и перекинувшись в новый век - достаточно сравнить списки писательских союзов, размножившихся ныне.

Для наставников и соглядатаев, стоявших за нашими спинами и невпопад бубнившими под руку, главным в искусстве было не как, а что: их, самих не профессионалов ни в чем, устраивал уровень фабричной самодеятельности. Им вторила и критика, предпочитавшая не оценивать степень владения инструментом, а пересказывать сюжеты, выискивать умыслы, приписывать убеждения и предсказывать последствия. Не счесть публицистов, зачисленных ею в прозаики и в поэты, не счесть похвал графоманам, которые всего лишь угадали тональность. Этим критикам словно невдомек было, что при неумении писать самые прекрасные замыслы и благие намерения остаются невоплощенными либо извращаются: плохой стиль - это несовершенство мысли, и писец, не владеющий пером, пишет в конце концов не то, что хотел, и не то, что есть правда, а лишь то, что удалось хоть как-то слепить. Это особенно заметно в русской поэзии, живущей в жестких рамках рифм и размеров: рифма заставляет подлаживаться к себе, но для того и потребно высокое мастерство, чтобы привлечение неожиданных рифмующихся слов привело не к пропаже исходной мысли, а к интересному ее повороту. Гений, как мы давно согласились, - парадоксов друг.

Поэтому не стоит читать стихов с простенькими глагольными рифмами.

Мне возразят, что это дело вкуса, - поспорим, вкус есть функция ума. К безвкусице приложится все то же: несовершенство мысли. От дикости и большей нищеты, помимо быстрых средств, есть и такое: воспитание вкуса. Этим занимаются создающие искусство (будем говорить - поэты, имея в виду и всех прочих художников), но печально, что критики и судьи и ныне не считают это своим делом. При всем сострадании к слабым, кто-то все же должен называть графоманов графоманами - не для того, чтобы перекрыть тем кислород, а для того, чтобы публика за ними сумела разглядеть и других - мастеров. Кто-то должен вывести неискушенных зрителей с выставки плаката и, проводив в художественную галерею, указкой направить внимание. Или в следующем

зале остановиться у полки и, раскрыв наугад, прочесть вслух пусть всего две строчки, но таких, где ни слова ни убавить, ни прибавить - настолько законченного для слуха и зрения кажется картина, - что-нибудь вроде:

Гулко бульжник обрушивши, лошадь
Глухо въезжает на мокрый песок...

Но так можно перечитать всю классику.

Столько раз повторяли: "Красота спасет мир", - что это стало казаться излишней гиперболой, в то же время трудно посчитать преувеличением обратное: его погубит уродство. Поэты - на них надежда.

Красота - это, видимо, совершенство стиля. Те, кто не умеет достичь кристальной ясности письма, скажут с усмешкой, что погоня за таким совершенством непременно сведется к игре слов или словами - к искусству ради искусства. Но лишь такие игры и приводят к высшим достижениям реализма, оттого что поэты и философы играют не записями слов, а их значениями: не буквами, а смыслами. К тому же всякий мастер, если он мастер, тонок в своем деле и не позволит игре слов переродиться в игру в бисер.

Призывы заботиться о стиле могут показаться и наивными, и смешными - подобиями забытых, слава Богу, "починов" хрущев-брежневской поры, когда время от времени некие избранные пролетарии вдруг выступали с заявлениями типа: "Давайте работать только хорошо", - как если бы для трезвых людей это не разумелось само собою. Это и в самом деле выглядело бы и наивным, и смешным, когда бы в нашем случае сюжет не повторялся, как говорят среди инженеров, "с точностью до наоборот", теперь призыв обращен не к производителям продукции, а скорее к ее заказчикам: их, покупателей, доброта дорого обходится обществу, даже и нечитающей его части.

Между тем, "поэт в России больше, чем поэт..." Завистники и шпана оспаривают это, твердя, что - меньше, чем, и попутно порываются указать поэтам их место - в особых, из слоновой кости, башнях строгого режима, публике же хотят внушить, что время поэзии прошло, и поэту теперь уже не быть пророком и властителем дум. Они боятся, если внушение не подействует, не совладать с новыми поэтами, как не совладали в свое время с Высоцким и Окуджавой, незаметно расшатывая основы верноподданничества. Нет, господа, если поэт в России и не больше, чем поэт, то потому лишь, что больше - нельзя, некуда.

Слову мастера нет цены, потому что за ним стоит совершенство мысли.

Положение мастера опасно. Те, кому недоступны вершины стиля, непременно сделают когда-нибудь то единственное, на что они способны: вспомнив историю, найдут подходящего Иуду и с его помощью предадут суду того, кто больше, чем поэт. Учтя пожелания трудящихся, на него взвелят тяжелый крест и погонят по крутой дороге, на Голгофу ли или на дно Грэнд Кэнион - уже не имеет значения.

К 200-летию А. С. Пушкина

"Скупой рыцарь" и "История села Горюхина" А. С. Пушкина

*Посвящаю моему прадеду
пушкинисту Н. О. Лернеру*

Мина Попянская

Пожалуй, чуть ли не главной причиной высылки Пушкина из Одессы было перлюстрированное властями письмо поэта к Вяземскому в апреле 1824 года. В нем Пушкин сообщил своему другу, что "Святой дух" (он читал в это время Библию) ему, конечно, по сердцу, но что он, тем не менее, предпочитает этой теме Гете и Шекспира. Он также сообщил Вяземскому (и властям!), что берет уроки "чистого афеизма" у одного умного англичанина, который логично и разумно, по оценке Пушкина, отрицает бессмертие души.

Если посмотреть на одесско-михайловскую историю пушкинской биографии "свежим взором", можно обнаружить, что все прочие причины его конфликта с властями уходят на второй план, а религиозная выдвигается на первенствующее и весьма грозное место. И тогда становится ясно, почему родители, встретившие сына в Михайловском, упрекали его именно в безбожии, а, скажем, не в легкомыслии на службе у Воронцова, любовных историях и так далее.

"Утверждают будто я проповедую атеизм сестре - небесному созданию - и брату - дурашливому юнцу", пишет он Вяземскому. Жуковскому он сообщает: "Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие". Родители в конце концов покинули сына, оставили одного в глуши, в изгнании, о котором Вяземский писал: "Кто творец этого бесчеловечного убийства?"

Впоследствии неприятности у поэта на почве религии будут продолжаться. И это неудивительно в государстве, декларировавшем "самодержавие, православие и народность". Невинный стих в седьмой главе "Евгения Онегина" "И стаи галок на крестах" вызвал со стороны митрополита Филарета жалобу к Бенкендорфу на "оскорбление святыни". А в 1828 году Пушкин вынужден был отказаться от авторства "Гавририады" (грехи молодости) - злопамятные власти готовили очередное "религиозное наказание" - да так убедительно отказался, что мы теперь вправе сомневаться в том, что он ее написал. Пушкин никогда, ни до, ни после конфликта в связи с "Гавририадой", не отказывался от ранее им написанного.

Итак, у Пушкина была не только неблагонадежная политическая репутация, но и религиозная. Об этом следует помнить, читая трагедию Пушкина "Скупой рыцарь". Выбрав в качестве центрального персонажа трагедии иудея, поэт оказался в очень нелегком, двойственном положении.

Впрочем, уже у Шекспира была подобная ситуация. И он находился на тонком "идеологическом льду", когда писал "Венецианского купца". (Существует мнение, что Шекспир написал антисемитскую пьесу. Гейне это отрицал хотя бы потому, что Шекспир отступил от традиции изображать евреев в изуверском виде. То же самое можно сказать и о Пушкине.) Дело в том, что верующие евреи вообще были лишены права жительства в Англии с конца 13 века и вплоть до времен Кромвеля (середина 17 века). Особенно остры были нападки на евреев в шекспировские времена. В художественных произведениях ("Руководство красноречия" Сильвина, "Мальтийский еврей" Марло) евреи совершали ужасающие предательства и жестокости. И лишь в одной пьесе (1584 г.) "Три лондонские дамы" был выведен поражающий своим душевным благородством еврей. Но автор не решился назвать своего имени, пьеса оказалась анонимной. Можно предположить, что среди потока злобы и ненависти комедия Шекспира могла выглядеть даже позой, вызовом общественности. То же самое хотелось бы сказать и о Пушкине и его трагедии "Скупой рыцарь".

Антисемитская традиция в русской литературе (так же, как и в английской) имеет давнюю историю, она добротная, с многовековой выдержкой. Одно из первых антииудейских произведений древней Руси "Архивский хронограф" появилось уже в 12-м веке. Автор "Хронографа" пользовался, по всей вероятности, византийскими образцами. Что же касается антисемитской литературы начала 19 века, она опиралась не столько на "отечественную продукцию", сколько была переполнена западноевропейскими заимствованиями. Всякий литературный филосемитизм в России пушкинской поры расценивался, по утверждению С. Дудакова, как проявление оппозиционных, даже антиправительственных настроений. Так, например, "крамольным" был назван "Зерубавель", написанный лицейским товарищем Пушкина В. Кюхельбекером.

Хотелось бы упомянуть еще одно произведение русской классики, в котором еврейская тема занимает центральное место - написанный в 1814 году (тогда вышли первые три части) роман В. Нарезного "Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврила Симоновича Чистякова". В своей книге "История одного мифа" С. Дудаков называет Нарезного первым русским писателем-филосемитом. В самом деле, евреи в романе Нарезного Янька Янькелевич и "прекрасный Иосиф" - единственные положительные герои. Более того, автор противопоставляет их русскому народу в целом, во всех его ипостасях: дворянству, чиновничеству, крестьянству.

Пушкин, несомненно, был знаком с этим нашумевшим произведением. Знал он и о реакции на него царской цензуры. В 1814 году, сразу же после выхода в свет, роман был изъят из обращения. Впоследствии он запрещался дважды - в 1835 и 1841 году. Особый интерес представляет для нас приговор цензора (цитирую по С. Дудакову): "В целом романе все без исключения лица дворянского и высшего сословия описаны самыми черными красками; в противоположность им многие из простолюдинов, и в том числе жид Янька, отличаются честными и неукоризненными поступками".

Поистине, уничтожающая характеристика книги. Заметим, однако, что пытаясь скрыть антисемитскую подоплеку запрета книги, цензор приврал. "Простолюдины" в романе Нарезного также "описаны самыми черными красками", - все, за исключением евреев.

Подобное, хотя и тщательно завуалированное противопоставление еврея русскому "простолюдину" мы обнаруживаем также у Пушкина в "Истории села Горюхина". Пушкин в этой повести от лица Ивана Петровича Белкина описывает горюхинцев, ведущих примитивное полудетское существование, поистине карикатурно. Горюхинцы, за исключением одного - земского Авдея, который читать умен, безграмотны. Летописи, правда, по сообщению автора, упоминают об еще одном "земском Терентии, жившем около 1767 г., умевшем писать не только правой, но и левой рукой".

Автор отмечает и языковые особенности "народа своего": "Язык у них есть решительно отрасль славянского". Белкин постоянно подчеркивает этническую принадлежность горюхинцев, их славянское происхождение. В качестве этнобытовой картинки дается описание их одежды, которая состояла из рубахи, надеваемой поверх порток, что, по мнению бытописателя, есть отличительный признак их "славянского происхождения". Из истории села мы узнаем также, что жили когда-то горюхинцы хорошо, "оброк собирали единожды в год и отсылали неведомо кому на нескольких возах".

Слова "отправляли неведомо кому" на самом деле - настоящее издевательство над системой крепостнического уклада. Собственно, и роковое письмо, в котором сообщается, что управлять горюхинцами будет не выборный народный староста, а приказчик (что и приведет их к полному обнищанию), придет им от неведомо кого. Оно будет подписано "NN". Естественно, что NN - это некто Белкин. Однако, если бы сам самозванный Чичиков въехал на бричке со своим указом, и ему покорились бы горюхинцы.

Итак, в день Храмового праздника, когда горюхинцы были изрядно навеселе и беззаботно слонялись по улицам, въехала "плетеная крытая бричка... на козлах сидел оборванный жид, а из брички высунулась голова в картузе и, казалось, с любопытством смотрела на веселящийся народ". Впрочем, народ ничуть не встревожился этим внезапным появлением. "Жители встретили повозку смехом и грубыми насмешками (...Свернув трубкою воскрая одежд, бе-

зумцы глумились над еврейским возницею и восклицали смехотворно: "Жид, жид, ешь свиное ухо!.." Летопись горюхинского дьячка.)".

Отметим, что образ еврея-возницы связан еще с одним известным произведением пушкинского времени. Это мистический роман А. Вельтмана "Странник", написанный в 1831 году. Характерно, что это также, как и роман Нарезного, "филосемитское" произведение. В романе Вельтмана главный герой, Странник, отправляется за "неведомой девой" в сопровождении еврейского извозчика Берка. Интересно, что образы еврея-возницы у Пушкина и Вельтмана появились, на первый взгляд, независимо друг от друга. Пушкин написал повесть "История села Горюхина" в 1830 году, то есть за год до выхода в свет романа "Странник", и не публиковал ее. Впервые повесть была опубликована в 1837 году уже после смерти поэта. Можно, однако, предположить, что почти одновременное появление образа еврея-возницы у Пушкина и Вельтмана не случайно. Вельтман был приятелем Пушкина - они познакомились еще в Кишеневе. Сразу же после написания своего романа Вельтман послал его Пушкину, которому роман понравился. Пушкин собирался писать на него рецензию, но почему-то этого не сделал. Как бы то ни было, помимо переклички с произведением Вельтмана, очевидна связь пушкинской повести с романом Нарезного. Пушкин в "Истории села Горюхина" не только противопоставляет еврея горюхинцам, но изображает его жертвой издевательств.

Те, кого можно купить, продать, обменять, женить, избить, глумятся над относительно свободным человеком (купить, продать еврея нельзя), и оттого сцена горюхинской народности приобретает особую драматичность. Сцена с еврейским возницей написана в пушкинской повести от лица горюхинского дьячка. Это не случайно. Примечательно то, как описывает ее служитель церкви. Его летопись написана в традиционно православном стиле.

При внимательном чтении мы можем услышать в его сообщении очень знакомый мотив. Перечитаем узнаваемые строки: "...безумцы глумились над еврейским возницею..." В русском переводе известное сообщение в Евангелиях от Марка и от Матфея об издевательстве народа над Христом звучит так: "Проходящие злословили его..." Совершенно очевидно, что слова "глумились" и "злословили" здесь почти синонимы.

Так евангельской реминисценцией Пушкин как бы поднимает еврея из его тщедушной оболочки и нищенского тряпья - жертву "смеха толпы холодной", толпы, которая не ведает, что творит.

Дальнейшее поведение горюхинцев - также плод их "детской резвости". Когда будущий приказчик (и, кстати, будущий душегуб) вошел в "приказной дом", то еврей последовал за ним с его маленьким чемоданом. Для горюхинцев явление иудея, вероятно, было большой редкостью. Пушкин пишет, что они "с безмолвным изумлением смотрели на сие необыкновенное происшествие, но вскоре бричка, жид и незнакомец были забыты".

Смена местной власти принесла горюхинцам голод и нищету. "И день храмового праздника сделался, по выражению летописца, не днем радости и ликования, но годовщиною печали и поминания горестного". Трудно сказать, какой символический смысл вложил Пушкин в сцену явления иудея народу именно в день храмового праздника. Что принес (привез?) горюхинцам еврейский возница, несчастье или справедливое возмездие? В контексте шуточного пушкинского "Гусара", где на шабаше ведьмы венчают жида с лягушкой, принадлежность жида к нечистой силе очевидна. А неоконченная повесть "История села Горюхина" остается для нас загадкой.

Примеры "Жиль Блаза" Нарезного, "Странника" Вельмана и конфликт Пушкина с властями проливают особый, "эзопов" свет на все творчество поэта и, конечно же, на его трагедию "Скупой рыцарь". Хорошо понимая политическую ситуацию в советской России, мы нередко как должное воспринимаем метаморфозы "отрицательных" персонажей советской литературы, оказывающихся в итоге самыми симпатичными. Приведу только пример афериста, "отрицательного" персонажа Остапа Бендера из "Двенадцати стульев". В то же время, мы слишком часто упускаем из виду, что аналогичные ситуации складывались и в России прошлого столетия.

Мысль о том, что трагедия Пушкина "Скупой рыцарь" связана с шекспировской традицией, прослеживается у многих исследователей, в частности, у Н. О. Лернера. Интересно, однако, что он в своей книге "Рассказы о Пушкине" в очерке "О "Скупом рыцаре"" вспоминает и трагедию "Макбет", и трагедию "Гамлет", и "Генриха VI" и т.д. О "Венецианском купце" он не пишет ни слова. Может быть, он обходит стороной эту пьесу умышленно?

Связь между шекспировским Шейлоком и пушкинским Соломоном очевидна. Оба они, и Шейлок, и Соломон, - ростовщики (в европейских странах, где они жили с рождения, их считали тем не менее иностранцами - по закону об иностранцах и был осужден Шейлок - своей земли они иметь не могли, поэтому занимались, как правило, посреднической деятельностью). Как в комедии Шекспира, так и в трагедии Пушкина мы обнаруживаем характерную зеркальную симметрию персонажей. Обоим персонажам, и Шейлоку, и Соломону противопоставляется свой, так сказать, "параллельный" ростовщик. Двойник-антипод Шейлока - это венецианский купец, Соломона - скупой рыцарь, который также занимается ростовщичеством.

Надо сказать, что нелюбовь к ростовщикам - давняя литературная традиция. Пушкину, так же как и Шекспиру, эта нелюбовь досталась в наследство от собратьев по перу.

В "Разговоре с Данте" Мандельштам писал: "Ростовщичество, восполнявшее недостаток банковской системы, в которой уже чувствовалась настоящая потребность, было вопиющим злом того времени, но также необходимостью, облегчавшей товарооборот Средиземноморья. Ростовщики позорили в церкви и в литературе, и все же к ним прибегали. Ростовщичеством промышляли и благородные семейства - своеобразные банкиры с земельной, аграрной базой - это особенно раздражало Данте".

В 11-й песне Ада (Inferno) Вергилий разъясняет Данте, чем так плох ростовщик:

... Как ты должен знать
Из книги Бытия, Господне слово
Велело людям жить и процветать.
А ростовщик, сойдя с пути благого
И самую природой пренебрег
И спутником ее, ища другого.

В 1834 году Пушкин вслед за Данте представит нам свой Ад ("И дале мы пошли..."), состоящий из двух песен, одна из которых будет посвящена теме ростовщичества. Пушкинский Вергилий говорит:

Одно стяжение имев всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик
И их безжалостно крутил на вашем свете.

В комедии Шекспира еврей Шейлок появляется впервые в третьей сцене первого акта, а в трагедии Пушкина еврей

Соломон является в первой. Оба заимодавца тут же подвергаются оскорблениям со стороны просящих взаймы. Венецианский купец Антонио заявляет, что, в отличие от Шейлока, денег под проценты никогда не дает, он одалживает деньги без процентов, он - не ростовщик. Апологет христианства, Антонио от имени всего христианского мира судит и унижает иноверца, называет его псом.

Антонио

Тебя опять готов я так назвать,
И плюнуть на тебя и пнуть ногою.
Коль хочешь дать нам денег, так давай их
Не как друзьям...

Ругань Антонио носит почти ритуальный характер, она вполне вписывается и в рамки комедийного жанра, и в литературную традицию шекспировской эпохи. Что порождает в шекспировском произведении - это образ Шейлока. Шейлок в пьесе бросает на суде вызов христианам. Но персонаж-Шейлок "замахивается" на большее, вырывается и из антисемитской литературной традиции, и из условностей комедийного жанра, превращаясь в трагедийного героя.

Купец Антонио дразнит, злословит еврея, и тем самым способствует тому, чтобы заключилась жуткая сделка со злощастным фунтом человеческого мяса. Впоследствии, на суде, Шейлок не сможет отказаться от сделки из страха нарушить клятву. (Заметим, что нарушение клятвы в иудаизме считается тягчайшим грехом. Шейлок, также следуя еврейской традиции, избегает слова "Бог", которое запрещено произносить, и заменяет его словом "небо").

А клятва? Клятва? Небу дал я клятву!
Так неужель мне душу погубить?

В первой сцене "Скупого рыцаря" слуга Иван сообщает Альберу, что ростовщик Соломон больше денег не дает взаймы и просит заклад. Затем появляется и сам злополучный еврей и возмущенный рыцарь говорит ему:

Проклятый жид, почтенный Соломон,
Пожалуй-ка сюда: так ты, я слышу,
Не веришь в долг.

Хорошее начало для хорошего разговора! На первый взгляд Соломон как будто не реагирует на грубый тон просителя и его оскорбления. Он заявляет, что денег у него нет. Однако рыцарь Альбер не унимается и продолжает оскорблять еврея, упоминая ту самую злополучную свинину, которую не следовало бы в его присутствии упоминать, если уж так необходимы деньги. Средневековый рыцарь также, как и венецианский купец эпохи Ренессанса, не дипломатичен.

Что дам тебе в заклад? свиную кожу?
Иль рыцарского слова
Тебе, собака, мало?

Собственно, именно после упоминания "свиной кожи" Соломон начинает говорить иначе, а направление разговора меняется. Поскольку ростовщик догадывается о подсознательном желании Альбера убить своего отца, он начинает вести диалог так изощренно, что подталкивает Альбера на словесное признание в этом.

Вот как он это делает. Вначале он осторожно замечает, что слово рыцаря (Альбера) в качестве залога "много значит", когда он жив, ну, а если умрет рыцарь "(Боже сохрани!)", тогда в моих руках оно подобно будет Ключу от бро-

шенной шкатулки в море." Простодушный Альбер почти выдает себя, он испуганно восклицает: "Ужель отец меня переживет?"

Жид

Как знать? дни наши сочтены не нами,
Цвел юноша вчерашний, а нынче умер,
И вот его четыре старика
Несут на сгорбленных плечах в могилу.
Барон здоров.
Бог даст - лет десять, двадцать,
И двадцать пять, и тридцать проживет.

Альбер ужасается - зачем ему наследство через 30 лет, золото барона, которое "спокойно в сундуках лежит себе", ему нужно сейчас.

Жид

Да, на бароновых похоронах
Прольется больше денег, нежели слез.
Пошли вам Бог скорей наследство.

Альбер

Амен.

Амен - то есть, - да будет так - вырвалось нечаянно у Альбера. Таким образом, он выдал себя, признался в том, что ждет смерти отца. А еврей добился желаемого результата.

Пушкин писал о шекспировском еврее: "Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив". Но пушкинский Соломон сметливее - и мстительнее. Вернее, его мстительность более результативна, и потому, в отличие от Шейлока, он не потерпит никакого краха и, уж конечно, не лишится своего имущества. (Более того, он скоро вернет себе то, что рыцарь ему должен. Барон вскоре после этой сцены умрет и оставит сыну в наследство, кроме всего прочего, шесть сундуков золота.)

Вернемся однако к тексту. После того, как Альбер произнес "Амен", жид тотчас подхватил: "А можно б...". Но не успел сказать, что именно "можно б", так как Альбер нетерпеливо перебил его: "Что?". Еврей собирался предложить молодому рыцарю яд для отравления отца, но тот как будто уже ждал "доброго" совета для осуществления заветного желания.

Пока беседа носила иносказательный характер и велась "эзоповым языком", Альбер в ней активно участвовал, но когда предложение яда прозвучало открыто, он возмутился. Он полон праведного гнева:

Как! отравить отца! и смел ты сыну...
Иван! держи его. И смел ты мне...
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змей! что я тебя сейчас же
На воротах повешу.

Жид знает, что рыцари чувствительны и экспансивны в вопросах нравственности и кодекса чести, он готов к такому гневу рыцаря и говорит, что денег принес. А деньги, что интересно - сотня червонцев - оказывается, на всякий случай, при нем были!

Однако дело сделано: первая сцена драмы (и спектакль, нарочно устроенный евреем), явилась катализатором для

предстоящего конфликта во дворце герцога, который закончится смертью отца.

Альбер

Вот до чего меня доводит
Отца родного скупость! Жид мне смел
Что предложить

Затем он отправляется к герцогу ("пойду искать управы у герцога"), где и примет вызов, поднимет перчатку, брошенную ему отцом, согласится на дуэль с ним.

В драме Пушкина есть еще один ростовщик - это барон, скупой рыцарь! Интересно, что Пушкин ни разу не назвал его этим неблагозвучным словом. Однако психологический конфликт, обозначившийся в названии трагедии (рыцарь не может быть скупым), отражен и в том, что он - рыцарь-ростовщик. Образ барона, дающего взаймы деньги под процен-

В.А. Фаворский. "Скупой рыцарь".

ты, выгодно "оттеняет" образ другого займодавца - жида. (Подозреваю, что этот факт остается в литературоведении незамеченным, может быть, потому, что темой жида, как правило, не занимались из осторожности. К тому же, из контекста следует, что эти персонажи никогда не могут встретиться на страницах произведения, их пути не сойдутся.)

Профессиональное ростовничество жида мотивировано его социальным положением в обществе. Для человека бесправного деньги - не столько средство к существованию, сколько привилегия, возможность, которая заставит людей господствующего сословия считаться с ним, а заодно и средством самозащиты.

Из контекста пьесы можно заключить, что именно барон - соперник, конкурент еврея по "бизнесу". Здесь у Пушкина прослеживается антипараллель с Шекспиром, зеркально перевернутая ситуация. Если у Шекспира Антонио - невыгодный конкурент Шейлоку (Шейлок об Антонио: "...И курса рост в Венеции снижает"), то у Пушкина, наоборот - еврей более лоялен к должникам, чем рыцарь-ростовщик. "Кровь должников сосал сей злой старик" - это Пушкин, как будто о

бароне, оглядываясь назад, скажет в стихотворении "И дале мы пошли..." В знаменитом монологе в подвале барон признается в том, что "сосет кровь должников".

Но важнее всего в трагедии то, что ростовщичество барона жизненными обстоятельствами не мотивировано. Он - аристократ, богат, за которого поручились род и весь порядок общества. Тем не менее, этот вельможа - "своеобразный банкир с земледельческой аграрной базой" - собирает монеты со своих несчастных разоренных должников. Впрочем, как только дело касается темы обогащения, денег как таковых - и в "Венецианском купце" и в "Скупом рыцаре" - начинаются "красивые разговоры", попытки примирить жестокий "бизнес" с христианской моралью. "Слащавым мытарем" назвал Шейлок Антонио.

Свою патологическую скупость, позорную для рыцаря страсть, барон ханжески прикрывает теорией: он властолюбец, а с деньгами - говорит он, - "мне все послушно, я же - ничему". И Антонио, и барон в сравнении со своими конкурентами-евреями блестящие "теоретики". В этом контексте противопоставление барона жиду в пушкинской трагедии приобретает особый смысл - жиду не нужна "идеология", ибо он христианской моралью не связан, о своей же морали не считает нужным говорить с иноверцами.

В то же время, рыцаря мучают угрызения совести. Вот строки, в которых слышатся отзвуки изощренного метафорического языка шекспировских драм:

Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Займодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают...?

Н. О. Лернер уделяет особое внимание этим строкам Пушкина: "Мрачная картина могил, высылающих мертвых, взята Пушкиным у Шекспира... В "Макбете", этой трагедии совести... Эту же картину выхода мертвых из могил находим в "Буре"... Гамлет спрашивает тень своего отца... "Зачем гробница, в которую мы тебя с миром опустили, разверзла свой тяжелый и мраморный зев и извергла тебя обратно?""

В 11-й песне Ада Вергилий рассказывает Данте о тяжести грехов и мерах их наказания. Кстати, Пушкин в своем стихотворении "И дале мы пошли..." не сказал, в каком круте Ада находится его ростовщик. Однако это сделал Данте. В 17-й песне он поместил ростовщиков в 7-м круте Ада - суровое наказание - и показал их даже не без эстетизма. На раскаленном песке сидят знаменитые и именитые ростовщики. У каждого на шее висят мешочки, кошельки или ладанки с вышитыми на них фамильными гербами. "Упоминательная клавиатура Данте" (Мандельштам) слышится у Пушкина: барон страшится Ада.

Как уже говорилось, в годы южной и михайловской ссылки у Пушкина был конфликт с духовной властью из-за атеистической темы одного его письма Вяземскому. Однако, и в рамках православия в России существовали не менее запретные темы, чем тема "хороший еврей" или уже упомянутый атеизм. Исследуя черновые записи Пушкина, в частности, отрывок "Повести из римской жизни", Ю. Лотман пришел к выводу, что в 1830 году Пушкин вдумчиво и серьезно обращался к теме Христа. Поэт отдавал себе отчет в том, что всякое литературное изображение Христа вызовет запрет духовной цензуры. "Тема Христа, - отмечал Лотман, - была с точки зрения духовной цензуры столь же запретна, сколь декабристская и пугачевская - с позиции цензуры светской".

Трагедия Пушкина "Скупой рыцарь" отражает и личную драму поэта - его конфликт с властями. Так же, как и в запрещенном романе Нарезного "Жиль Блаз", в "Скупом рыцаре" прослеживается противопоставление еврея дворянскому сословию, описанному, выражаясь языком уже упомянутого цензора, "самыми черными красками". Соломон, напротив, выступает лишь формально в качестве отрицательного героя. А в сравнении с рыцарем и Альбером он даже приобретает "положительный знак". Эту его двойную сущность Пушкин, как бы проговариваясь, выражает устами Альбера: "Проклятый жид, почтенный Соломон".

Впрочем, известно, что цензурные препоны не всегда идут во вред литературному произведению, более того, они могут служить питательной средой для творчества. Пушкин обманывает цензора, создает мнимо отрицательный образ еврея, а трагедию свою посвящает именно ей - цензуре. Но иной, внутренней цензуре официальной христианской морали, оборачивающейся ложью и лицемерием скупого рыцаря и Альбера. Альбер желает смерти отца, но христианская "самоцензура" в ее извращенной форме не позволяет ему даже самому себе признаться в этом желании. Вот для чего Альберу нужен еврей, читающий его тайные мысли.

С одной стороны, может показаться, что Соломон наводит Альбера на мысль об убийстве. Но с другой стороны, именно Альбер провоцирует Соломона, пытается разозлить его своей руганью и заставить таким образом высказать вслух сокровенное и запретное. На него, на Соломона, можно будет переложить вину за мысль об убийстве, за дьявольское искушение. Христианину жить без еврея нельзя, как нельзя ему жить без змия-искусителя, дьявола, некоей внешней силы, якобы совращающей его, "доброго христианина", с пути истинного и виновной во всех его прегрешениях. Вот почему поверхностно было бы полагать, что "Скупой рыцарь" - обыкновенная реминисценция, дань традиции. Трагедия Пушкина гораздо многозначнее, ведь в ней вскрываются глубинные основы антисемитизма как такового. Причина антисемитизма, как частного, так и социального - в стремлении переложить собственные грехи, собственные беды на чужие плечи, найти виновного и избежать личной ответственности. Такова мысль Пушкина.

Что же касается "проклятого жид, почтенного Соломона", то он, в отличие от Шейлока, результативен: он карает своих обидчиков жестоко и беспощадно. Создается впечатление, что Пушкин "откорректировал" Шекспира, пустившего своего героя по миру - бездомным, нищим, обесчещенным, лишенным единственной любимой дочери.

Эта статья публиковалась два года назад в берлинском литературном сборнике "Берега", выходящем небольшим тиражом. По просьбе читателей к двухсотлетию А. С. Пушкина мы публикуем ее в "Зеркале Загадок". Статья печатается в переработанном и дополненном автором виде.

Редакция "Зеркала Загадок"

Большинство стихов О. Мандельштама дошло до нас в списках, сделанных его женой. Работая над ними, Н. Я. Мандельштам вносила в тексты уточнения и поправки "по памяти". Они не всегда точны, но являются сегодня "мерилом мандельштамовской текстологии". В этом выпуске "Зеркала Загадок" мы публикуем сравнительный анализ разночтений в двух вариантах одного известного стихотворения Мандельштама, сохранившегося в списках. В "Разговоре о Данте" Мандельштам писал: "...сохранность черновиков - закон сохранения энергии произведения". Тем более, нам кажется интересным и важным небольшое исследование Елены Алексеевой, работающей с архивом Мандельштама, который находится сегодня в Принстонском университете.

Мина Полянская (литературный ред. "Зеркала Загадок")

"Художник нам изобразил..."

Елена Алексеева

Памятны слова А. А. Ахматовой - "Мы живем в догутенберговскую эпоху" и "Ося в печатном станке не нуждается". В 50-х годах это означало, что после гибели Мандельштама стихи, пережив террор, нашли своего читателя. В 90-х годах, когда издания Мандельштама хлынули на книжные прилавки, настало время задуматься о том, чем обернулся для текстов разрыв между автором и Гутенбергом, моментом создания стихотворения и его публикацией.

Даже если "забыть" об обысках, аресте рукописей, о том, что корпус сочинений неполон, что в книгах собраны стихи разной степени зрелости, что автографов поэта до нас дошло ничтожно мало и большая часть стихотворений записана рукой Н. Я. Мандельштама, - многолетний запрет на имя поэта и феноменальная способность мандельштамовского текста откликаться на чужие слова достаточно способствовали порче и рифмы, и ритма, и смысла... Выявить и исправить эти искажения - задача трудоемкая и не всегда выполнимая.

Обратимся к сравнительно "благополучному" стихотворению, сохранившемуся в нескольких списках Н. Я. Мандельштам разного времени и остановимся на записи ее руки в одном из "альбомов"-сводов поздних стихов Мандельштама. Приводим ее без изменений:

Художник нам изобразил
Глубокий обморок растений
И красок звучные ступени
На холст, как стружья положил

Он понял масла густоту
Его запекшееся лето
Румянным¹ мозгом разодето
Расширенное в глухоту.

А тень, то тень - все лиловой
Смычок иль хлыст, как спичка гаснут
Ты скажешь повара на кухне
Готовят жирных [лебедей] голубей
Раскачивается качель. / Недомалеваны вуали.

И в этом сумрачном развале
Уже хозяйничает шмель.

Коротко об авторе

Е. В. Алексеева закончила отделение классической филологии Московского Государственного университета. Живет в Принстоне (США) и занимается архивом О. Э. Мандельштама, переданным Н. Я. Мандельштам в Библиотеку Принстонского университета. В настоящее время Е. В. Алексеева готовит книгу - критическое издание рукописных сводов поздних стихов Осипа Мандельштама.

Если бы эта запись, сделанная при жизни поэта (предположительно, в 1938 году), была единственным, дошедшим до нас источником текста, то издатель скорее всего снял бы зачеркнутое слово [лебедей], учел знак разделения Н. Я. Мандельштам - напечатал в две строки:

О. Э. Мандельштам

Раскачивается качель.
Недомалеваны вуали.

- добавил грамматически необходимые знаки препинания и в таком виде преподнес читателю. Можно было бы еще отметить как заведомую аномалию *гаснут*, не рифмующееся с *кухне*, но едва ли можно было бы догадаться, что это стихотворение записывалось и совсем иначе.

Почти тремя годами ранее, в Воронеже Н. Я. Мандельштам работала над сводом стихов на основе частично уцелевших записей. Утраченные тексты восстанавливались при участии О. Мандельштама. Этот свод был назван "Ватиканским списком" самим Осипом Мандельштамом в честь наиболее авторитетных рукописей древних авторов, хранящихся в знаменитой Библиотеке Ватикана. В "Ватиканском списке" стихотворение выглядит следующим образом:

Импрессионизм

Художник нам изобразил
Глубокий обморок растений
И красок звучные ступени
На холст, как стружья положил.

Он понял масла густоту,
Его запекшееся лето,
Лиловым мозгом разогрето,
Расширенное в духоту.

А тень-то, тень - все лиловой!
[Свисток] Свисток иль хлыст, как спичка тухнет.
Ты скажешь: повара на кухне
Готовят жирных голубей.

Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом солнечном развале
Уже хозяйничает шмель.

¹ орфография оригинала. - ред.

Выпишем основные расхождения записей:

1935	1938
Импрессионизм	Названия нет
Лиловым	Румянным
разогрето	разодето
духоту	глухоту
Свисток	Смычок
тухнет	гаснут
Угадывается	Раскачивается
солнечном	сумрачном
23 мая 32 г.	Даты нет

Откуда такая пестрота?

Н. Я. Мандельштам предостерегала исследователей от увлечения записями в "альбомах", потому что делались они не в тиши кабинета, а, как правило, наизусть. В нашем "альбоме" - своде попадаетесь довольно много последующих исправлений Надежды Мандельштам другой ручкой или карандашом, то есть эти исправления носят характер перепроверки текста по окончании записи. Наиболее простое объяснение отмеченных нами "разногласий": альбомные чтения - не что иное, как ошибки памяти, выпавшие из поля зрения Н. Я. Мандельштам.

Добавим, что анализ почерка "альбома" показывает, что запись велась очень большими порциями. Данное стихотворение идет тридцатым по счету (или сороковым, если принять во внимание ссылки на публикации), близко к концу первого сеанса. Опыт и устоявшийся канон записи сводов, делавшихся во множестве и раздававшихся друзьям на хранение, позволяли Надежде Яковлевне развивать действительно ураганные темпы, которые утомляли руку и ослабляли внимание.

Не удивительно, что ритм выстукивал "свои слова". Румянным развивает кулинарную тему (запекшееся - повара - готовят); *разодето*, наоборот, возвращает к краскам лета; *глухоту* - вместо *духоту* - усиливает немоту картины, не нарушая рифмы густоту; Смычок улавливает взмах хлыста и, вытесняя Свисток, снимает пронзительность звука; гаснут, губя рифму, заменяет тухнет; изменение меню (лебедей вместо голубей) замечено и поправлено уже по ходу записи; качель, которая только угадывается, здесь начинает раскачиваться; солнечный свет сменяется полумраком...

Многочисленное переписывание сводов одной и той же рукой закрепляло отклонения - напоминаем, что чтения и ошибки близки по годам! - и они приобретали статус варианта текста. В рассматриваемых нами разночтениях устойчивыми оказались пары: пропуск названия/Импрессионизм, *разодето/разогрето*, *Смычок/Свисток*, *сумрачном/солнечном*...

Думается, что И. Эренбург ("Люди, годы жизнь", 1961), не обмолвясь об импрессионизме и отсылая нас к натюрмортам Кончаловского, не знал о названии стихотворения. Смычок попал в издания Г. Струве - Б. Филиппова (1964 и переиздания) и публикацию журнала "Простор" (1965). Своего рода каноническим чтением стало *сумрачном*: вслед за И. Эренбургом оно было принято Г. Струве - Б. Филипповым, Н. Харджиевым (1973) и удержалось в новейших изданиях Ю. Фрейдина - С. Василенко (1992) и А. Меца (1995). Чтение *солнечном* - в альманахе "Воздушные Пути" под редакцией Р. Гринберга (1961) и у П. Нерлера по текстологии И. Семенко (1990).

Обратим теперь внимание читателя на противоречие. "Ватиканский список" объявлен эталоном неоспоренного текста, а ни один публикатор последовательно не придерживается его. Мы имеем в виду ключевое для интерпрета-

ции изображенной художником картины слово. В "Ватиканском списке" он изобразил *глубокий обморок растений*, тогда как в печатных изданиях на картине - *глубокий обморок сирени*. Откуда пришло чтение сирени?

В архиве Мандельштама сохранилась запись Н. Я. Мандельштам на отдельном листке с чтением *сирени*. Возраст записи угадать без подсказки, с точностью до года, стороннему глазу невозможно. В исследовательском обиходе листок известен как список 1932 года. Запись "Ватиканского списка" 1935 года совпадает с текстом листка за исключением указанного *растений* и знаков препинания. "Наташина книга" - прижизненный изборник 1937 года, изготовленный Н. Я. Мандельштам с большой тщательностью для Натальи Евгеньевны Штемпель - сняв название, дает чтение *сирени* на фоне *разодето*, *Свисток*, *тухнет* и *солнечном*. "Альбомы" по памяти 30-40-х годов предпочитают чтение *растений* и обрастают подробностями. Чтение *сирени* возвращается в стихотворение в начале 50-х годов в сделанных под непосредственным руководством Н. Я. Мандельштам машинописных списках. Последние легли в основу самиздатских машинописей, что, безусловно, повлияло на дальнейшую судьбу стихотворения.

Ipsa dixit - "Надежда Яковлевна сказала" (правда, без уточнения, когда сказала) - было и остается мерилom мандельштамовской текстологии. С нашей точки зрения, выбор слова Надеждой Мандельштам - особенно в период активного переписывания неизданных стихов - определялся тем, как она в данную минуту слышала голос Мандельштама, т.е. ее предпочтения интуитивны и могли бы быть обозначены словами "так лучше" или "кажется, так".

В этой заметке мы хотели указать на подвижность текста, с которым работала Н. Я. Мандельштам ко времени его канонизации. Не меняя заданного Н. Я. Мандельштам направления - ориентироваться на ранние записи, мы бы предложили с большей осторожностью подходить к колебаниям чтений (в нашем стихотворении: сохранение/пропуск названия, сирени/растений, разодето/разогрето, сумрачном/солнечном). — Сложит ли следующий издатель стихотворение из слов разных источников на свой лад? Примет ли какой-нибудь один список со всеми его "нелепостями", вынося в разночтения вариации? В отличие от Н. Я. Мандельштам, нам уже нечего вспомнить, а освещение картины, как мы видели, остается контрастным.

Архив О. Э. Мандельштама (Отдел Специальных Коллекций и Редких Изданий Библиотеки Принстонского университета, США). Печатается с разрешения Библиотеки Принстонского университета.

Об аресте и гибели О. Э. Мандельштама. Хроника. Надежда Брагинская

30 апреля 1938 года был выписан ордер на арест О. Э. Мандельштама. 2 мая он арестован в доме отдыха "Саматиха". Это был второй арест поэта. (Сохранился единственный запроотоколенный допрос Мандельштама - от 17 марта. Следователь - младший лейтенант Шилкин.) Особое совещание при НКВД СССР постановило заключить О. Мандельштама в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет за контрреволюционную деятельность. 8 августа Осипа Эмилевича ознакомили с приговором. Эшелон, в котором его этапировали, пять недель находился в пути. В середине ноября он прибыл на разъезд Вторая речка под Владивостоком.

Предположительно, в ноябре Осип Эмильевич отправил брату Александру единственное - и последнее в жизни - письмо из лагеря. Он не мог написать жене: постоянного адреса у нее не было. Прочитав письмо мужа, Надежда Яковлевна отправила ему телеграфный перевод на 48 рублей, а 19 января 1939 года, еще не зная о его смерти, она обратилась к новому руководителю НКВД Л. П. Берия с письмом, в котором, в частности, просила "Содействовать пересмотру дела О. Э. Мандельштама и выяснить, дотачны ли были основания для ареста и ссылки". Но уже через несколько дней, 5 февраля, из Владивостока вернулся денежный перевод с припиской "за смертью адресата".

6 февраля 1939 года Надежда Яковлевна послала в ГУЛАГ запрос-просьбу: выдать свидетельство о смерти мужа. Полтора года она и братья Осипа Эмильевича не знали ни дня смерти, ни причины его гибели. И только в середине июня

1940 года Александра Эмильевича Мандельштама вызвали в ЗАГС Бауманского района Москвы и вручили ему для вдовы свидетельство о смерти старшего брата. Акт о смерти был подписан врачом Кресиновым. Причина смерти: "паралич сердца а/к склероз". Дата смерти - 27 декабря 1938 года. В начале января Осип Мандельштам был похоронен в братской могиле. Впоследствии эта могила была обнаружена.

Ныне есть мемориальные доски О. Мандельштама в Москве, Петербурге, Воронеже, в Гейдельберге и в Париже. Создан, но пока не установлен памятник во Владивостоке.

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Публий Овидий Назон (Понт)

Может быть ты удивишься тому, что чужою рукою
Это посланье мое писано: болен я был.
Болен неведомо где, у краев неизвестного мира,
В выздоровлении своем был не уверен я сам.
Вообрази, как страдал я душой, не вставая с постели,
В дикой стране, где одни геты, сарматы кругом.
Климат мне здешний претит, не могу и к воде я привыкнуть,
Здесь почему-то сама мне и земля не мила.
Дом неудобный, еды не найдешь, подходящей больному,
Некому боли мои Фебовой лирой унять;
Друга здесь нет, кто меня утешал бы занятным рассказом
И заставлял забывать времени медленный ход.
Изнемогая, лежу за пределами стран и народов
И представляю с тоской все, чего более нет.

Понт Эвксинский, 9 г. н. э.

Леонид Бергичевский (Берлин)

Осыпаются листья. И берлинская ранняя осень
наплывает туманом. И нервы уже на износе.
И опять непокой. И сонливая давит тоска...

Может, в Болдино тихом по привычке своей вдохновенье
бродит между стволов, верит в силу свою и везенье,
в то, что встретит Поэта, но обитель его далека...

Ну, а здесь, в тишине утонувшего в осени сада
не связать и двух слов стихотворного стройного
лада.
Осень ветром свистит и хлопочет, дождями хлестка.

Осыпаются листья. Их шипящие шорохом звуки
шелестят, что недолго мы с листьями будем в
разлуке.
Обещают вернуть их весной из рожденного снова
ростка.

Берлин, 1998 г. н. э.

Леонид Норкин (Нью-Йорк)

Говорим, говорим, говорим о России...
Этот яд выпиваем каждый день, как вино...
Словно проклинали нас и грехи не простили...
Вот и кружим обратно нашей жизни кино.

Сколько нас, тех, кто этим отравлены ядом,
Кто не может, не хочет сбросить Памяти крест?!
Кто-то бродит ночами своим Ленинградом,
Кто-то просто не спит, вспоминая про Брест...

Увезли запах трав и шуршание ветра,
Желтых листьев кленовых царскосельский
ковер...
Помнят руки шершавую гладь парашютов,
Помнит Сердце, как чайки вели разговор...

Кстати чайки... Совсем не похожи на невских
Те, что здесь на Лонг-Айленде сытно ворчат...
Их походка ленива, нет дерзости резкой...
Те в полете, как стрелы... Эти - тихо парят.

И вопросы, вопросы... И все без ответа...
Я кручу и кручу прошлой жизни кино
И боюсь, что порвется затертая лента
И тогда станет вдруг все равно... все равно...

Нью-Йорк, 1997 г. н. э.

Лютеру во время перевода Библии привиделся дьявол. Лютер запустил в него чернильницей, в крепости Вартбург и сейчас еще можно увидеть на стене коричневое чернильное пятно... В данном случае дьявол - воплощение дьявольской трудности, которая возникла перед Лютером-переводчиком и которую испытывает, должно быть, каждый из нас. Как преодолеть языковой барьер? Как истолковать подлинник по своему разумению, оставаясь, однако, исполнителем авторской воли? Как сделать перевод явлением своей литературы, своего языка, сохраняя при этом, как того требовал Вильгельм Гумбольдт, едва заметный оттенок чужого?

"Разбилось лишь сердце мое..." Лев Гинзбург

Из Гейне

Перевод

Ларисы Бройтман

"Маленькая свобода"

Купите эту книжку за три марки,
Ее цена - десяток сигарет;
Я знаю, что, как мертвому припарки,
Поможет вам ее благой совет,

Но все ж она вам преподаст урок.
Я сам немало из нее извлек!

*Бертольд Брехт,
перевод Ефима Эткинда*

В Петербурге вышла книга замечательного теоретика литературы и поэта-переводчика Ефима Эткинда "Маленькая свобода. 25 немецких поэтов за пять веков". Это самая крупная на сегодняшний день антология немецкой поэзии на русском языке. В противоположность традиционному построению, она составлена в обратном хронологическом порядке. Это "обратная антология", пятивековой путь от Петера Хухеля, Эриха Кестнера и Бертольда Брехта к Ангелусу Силезиусу и Гансу Саксу. Идея "обратного построения" антологии возникла у Эткинда более тридцати лет назад. По признанию автора, она восходит к Льву Толстому, преподававшему историю "от следствий к причинам" и заявлению Анны Ахматовой о том, что "хронология погубила даже Пушкина!"

В книге представлены переводные стихотворения, возникшие, главным образом, между 1955-м и 1965-м годами, в период, который Эткинд в послесловии к изданию называет "'золотым веком" поэтического перевода". Расцвет этой области художественного творчества автор объясняет сформулированным им "законом сохранения духовной энергии": "если людям нельзя писать стихи и романы, создавать философские системы и современное искусство, они проявляют свои таланты в других, доступных им областях; тогда возникают блестящие шахматисты, музыкальные исполнители, авторы стихов и повестей для детей, переводчи-

ки". Отсюда вслед за поэтом Эрихом Кестнером и название книги - "Маленькая свобода".

Ефим Эткинд называет себя "автором правой стороны", подчеркивая еще одну особенность новой антологии: она двуязычная, слева расположены оригинальные тексты, а справа - переводы. Таким образом, читатель, владеющий немецким языком, имеет возможность "свериться" с подлинником. И будет вознагражден за это вдвойне. Ведь при всей точности и адекватности перевода, антология Эткинда по-немецки не случайно названа не "Übersetzung", но "Nachdichtung", то есть дословно "стихотворчество вслед".

Уже в названии сборника читатель становится свидетелем удивительного взаимодействия оригинала и перевода, отражения одного языка в другом. По-русски - "обратная антология", а по-немецки - "rückläufige", то есть "бегущая вспять". Чудесное превращение происходит и с эпиграфом к сборнику - эпиграммой Готхольда Эфраима Лессинга.

У Лессинга:

Wer wird nicht einen Klopstock loben?
Doch wird ihn jeder lesen? - Nein.
Wir wollen weniger erhoben,
Und fleißiger gelesen sein.

У Эткинда:

Вы почитаете Клопштока?
Но кто читал его хоть раз?
Не почитайте нас высоко,
А лучше - почитайте нас!

Вслед за Лессингом и Эткиндом хочется пожелать их почитателям: почитайте "Маленькую свободу. 25 немецких поэтов за пять веков"!

*Игорь Полянский
(гл. ред. "Зеркала Загадок").*

Что стало со мною не знаю,
Что грустен я и угрюм,
Старинная сказка простая
Мне нынче пришла на ум.

Темнеет, прохладою веет,
И Рейн струится журча.
Вершина горы алеет
В вечерних солнца лучах.

Прекрасная дева младая
Сидит на вершине той,
Ее ожерелье блистает
И гребень ее золотой.

Косу золотую гребнем
Расчесывает она,
Поет, и силы волшебной
Песня ее полна.

Рыбак в челноке совершает
По Рейну привычный путь,
Но он обо всем забывает
Лишь стоит наверх взглянуть.

И смотрит рыбак с тоскою,
И слышит, как дева поет,
Забыл он про риф под скалою
И прямо на смерть плывет.

Поглочены будут волною
Пловец с челноком, и знай,
Что станет тому виною
Пение Лорелей.

Дон Рамиро

перевод Виктора Шнейдера

Генрих Гейне

"Донна Клара! Донна Клара!
Сладость долгих лет и кара!
Решена моя погибель,
Решена без сожаленья."

"Донна Клара! Донна Клара!
Жизни дар, однако, сладок!
А внизу, в сырой могиле
Холодно, темно и жутко."

"Донна Клара! Завтра утром
Назовет тебя Фернандо
Перед алтарем супругой.
Ты зовешь меня на свадьбу?"

"Дон Рамиро! Дон Рамиро!
Твои речи слышать горше
Планов звезд, что лишь смеются
Над желаньями моими."

"Дон Рамиро! Дон Рамиро!
Отряхни с себя унынье;
Много девушек на свете,
Нас же Бог развел с тобою."

"Дон Рамиро, смелый рыцарь,
Поборовший стольких мавров,
Побороть себя сумей же -
Приходи ко мне на свадьбу."

"Донна Клара! Донна Клара!
Да, приду, я обещаю!
Я желаю первый танец
Танцевать с тобой; до завтра."

"Доброй ночи!" - звякнул ставень.
Рыцарь, как окаменевший,
Долго не сдвигался с места;
Наконец во тьме сокрылся.

Вот и ночь, пройдя по кругу,
Уступила место утру;
И, как пестрый сад цветочный,
Расстилается Толедо.

Роскошью дворцы блистают,
В свете дня переливаясь,
Купола церквей сияют,
Словно крыты позолотой.

И, жужжа, как рой пчелиный,
Колокол звонит, и к небу
От церквей благочестивых
Поднимаются молитвы.

А на площадь из капеллы
Высыпает тьма народу.
Здесь придворные и дворя,
Доны, донны, духовенство,

И едва видна за ними
Окруженная почтеньем
Молодая пара в центре -
Донна Клара, дон Фернандо.

Вал народа дружно катит
К замку жениха, где нынче
По обычаю роскошно
Свадьба праздноваться будет.

Игры рыцарей, застолье,
Шум, веселье, ликованье,
Пролетели час за часом -
Незаметно дело к ночи.

В зал гостей зовут на танец...
...Сидя на высоких стульях,
Молодые обращают
Речи сладкие друг к другу.

Зал наполнился звучаньем
Музыкальных инструментов,
В такт литаврам начинают
Набегать людские волны...

"Госпожа моя и прелесть,
Что ты взгляда не отводишь
От того угла пустого?" -
Рыцарь говорит невесте.

"От пустого? Дон Фернандо,
Неужели ты не видишь
там кого-то в чем-то черном?"
"Это тень!" - смеется рыцарь.

Но, однако, тень все ближе,
И, узнав Рамиро, Клара
В замешательстве краснеет
И здоровается с гостем.

Огляделась. Видит - танец
Начался, танцоров носит
Дикое круженье вальса.
Пол трещит, весь зал трясется.

"Дон Рамиро, я с охотой
Танцевать с тобою буду...
Но в дальнейшем этот черный
Плащ ты надевать не должен."

Рыцарь сверлит Клару взглядом,
Обнимает, вводит в танец
И угрюмо произносит:
"Ты велела - я явился!"

"Твои щеки - как из снега!" -
Шепчет Клара с содроганьем.
"Ты велела - я явился!" -
Глух в ответ Рамиро голос.

А гремят кругом литавры,
А звенят над замком трубы,
А свечей мигает пламя
Сквозь гостей столпотворенье.

"Как из льда твои ладони", -
Шепчет Клара, не пытаясь
Более скрывать свой ужас.
"Ты велела - я явился!"

"Отпусти! Пусти! Рамиро!
Выдох твой - дыханье смерти!"
И в ответ все то же слово:
"Ты велела - я явился!"

"Ну, уйди ты ради Бога!" -
И как только это слово
Клара, больше не стеноя,
Твердым голосом сказала,

В то же самое мгновенье
Дон Рамиро испарился.
Клара взгляд остановила,
Побелела, как бумага,

И упала без сознания.
Наконец, в себя приходит,
Но опять стремятся камни
Накатиться на глаза ей,

Так как видит, что с начала
Танца не вставала с места.
Рядом с ней сидит Фернандо
И тревожно вопрошает:

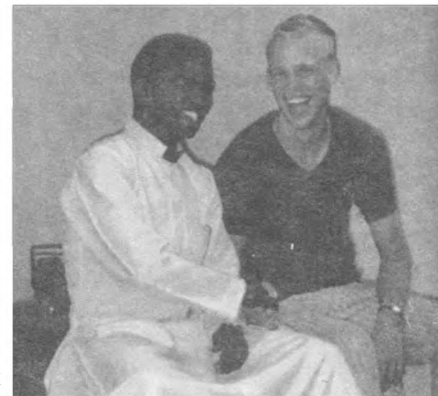
"Отчего ты побледнела?"
"А Рамиро?..", - заикаясь,
Клара начала, но ужас
Ей язык парализует.

Жениху на лоб ложится
Первая морщина: "Донна,
Не выпрашивай подробней.
Нынче днем Рамиро умер".

Истории Бременских музыкантов

Маттиас Шварц

Член редколлегии "ЗЗ" Маттиас Шварц (на фото справа) выступил в прошлом выпуске журнала с резкой критикой статьи гл. редактора "ЗЗ" Игоря Полянского, посвященной проблемам культурного релятивизма. "Мирное сосуществование африканского каннибализма и европейской цивилизации возможно", - заявил М. Шварц и отправился в поисках правды в Западную Африку, где поселился среди дикарей, чтобы собственным примером доказать свою правоту. Впрочем, очень скоро он затосковал по родному городу Бремену и прислал нам из джунглей статью о Бременских музыкантах. Предлагаем ее вниманию читателей.

Райнхард Михль
"Zaubermärchen"
Löwes Verlag, Bayreuth

Славному ганзейскому городу Бремену есть чем гордиться. Много хорошего и полезного создано бременцами. Здесь крупнейшая морская гавань - центр фасовки бразильского, аргентинского и колумбийского кофе. Сюда приходят баржи, груженные апельсинами и бананами для всего восьмидесятимиллионного населения Германии. У города неплохая футбольная команда. Бременцы варят хорошее пиво и могут похвастаться самым крупным в стране винным подвалом. Под городской ратушей тянутся бесконечные подземные лабиринты, наполненные бутылками и бочками прекрасного вина почтенной выдержки. Самое старое - урожая 1793 года. В тот знаменательный год стояло, надо сказать, отменное лето и урожай винограда был такой, каких с тех пор и не видывали. Наконец, на рыночной площади Бремена стоит Роланд - замечательный памятник искусства.

Но вот что удивительно: прославился этот город не вином и не Роландом, но благодаря четырем бродягам - ослу, собаке, коту и петуху. Несчастные животные были безработными. А поскольку в те стародавние времена не существовало еще не то что для зверей, но даже и для людей пособий по безработице, решили они стать городскими музыкантами в Бремене. Но... в славный город Бремен они так никогда и не попали.

Во всем мире дети знают сказку братьев Гримм. И многие, наверное, думают, что город мечты постаревших домашних животных - тоже сказочный и существует только в сказке. Между тем город Бремен есть. А бременские музыканты стали в 80-х годах нынешнего столетия - его негласным гербом, вытеснив официальную эмблему Бременский Ключ и мифологического бременца Роланда. Шоколадные фабрики, гостиницы и местные телестудии включают их в свои эмблемы, их статуи экспортированы в Латвию и Японию, их именем называются бременские театры и музыкальные группы. В цирке есть даже номер, поставленный по мотивам сказки. В главных ролях - настоящий осел, собака, кот и петух.

Но прежде чем пришло признание, история безработных зверей должна еще была пройти причудливый путь. Каждый знает эту сказку, но, наверное, немногим известно, как она возникла. Между тем, ее история, прежде чем она в 1812 году вошла во второе издание "Детских и домашних сказок братьев Якоба и Вильгельма Гримм", в высшей степени занимательна.

Младший брат-Гримм, Вильгельм, часто бывал в гостях у некоего барона фон Гакстаузуна, чья усадьба находилась в восточной Вестфалии на бывшей территории княжеств Мюнстер и Падеборн. Вильгельм был здесь желанным гостем, и не только сам барон, но также и юная, впоследствии прославившаяся как поэтесса, Анетта фон Дросте-Гюльсхофф (1797-1848) и ее сестра Йенни с восторгом принимали участие в поисках новых сказок. Похоже, собирательство сказок превратилось в доме барона в настоящую манию: расспрашивались слуги, крестьяне и ремесленники. Причем, не только во владениях барона фон Гакстаузуна, но и в близлежащих деревнях. Как утверждает легенда, сказка о Бременских музыкантах была впервые услышана именно "Августом фон Гакстаузоном во время делового путешествия в снежную бурю на постоялом дворе "Шваненкруг" недалеко от Дельбрюка" и позднее записана для Вильгельма Гримма.

Деревенский трактир Шваненкруг на берегу речки Липпе, название которого можно перевести как "кружка лебедя", существует и поныне. Вновь отстроенный после пожара в 1786-м году, своим названием он обязан посланному в эту местность королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом I (1713 - 1740) рыцарю-разбойнику и вербовщику офицеру Швану (т. е. Лебедю), который частенько останавливался здесь и кутил вечерами. В народе он пользовался дурной славой из-за жестокости, с которой он вербовал рекрутов в "великанскую гвардию" короля-солдафона и отправлял их в Берлин. Страх и ужас, которые этот злодей внушал народу, отразились в страшных историях и легендах. Некоторые боятся разбойника Швана и поныне. Одна из легенд сообщает, что Шван был проклят и умер бесславной смертью. С тех пор он бродит по окрестным лесам в образе огромного черного пса с огненными глазами. И горе тому, кого он повстречает. Злодей вошел и в сказку о Бременских музыкантах. Не кто иной, как рыцарь Шван и его сотоварищи по Шваненкругу были теми самыми разбойниками, которых прогнали отважные животные.

Впрочем, сам сюжет сказки о животных, которые из-за крайней нужды пускаются в путешествие в чужой город, чтобы стать там музыкантами, гораздо старше и распространен по всему миру. Самый древний из записанных вариантов возник в Риме в 91 году до н.э. В немецкие земли этот

Опасная профессия

Даниил Голубев

Коротко об авторе

Даниил Голубев - доктор мед. наук, профессор вирусологии. Возглавлял отдел молекулярной биологии вирусов Института гриппа в Ленинграде и кафедру вирусологии Биотехнологического центра Ленинградского Университета. С 1992 года живет в США. Автор двух американских патентов о новых вирусных вакцинах. Медицинский обозреватель радио "Свобода" и WMNB, главный редактор первой в США медицинской газеты на русском языке "Медицина и здоровье", президент American-Russian Medical Society. Автор 300 научных статей и 12 книг.

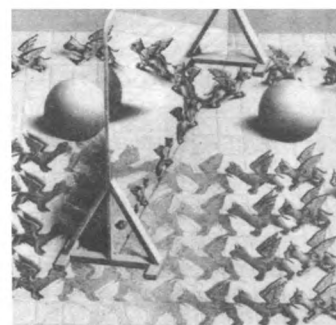
Много лет тому назад, на Камчатке, куда я был направлен "для прохождения службы" после окончания Военно-Морской Медицинской Академии, я однажды в госпитале услышал разговор двух офицеров. "Ты подумай, - говорил один - какая власть у этих медиков. Без них никуда: ни жену в санаторий не ушлешь, ни сам без путевки никуда не выберешься, а уж о переводе "на Запад" или о демобилизации - и думать нечего..." "Да, - отозвался второй, - вроде и не начальство, а власть у них огромная..."

Так было всегда и везде - и в древности, и в Средние века, на Востоке и на Западе. Верховный жрец - хранитель здоровья фараона в древнем Египте, и он же - главный балзамировщик его тела после смерти, Маймонид - лекарь султана Салах-ад-Дина на арабском Востоке, придворные лейб-медики их Превосходительств, Величеств, Святейшеств... В старом Китае, в домах богатых мандаринов, семейный врач сидел за столом по правую руку от хозяина дома как самый почетный и уважаемый член семьи.

В Российском Императорском флоте корабельный врач за столом в кают-компании сидел рядом с капитаном, по правую руку. В СССР Начальник 4-го Главного управления Минздрава ("придворный лейб-медик") Евгений Чазов был Членом ЦК КПСС, в то время как большинство министров, включая министра здравоохранения, не поднимались выше ранга "кандидат в члены".

Итак, врачи - самые почтенные, почитаемые, богатые, но... одновременно с этим, и одни из самых уязвимых членов общества. В Китае семейный врач сидел рядом с хозяином только до тех пор, пока в доме все были здоровы. Как только кто-то из домашних заболел, врача отсаживали все дальше и дальше от хозяина, на край стола, а в случае смерти врач в позорном одеянии шел за гробом первым как главный виновник трагедии.

Вообще, наказывать врачей за смертельный исход заболевания или даже просто за врачебную практику было довольно частым обыкновением с древнейших времен. Врачей нередко убивали и хоронили вместе с умершими пациентами. Так было при некоторых фараонах в древнем Египте, в том же Китае, в средневековой

сюжет попал, по всей видимости, из Малой Азии, откуда его в XI-м веке рыцари-крестоносцы принесли в Лотарингию. Из южной Германии он в течение столетий дошел до северной, а во времена братьев Гримм в северной Германии существовало целых три варианта сказки.

Цель путешествия музыкантов и видовой состав труппы варьировались в сказке в зависимости от местности. Во многих вариантах, как, например, в гентском XII столетия, вместе разбойников фигурирует злой волк, выгоняемый домашними животными. В сицилийском же варианте появляется петух. Надо сказать, гордый сицилийский дух наложил особый отпечаток на его амбиции. Петух вовсе не собирался становиться уличным музыкантом, а решил сделаться римским папой. Вот он отправляется в путь и встречает курицу, кошку и куницу, решающих к нему присоединиться. Вечером бродягам попадает избушка ведьмы. Однако ведьма оказывается хитрее путешественников-взломщиков и выгоняет их, не солоно хлебавши. Наконец, изголодавшиеся звери добираются до Рима. Здесь они для начала решают помуницировать в церкви. Но не тут-то было. Сказка оканчивается трагедией. Петух, а заодно с ним и курица, оказываются съеденными пономарем и его приятелями.

Существует также и множество современных вариантов сказки. В одной актуализированной версии это, например, эксплуатируемые в рекламе животные, пытающиеся устроить восстание и мечтающие попасть в Диснейленд. Однажды ночью они вместо разбойничьей избушки попадают на телестудию и становятся звездами экрана. Другая интерпретация - 70-х годов, когда по Германии прокатились массовые волнения. Альтернативная молодежь захватывала пустующие дома и устраивала в них коммуны. В сказке четыре безработных зверя становятся активными участниками классовой борьбы, а их победа над разбойниками трактуется как первый в истории захват дома (Hausbesetzung) коллективом взбунтовавшихся пенсионеров. Наконец, в 1990 году бременские музыканты попадают в кинофильм в качестве ищущих работу эмигрантов (гастарбайтеров) из Польши, и, будучи принятыми за террористов, оказываются, как и положено, в тюрьме.

Какова бы ни была интерпретация сказки, во все времена ее сюжет объединяла одна идея: это история о бродягах, ищущих счастья на чужбине. В связи с этим можно предположить, почему звери-музыканты в сказке братьев Гримм рвутся именно в Бремен. Возможно, причина тому - зажиточность и те свободы, которыми в средневековье этот город, будучи членом Ганзы, привлекал многих чужестранцев. Кроме того, в Бремене уличные городские музыканты с XIV-го до середины XVIII-го века пользовались особыми привилегиями: числясь при городской Ратуше, они имели право игры на всех празднествах, в отличие от бродячих музыкантов. А, может быть, все объясняется иначе, и Бремен получил своих на весь мир знаменитых музыкантов благодаря лишь тому обстоятельству, что братья Гримм были дружны с тогдашним бургомистром города Шмидтом?

Впрочем, вопрос о том, как Бремену достались музыканты, по сюжету сказки в него так и не попавшие, - не единственная загадка. Например, ученые до сих пор бьются над проблемой, что же за "вкусная еда и хорошие напитки" побудили Бременских музыкантов изгнать разбойников. А если спросить детей из Бремена и его окрестностей, где же та самая разбойничья избушка, все предлагают искать в разных местах. И, видно, долго еще будут рассказывать эту историю те, кто там был и мед-пиво пил, хоть сами Бременские музыканты и продолжают свою жизнь сегодня лишь в виде сувениров и талисманов.

Руси. Летописи сохранили сведения о нескольких лекарях, называвшихся "жидовинами" (что свидетельствовало об их еврейском происхождении), которые были казнены в России за то, что "плохо" лечили или даже за то, что "распускали хвори". Занятие медициной считалось в средние века еретическим. На костре инквизиции закончил свою жизнь великий Сервет, и это отнюдь не единичный пример.

Научно-технический прогресс 20-го века, увы, не положил конец подобному варварству. В 20-е годы просвещенную Америку потряс "обезьяний" процесс, сопровождавшийся широкой кампанией подозрительности и преследований биологов и врачей. Гитлеровский режим лишил евреев-медиков сначала права на практику, а затем и на жизнь. Одновременно с этим была искажена и извращена сама медицина - и как наука, и как система здравоохранения. Медицинская практика в значительной части превратилась в свою прямую противоположность, перестав заниматься защитой человека от страданий и взяв на себя палаческие функции стерилизации, вивисекции и прямого убийства. Не "отставала" от своего германского прототипа и сталинская тирания.

В 30-е и 40-е годы в СССР была фактически уничтожена центральная биологическая дисциплина - генетика, а вместе с ней и генетика медицинская. Выдающиеся генетики - Вавилов, Кольцов, Агоп и многие другие были либо расстреляны, либо доведены до гибели. Разгромлены и закрыты научные учреждения и, в том числе, институт медицинской генетики, созданный и руководимый профессором Левиным при поддержке наркома здравоохранения Каминского. Оба они были расстреляны. Вместо признанных авторитетов, живых классиков биологии и медицины, таких как Орбели, Штерн, Шмальгаузен, Насонов, Рапопорт, Дубинин, Зильбер, господствующее положение заняли безграмотные и наглые авантюристы - Лысенко, Лепешинская, Бошнян, Презент или посредственные приспособленцы типа Опарина или Лобанова, готовые выполнить любой приказ.

Своей совокупной "деятельностью" они отбросили науку назад более, чем на столетие. И это не преувеличение! Судите сами: "Биология Трофима Лысенко" образца 1948-50 годов по своей методологии находилась на уровне умозрительной натурфилософии, характерной для европейского естествознания в период до выхода в свет книги Ламарка "Философия зоологии". А ведь эта книга была опубликована в 1809 году.

"Учение о живом веществе" Лепешинской, увенчанное Сталинской премией 1-ой степени в 1950 году, могло еще хоть как-то рассматриваться до того, как возникла клеточная теория Шлейдена и Шванна, то есть до 1832 года.

Бредни Бошняна о том, что любой вирус может превращаться в бактерию и наоборот - любая бактерия в вирус - были сродни средневековым мифам о "самозарождении" жизни.

Бошнян игнорировал, а скорее всего, просто не знал об открытии русским ученым Ивановским в 1892 году вирусов как особой группы микробов, качественно отличных от всех других, включая бактерии. Книга Бошняна "О природе вирусов и микробов" была издана в 1950 году тиражом в 100 тысяч экземпляров. Она начиналась словами: "*Пастер был неправ...*"

Темная ночь опустилась над наукой огромной страны, и под ее покровом "опричники" от биологии и медицины погубили тысячи и тысячи жизней. Время "потекло вспять". Отнюдь не престижно, а очень и очень опасно было в те годы быть ученым в области биологии и медицины.

Но это - в науке. А еще была практическая медицина, в которой трудились тысячи врачей - и обычных, и выдающихся, и великих.

Один из моих учителей по Военно-Морской Медицинской Академии, крупнейший патологоанатом профессор Соломон Самуилович Вайль на своих лекциях говорил нам так: "Творческие профессии четко делятся на индивидуальные и массовые. Музыкальное творчество по самой своей природе индивидуально. Человечество совершенно не нуждается в тысячах композиторов... Но врач - это массовая творческая профессия. Три даже самых гениальных врача не могут лечить все человечество, для этого нужны тысячи и тысячи врачей и прежде всего - простых, так сказать, рядовых врачей."

Сталин ненавидел всех врачей - и простых, и выдающихся, и великих. Он ненавидел их, во-первых, как представителей интеллигенции. Но он ненавидел их и лично, потому что в силу природы своей профессии они имели над ним личную власть. Давая себя по необходимости осматривать и исследовать, Сталин был вынужден следовать их советам и рекомендациям.

В 1927 году Сталин в силу очевидного нездоровья подвергся консилиуму трех врачей, одним из которых был выдающийся психиатр Владимир Михайлович Бехтерев. "Я думаю, коллеги, диагноз ясен, - сказал Бехтерев, выходя из комнаты после осмотра Сталина, - паранойя". Эти слова были приговором диктатору - он прожил с диагнозом "паранойя" всю свою страшную жизнь. Но это был и приговор профессору Бехтереву - той же ночью он был отравлен.

В 50-е годы картина повторилась. Академик Владимир Никитович Виноградов - терапевт, лечащий врач Сталина - пришел к выводу, что больному необходимо резко ограничить трудовую активность. И Сталин приказал заковать академика в кандалы.

Но Сталин еще и "любил" врачей, "любил" за то, что их можно было легко использовать для политических провокаций. Схема проста до чрезвычайности: Горький мертв. Перед смертью Горький болел. Его лечили доктора Левин, Плетнев и Казаков. Ясно, что они плохо лечили. Иначе бы Горький не умер. Более того, они специально плохо лечили. Остается только уточнить, кто их заставил это сделать, или поручил, или попросил. Но это уже дело "вышинской" техники. Так было в 30-е годы. Так должно было быть и 53-м.

13 января 1953 года на весь мир прозвучало "Сообщение ТАСС" о том, что на одной шестой части земного шара наступила новая "Варфоломеевская ночь". В "деле врачей" слились воедино многие "ненависти", переполнявшие параноидальную душу Сталина: к интеллигенции, к врачам и к евреям. И только смерть тирана приостановила "окончательное решение еврейского вопроса".

Я предвижу, что читая мои заметки, читатель может сказать: "Все это история, и при том хорошо и давно известная... Да, так было, но дело это закрыто, врачей выпустили, Сталин умер и даже в России все это сразу же, как говорится, "быльем поросло", еще в "те годы". Какое это имеет отношение к сегодняшнему дню?

К сожалению, все это совсем не так. Совсем не сразу "поросло быльем" это в те годы в России, точнее - в СССР. Общественной нравственности был нанесен страшный удар, от которого она не могла сразу оправиться и, боюсь, что окончательно не оправится никогда. 4 апреля того же 1953 года "дело врачей" действительно было закрыто, оставшихся в живых выпустили, невнятно извинившись, а у меня до сих пор в ушах звучат слова моего сокурсника Юрия Ефименко: "Многие наши ребята недовольны тем, что врачи оказались не виноваты".

Как же тщательно нужно было пропитать души людей всевозможными ядами, чтобы слушатели старших курсов медицинской академии были недовольны тем, что обвине-

ния их старших коллег и учителей в совершении профессиональных преступлений оказались ложными... Я не оговорился, написав слово "учитель". В числе арестованных по "делу врачей" был начальник кафедры болезней уха, горла и носа нашей академии, генерал-майор медицинской службы, профессор Роман Андреевич Засосов. Мы пришли на его кафедру через год, лихо рапортуя: "Товарищ генерал! Лейтенант..." прибыл для сдачи экзамена по ото-рино-ларингологии..." Не знаю, догадывался ли он, что некоторые из рапортую-

щих были недовольны тем, что он не оказался убийцей... За время ареста у него умерла жена и застрелился сын, капитан первого ранга.

Нет, совсем не легка жизнь "эскулапов" всех времен и народов. Доверяя врачу самое дорогое, что у него есть - здоровье и саму жизнь, человек, образно говоря, берет "в залог" самого врача - и не только его репутацию, но нередко - его душу и тело.

Вагум Тарпинский

О происхождении фамилий российских евреев.

Очерк второй. *Фамилии немецкого происхождения и на основе идиша*

В трактате, написанном в XVII веке польским раввином, говорится: "Пусть Господь сделает так, чтобы все евреи заговорили на немецком языке".

В XV веке изгнание евреев из городов Центральной Европы приобрело массовый характер. Память об Исходе с Запада на Восток сохранилась в фамилиях многих российских евреев.

Недаром фамилии, восходящие, по-видимому, к древнеегипетскому слову "апиру" являлись широко распространенными сначала в Польше и Литве¹, а потом и в России: *Шапиро* - *Шафиров* - *Сатири* - *Сатир* - *Шпаро*. Это древнее слово часто употреблялось в Книгах, когда речь шла об Исходе евреев из древнего Египта. Теперь начался исход из германских и австрийских княжеств. (Отметим, что есть и другая версия происхождения ветви "Шапиро": на основе арамейского "шаппира" - красивый).

"Ствол" фамилий восточноевропейских евреев имеет глубокие ономастические корни. Весьма распространенная в настоящее время и в России и на Западе (после "обратного" исхода, вызванного массовыми зверствами Богдана Хмельницкого) фамилия *Ашкенази*, *Ашкиназе*, упомянутая в первой Моисеевой книге "Бытие", послужила в эпоху этого нового Исхода этнонимом для обозначения восточных евреев, говорящих на идиш². (Встречается также любопытная форма *Ашкенадзе* с грузинским суффиксом, не свойственным грузифицированным еврейским фамилиям, для которых использовался обычно суффикс -швили.) Другое название евреев из германских княжеств - *Дойч*, *Дейч* - сохранилось во многих фамилиях.

Что же вызвало массовое бегство евреев в направлении Запад - Восток, которое продолжалось несколько столетий? Переселение евреев в Польшу началось еще в XIV веке в эпоху Казимира Великого, когда старые локальные привилегии Болеслава Благочестивого для евреев Калишского района были распространены на всех евреев Великой и Малой Польши. Грамота в пользу евреев гарантировала, что "каждый еврей может свободно и безопасно переходить и переезжать ... из города в город, из провинции в провинцию ... и с совершенной безопасностью может вести и нести с собой

свое имущество и товары, продавать, покупать и менять, а пошлину платить не больше чем христиане". Эти привилегии были в ту эпоху единственным в Европе примером веротерпимости по отношению к евреям.

А в это время в большинстве городов Центральной Европы евреев обвиняли в распространении чумы. От Испании до Австрии евреев жгли, вешали и колесовали. Но самое ужасное творилось в Германии, где толпы были охвачены истерическим религиозным помешательством. В огне погибли еврейские общины Вюрцберга и Майнца, Кельна и Страсбурга, Нюрнберга и Ганновера, Франкфурта и Аuerбаха.

Чудом оставшиеся в живых евреи, узнавшие о привилегиях Казимира, переселились в Польшу. Хотя и там во время чумы также происходили еврейские погромы, массовые зверства имели место в основном в приграничных с Германией областях, например, в Познани. Ф. Кендаль в "Очерках времен и событий" пишет: "Не случайно среди евреев существовала легенда, что название Полин (Польша) произошло от двух еврейских слов "по лин": во времена "черной смерти" с неба упала записка с этими двумя словами: "здесь живи".

В XV веке центр еврейской активности начал перемещаться в Польшу и Литву. Но если тогда в Польше и Литве жило 20 тысяч евреев, то к концу XVI века их уже было сто тысяч.

Память об этом Исходе живет в фамилиях российских евреев. Именно "немецкие" фамилии до сих пор составляют большинство для евреев России. Приведем список наиболее распространенных из них.

Ауэрбах - *Ауэрбух* - *Авербух* - *Урбах* (немецкий город Ауэрбах).

Бахрах (Бахарах - небольшой город на Рейне).

Берлин - *Берлинер*.

Вертхаймер (немецкий город Вертхайм).

Гуревич - *Гурович* - *Гурвиц* - *Горовиц* (Горовиц по-немецки или Горжовице по-чешски - город в Чехии).

¹ Петр Павлович Шафиров интересен тем, что он чуть ли не единственный русский еврей эпохи "до раздела Польши", о котором многое известно. Выкрест, мелкий торговец, при Петре I дослужился до вице-канцлера, удачливого дипломата и управляющего почтами. Шафиров был женат на Анне Степановне (Самойловне) Копьевой из семьи выкрестов. Среди их потомков было много известных личностей: музыканты Виельгорские, Сергей Юльевич Витте, поэт Вяземский, славянофил Самарин, писатель Алексей Николаевич Толстой, знаменитый убийца Григория Распутина - Феликс Юсупов-Сумароков-Эльстон.

Гинзбург (Гюнцбург, Бавария) - одна из наиболее распространенных еврейских фамилий.

Гамбург.

Гессен (земля в Германии).

Каценеленбоген (город в Германии).

Кобленц (город в Германии).

Ландау (город в Германии).

Минц (город в Германии).

Оппенгейм - Оппенгеймер (Оппенхайм, Германия)

Франкфурт - Франкфуртер.

Фридлянд.

Эпштейн (Эпштайн, немецкий город в горах Таунус).

Ширвиндт (от названия городка в Восточной Пруссии).

Эттигер - Эттигон - Эттиген (город Эттиген, Германия).

Б. Унбегаун в книге "Русские фамилии" указывает, что в некоторых широко распространенных фамилиях евреев России первоначально географическое название изменилось до неузнаваемости (в условиях смешения глухих и звонких согласных в процессе перехода с немецкого на идиш); к тому же, само название старых малых городов теперь малоизвестно:

Гальперин - Гальпер - Альперин - Альперович (от немецкого города Хайльбронн). Липишиц - Ливишиц - Лифшииц (от города Леобшютц в немецкой Силезии). Тревес - Тривас - Тривус - Тривуш - все эти фамильные модификации связаны с немецким городом Трир, название которого в средневековой форме звучало как Тревес. В условиях народной этимологии и замены глухих на звонкие согласные эта фамилия, первоначально образованная от географического названия, превратилась в еврейскую фамилию Дрейфус (немецкая этимология "трехногий", которая была весьма распространена в немецких землях).

Весьма любопытна этимология еврейской фамилии Ойстрах. Казалось бы, речь идет об отчетливо славянофицированной фамилии (Ой, какой страх!) но на самом деле она представляет собой всего лишь результат звучания на идиш немецкого названия Австрии: Ёстеррайх.

Таким образом, эти примеры показывают, как за несколько столетий пребывания евреев в провинциях, управляемых польскими королями - Великая и Малая Польша, Волынь и Львовщина (Подолля) - в среде польских ашкенази постепенно сложился свой язык.

Идиш образовался значительным примешиванием иврита, славянских и некоторых других языков к средневековому немецкому языку.

Он возник в результате длительного и сложного процесса, который, по-видимому, начался еще в XIII - XV веках. Как указывает в своей книге "Тринадцатое колено" А. Кестнер, вначале это был только устный язык, нечто вроде средиземноморского "лингва франка", а в качестве письменного оформился только к моменту получения евреями фамилий. Кестнер пишет: "Неразбериху в произношении можно проиллюстрировать правилами, составленными "Юдиш Фолкс Библиотек": 1. Пиши, как говоришь; 2. Пиши так, чтобы тебя могли понять и польские, и литовские евреи; 3. Пиши слова, одинаково звучащие по-разному, чтобы они отличались друг от друга". Все эти правила отразились и в написании и произношении насильно "дарованных" фамилий.

Принцип идиша определялся тем, что "культурной и социальной доминантой в средневековой Польше долгое время оставались немцы". Только они в многонациональном котле "некоренных" народов королевства Пястов в экономическом и интеллектуальном плане были более влиятельными, чем евреи. Ашкенази, перебравшиеся в Польско-ли-

товское королевство, оказали огромное влияние на "закордонных" восточных евреев.

В трактате, написанном в XVII веке польским раввином, говорится: "Пусть Господь сделает так, чтобы все евреи заговорили на немецком языке". То есть звучал призыв вообще ко всем евреям заговорить на идише. А. Н. Поляк полагал, что первые признаки идиша появились уже в готских землях хазарского каганата, то есть до массовой иммиграции евреев в Польшу и Литву. Так через "готский мост" клички и прозвища ашкенази смогли попасть в хазарскую среду. Доказательства? А. Н. Поляк цитирует венецианского путешественника Иосифа Барбаро, жившего в середине XV века в городе Тан (на Дону). Его слуга немец мог изъясняться с некоторыми жителями Крыма "как флорентиец с генуэзцами".

Посол короля Фердинанда I в Константинополе составил список готских слов, которыми пользовались торговые люди в хазарском Крыму. Так или иначе, но проникновение идиша на просторы российской империи еще задолго до разделов Польши, вряд ли нужно отрицать. Одновременно под действием этого фактора в среде потомков хазаров-иудеев могли возникнуть ашкеназские прозвища и клички, образовавшие через несколько веков фамилии. Таков пример неоднозначного и весьма сложного пути современного идиша, который не мог не проявиться и в звучании фамилий современных ашкенази.

С помощью суффикса на идиш "-ер" образован ряд фамилий от польско-литовских географических названий по известному принципу "мадам Полосухер". Причем, весьма редко подобные фамилии образовывались от названий крупных городов. Например, *Варишавер*, *Вильнер*, *Кулишер* - *Калишер* (г. Калиш), *Могильнер* (Могилев), *Минскер*, *Оришер*, *Пинскер*.

В большинстве случаев, однако, такие фамилии связаны с небольшими городами и местечками, вошедшими после раздела Польши в "черту оседлости" на западе Российской империи: *Бабинцер* (Бабиныцы), *Василивкер* (Василивки), *Голосовкер* (Голосовки), *Гусятинер* (Гусятин), *Долиновкер* (Долиново, Долина), *Жабнер* (Жабно), *Зевалер* (Зеваль), *Каминкер* (Каминки), *Котловкер* (Котловки), *Крапивкер* (Крапивна), *Лещевкер* (Лещевки), *Лишинер* (Лишины), *Межричер* (Межриччя - Межречье), *Полянкер* (Полянка), *Слобидкер* - *Слободкер* (Слобидка - Слободка), *Слонимер* (Слоним), *Сорокер* (Сороки, Молдавия), *Цирковкер* (Белая Церковь), *Черняхвер* (Черняхов), *Шаравкер* (Шаравки).

Фамилии, произошедшие от географических названий образовывались также (хотя и реже) с помощью суффиксов -ес или -ис, например, *Лидес*. Эта фамилия произошла от местечка Лида Гродненской губернии (настоящая фамилия писателя Леонида Лиходеева).

Среди фамилий идиш-немецкого происхождения весьма многочисленны фамилии, образовавшиеся от названия профессий. Эти фамилии весьма ценны для изучения быта и кустарных промыслов, которым занимались польские ашкенази. Некоторые из этих фамилий имеют четкие фонетические отличия от соответствующих собственно немецких фамилий данной группы: *Биглер* (нем. "Бюглер") - гладильщик, *Кушнер* - *Кушнир* (от нем. "кюршнер") - скорняк.

В большинстве же случаев они ничем не отличаются от немецких, и, если они не имеют суффиксов славянского происхождения, их следует отнести к так называемым "двойным" фамилиям: то есть они могут принадлежать как еврею, так и немцу. Однако, если фамилия образована с помощью суффиксов -ов, -ович, или -енно, -онно, или же искажены согласные в корневой части, то, без сомнения, мы имеем дело с еврейской фамилией на идиш.

² Ашкеназ - библейская территория (гора) на востоке. В то же время, в греческих текстах "ашкеназ" - название скифов.

Бирбраер (от нем. "бирбрайер" - пивовар).
Блехер (от нем. "блехер" - жестянщик), но *Блехеров*, *Бляхеров*.
Вайншенк - *Ванишенк*, *Ванишенкин* - (кабатчик).
Глезер (от нем. "глезер" - стекольщик), но *Глейзер*, *Глезеров*.
Зецер (от нем. "зецер" - композитор), но *Зецеров*.
Зингер (от нем. "зингер" - певец), но *Зингерович*, *Зингеренко*.
Каннегисер - *Кангисер* (от нем. "кангиссер" - лудильщик).
Кучер (от нем. "кучер" - извозчик), но *Кучеров*.
Трегер (от нем. "трегер" - носильщик), но *Трейгер*.
Фербер (от нем. "фербер" - красильщик), но *Фарбер*, *Фарберов*, *Ферберов*.
Фишер (от нем. "фишер" - рыбак), но *Фиширович*, *Фишман*.
Фурман (от нем. "фурманн" - извозчик на фуре), но *Фурманов*.
Шенкер - (от нем. "шенкер" - трактирщик), но *Шейнкер* (дети рыбинского еврея Шейнкера стали в США отцами-основателями Голливуда: Джорджем и Николасом Шенками), *Шенкин*, *Шейнкин*.
Шнейдер (от нем. "шнайдер" - портной), но *Шнейдеров*, *Шендерович*.
Штрикман (от нем. "штрикман" - канатчик).
Шустер (от нем. "шустер" - сапожник), но *Шустерович*, *Шустарович*.

А такая фамилия как *Магазинер* в комментариях не нуждается.

Среди фамилий русских евреев сравнительно небольшую часть составляют фамилии патронимического происхождения и несколько большую часть - метронимические фамилии. Это вполне понятно, поскольку большинство русских фамилий образовывались естественным путем от имени главы семейства, а подавляющее большинство еврейских было "изобретено" аудиторами по принципу: "еврей определяется еврейкой-матерью".

В настоящем очерке приведена та группа патронимических - метронимических фамилий, которые образовывались с помощью идиш-немецкого морфологического "оформления": окончаний - сон/зон/сын, а также - ис(ес):

Абрамсон, *Борухзон* (от имени Барух), *Бейлинсон* (Белла, Бейла от сефардо-марранского имени Изабелла), *Иосельсон* (Иосель - польско-литовское звучание имени Иосиф), *Юдельсон* (Юдель - польско-литовское звучание имени Иегуда), *Мендельсон* (уменьшительное от Менахем), *Маашинсон* (Моше - Мойше от Мсисея), *Ривинсон* (от Рива - Ривка - библейское имя Ревекка), *Нахимсон* (от библейского Нахум - Наум), *Циперсон* (Циппора - Сепфора, жена Моисея), *Шпринцсон* - *Спринцсон* (Шпринса от сефардо-испанского имени Эсперанса - надежда), *Фрумсон* (Фрума - праведная - от немецкого Фромме - праведность).

Иссерлис (от имени Израиль, это фамилия известного краковского раввина Рамо), *Мошес* (от Мойше), *Пинхес* (Пинхас, Пинхус от Финнес, Пинхас), *Тевелес* (Тевна - Тувна - Товна), *Двойрес* - *Двойрис* (от Деборы - Деворы (пчелка) - имя кормилицы Ревекки), *Маргулис* - *Мергулес* - *Маргулиес* (от Маргалит - Маргарита(н) - женское имя от древнегреческого "жемчужина"), *Златкис* (женское имя от польского Злата), *Хайкес* (женское имя от Хая - Хайка, что означает "жизнь"), *Шифрис* (женское имя от "Шифра" - красивая), *Бейлис* (от Изабеллы - см. выше), *Гиттис* - *Гитнес* (женское имя Гита от немецкого Гуте - прелесть), *Зискис* (женское имя Зиса от немецкого Зюссе - сладость), *Перлис* - *Перлес* (женское имя Перла от немецкого Перле - жемчужина, сокровище), *Нахамкис* (от библейского имени Нехама - Нахама), *Фредис* - *Фрадис* (женское имя Фрейда - Фрайда от немецкого Фройда - радость, что, в свою очередь, является переводом библейского имени Симха - радость), *Ривкес* (от имени Рива).

Фамилии, восходящие к идиш или к немецкому языку, "изобретались" (термин Б. О. Унбегауна) австрийскими или немецкими чиновниками, и их искусственностью объясняется, во-первых, псевдонемецкая форма, а во-вторых, странный, иногда даже курьезный смысл.

Чаше всего галицийские "клички" носили бессмысленный, издевательский характер. Гораздо реже они не отличались от собственно немецких прозвищ. Но в большинстве случаев их приспособляли к произношению идиш. В качестве типичного примера Б. О. Унбегаун приводит фамилию *Апфельбаум*. Это фамилия хотя и немецкая по форме, но отчетливо еврейская, поскольку надо было быть большим "шутником", чтобы назвать человека "Яблоней". Соответствующие формы на идиш представлены в фамилиях *Эпельбаум*, *Опельбаум* и *Опельбойм*.

Самое простое было назвать еврея иностранцем, присвоив ему фамилию *Ойслендер* (от Ауслендер). Здесь и выше можно заметить, что переход от немецкой формы в форму идиш сопровождается заменой немецких длинного "о", "ау" и немецких ё, а, о, еи, на -ей (литовский идиш) и -ой (польский идиш).

Например: *Ойхенбойм* (дубовая клепка?!) вместо *Айхенбаум*, *Ойхгельд* (плата за клеймение?!) вместо *Айхгельд* или *Ойслик* вместо *Аусблик*. Весьма часто в фамилиях на идиш немецкое "ю" менялось на "и". Например: *Гликман* от *Глюкман* - счастливый человек (неплохая шутка чиновника), *Гринберг* от *Грюнберг* (зеленая гора), *Гринзайд* от *Грюнзайде* (зеленый шелк?!), *Ройзенблит* от *Розенблоте* (цветок розы), *Ниссенбоим* от *Нюссенбаум* (ореховое дерево).

Иногда шутник-чиновник, "изобретая" для еврея фамилию, пользовался игрой слов. Например, *Вайнребе* означает "виноградная лоза". Но такое прозвище может также означать курьезное сочетание "винный раввин". Те же, у кого не было столь развито воображение, пользовались названиями птиц, зверей и рыб (*Фокс*, *Вульф*, *Адлер*, *Фиш*). Популярными были и названия драгоценных металлов. Так появились бесконечно развитые ветви фамилий от *Гольд* (золото) и *Зильбер* (серебро).

Как мы уже видели, в Галиции преобладало творчество, лишавшее фамилии смысла: *Вайценбаум* (пшеничное дерево), *Зауэриштром* (кислый поток), *Левенфиш* (Лев-рыба), *Циферблат*, *Цигенбаум* (козье дерево), *Цитронблат* (лист лимона). В некоторых "галицийских кличках", тем не менее, можно проследить, некое подобие смысловых корней. Фамилия современного самарского предпринимателя и президента "Всемирного союза рыжих" (по-видимому, не столь криминального, как в рассказе Конан-Дойля) *Беренбойм* (по-немецки Беренбаум), то есть "медвежье дерево". Вполне вероятно, что эта фамилия несет искаженный признак сефардского происхождения предков "нового русского" Михаила Беренбойма. Известно, что медведь, вытянувшийся вдоль ствола земляничного дерева - старинный символ Мадрида, откуда мог начаться исход предков Беренбойма.

В заключение этого очерка хотелось бы остановиться на многочисленном семействе фамилий идиш-немецкой формы с корнем "альт" (*Альтер* - *Альтерман* - *Альтман* и т.д.). Эта фамилия образована по древней еврейской традиции от имени "старший". По сообщению Ф. Канделя, в многодетной еврейской семье, где умерло несколько детей, ребенку обычно давали такое имя "в надежде, что ангел смерти при своем следующем посещении будет сбит с толку, обнаружив вместо ребенка "старого человека". По тем же причинам, если ребенок серьезно заболел, то могли заменить его имя на имя *Альтер*.

Продолжение следует

История одной фотографии

Евгения Сафьян

Этой фотографии более 130 лет. Она была сделана в 1866 году на Канарских островах. Туда, к берегам испанской колонии, отправилась тогда экспедиция, участниками которой были великий немецкий ученый Эрнест Геккель (1834-1919) и русский ученый Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846 - 1888).

На фотографии Эрнесту Геккелю только 32 года. Совсем недавно, в 1861 году он стал приват-доцентом зоологии и сравнительной анатомии, а с 1862 года - профессором Йенского университета. Мы видим его сидящим у стола. Рядом - оборудование экспедиции. А по другую сторону стола стоит его ученик Н. Н. Миклухо-Маклай, который в 1865 году покинул Лейпцигский университет и перешел на медицинский факультет Йенского университета, чтобы учиться у Геккеля.

Когда ученику нравится учитель, ученик старается быть на него похожим. На фотографии у Геккеля и Миклухо-Маклая одинаковые прически, одинаково подстрижены бороды и даже косынки на шее повязаны одинаково.

Там, на Канарских островах, Н. Н. Миклухо-Маклай сделал свое первое научное открытие. Он обнаружил и описал дотолем неизвестный вид губки - морского беспозвоночного - и на правах первооткрывателя дал ему название "Гуанчи бланка" - в честь племени гуанчей, населявшего некогда Канары и уничтоженного испанскими колонизаторами. Вот из-за этого-то названия между учеником и учителем произошла размолвка.

Э. Геккель был крайне недоволен. Он считал неправомерным называть губку, животное весьма примитивное и малопривлекательное, именем исчезнувшего народа. Однако, Н. Н. Миклухо-Маклай отстаивал свое название, ссылаясь на то, что пройдет еще 200-300 лет, и человечество забудет о существовании народа гуанчей, зато в названии нового вида губок память об этом народе сохранится.

По материалам экспедиции 1866-1867 гг. на Канарские острова и в Марокко Миклухо-Маклаем была написана его первая научная работа, а в 1869

году, окончив медицинский факультет Йенского университета, он начал свою самостоятельную экспедиционную деятельность.

Его жизнь - это цепь бескорыстных скитаний. Широко эрудированный ученый, мыслитель, гуманист, он был врачом, зоологом, этнографом, антропологом, общественным деятелем. Э. Геккель высоко ценил русского ученого. В своих статьях, посвященных Миклухо-Маклаю, он отмечал его "аналитический склад ума", но всегда упрекал его в том, что он хотел быть трибуном и защитником отсталых, истребляемых народов. А историю с губкой *Гуанчи бланка* Геккель запомнил навсегда и спустя много лет сказал о Миклухо-Маклае: "Он мог избежать многих трудностей и опасностей, если бы занимался только губками".

Как подписаться на «Зеркало Загадок»?

«Зеркало Загадок» можно получать по почте. Подписка на «Зеркало Загадок» осуществляется по принципу: «Товар - деньги - товар...». Это значит, что денег вперед за еще не вышедшие номера редакция не принимает. Подписной купон не оформляется. Подпись подписчика не требуется. Для прекращения подписки достаточно устного или письменного заявления читателя.

Подписка организуется следующим образом:

1. Читатель в избранной им форме (по телефону (030) 44 1 03 48 или письменно) информирует редакцию о желании получать «ЗЗ», сообщает свое имя и адрес. Этого достаточно.
2. Сразу же после выхода очередного номера «ЗЗ» редакция высылает абоненту требуемое количество экземпляров и счет на оплату журнала и пересылки.

Банковский счет редакции:

Dresdner Bank

K-to Nr. 4038701000, BLZ 10080000

Empfänger: Igor Polianski

В графе «Verwendungszweck» не забудьте указать, кто платит (свое имя) и за что (номер выпуска «ЗЗ»)!

Fortschritt Stiefel.

Patentamtlich
eingetr. Warenzeichen.

Solid, leicht. elegant.

АТЕЛЬЕ ПО РЕМОНТУ
ОБУВИ

быстро и качественно

Stettiner Str. 62, 13357 Berlin

Tel.: 4 94 60 54

ИЛЛЮСТРАЦИИ: Unter den Linden, Stiftung Stadtmuseum Berlin und Nicolaische Verlagsbuchhandlung Beuermann GmbH Berlin; Eike Geisel, Im Scheunenviertel, Severin und Siedler, Berlin; B. Ernst, Der Zauberschpiegel des Escher, Taschenverlag.

РЕКЛАМ

PRE-PRESS DESIGN PHOTOGRAPHY

030-2 92 45 93
PAVEL@VOSSNET.DE

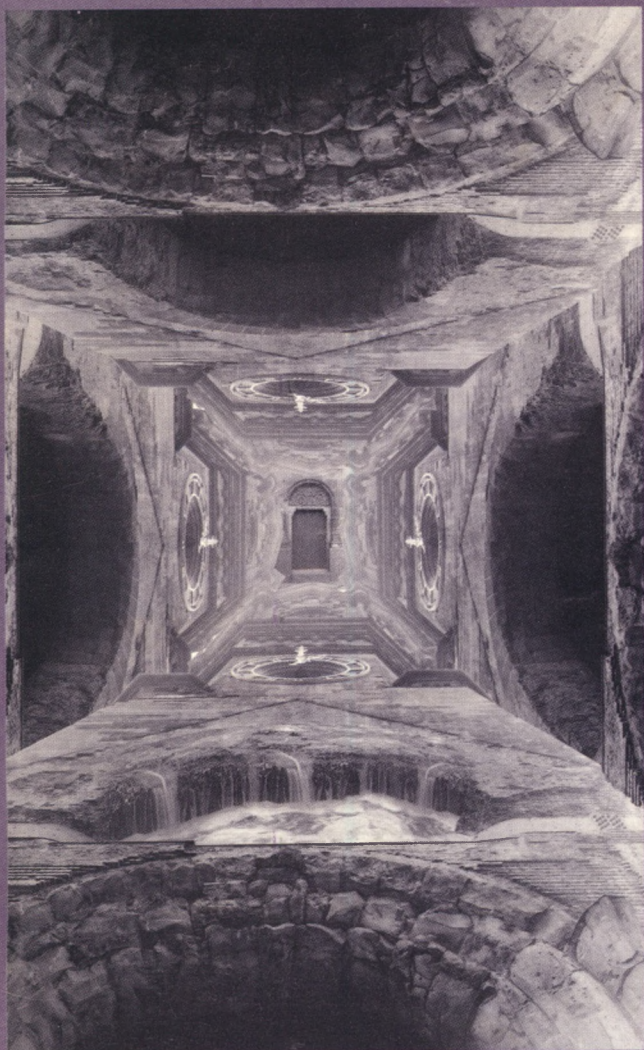
А рыбы не молчали.

“...Нормальная и полезная еда есть еда с аппетитом, еда с испытываемым наслаждением”.
Академик И. П. Павлов (1849-1936)

Наш адрес:
Haltaufderheide 16
654340 Benkendorf (bei München)

ВЫ ИСПЫТАЕТЕ АППЕТИТ В НОВОМ
РУССКОЯЗЫЧНОМ РЕСТОРАНЕ
“БОЛЬШОЙ ВУДВЯР”

Павел Свєрглов
ПРОГУПКИ ПО БЕРПИНУ...
pavel@vossnet.de

